Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение высшего
профессионального образования
"Удмуртский государственный университет"

На правах рукописи

Сенникова Людмила Александровна

ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В БАССЕЙНЕ Р.ВЯТКИ

Специальность 07.00.06 – археология

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор Р.Д.Голдина

Ижевск 2006

Оглавление

Введение 4

Глава 1. История изучения поселений эпохи поздней бронзы бассейна р. Вятки 11

1.1. Коллекционирование древностей бронзового века (1850-1910-е гг.) 12

1.2. Выделение автохтонных археологических культур (1920-1970-е гг.) 20

1.3. Разработка проблем миграции в современных исследованиях (1990-е гг. по настоящее время) 46

Глава 2. Характеристика жилищ и поселений. Реконструкция поселков. 50

2.1. Климатические особенности бассейна р. Вятки в эпоху поздней бронзы 50

2.2. Топография поселений 52

2.3. Жилые и хозяйственные сооружения 58

2.4. Реконструкция поселков 70

Глава 3. Типология и характеристика глиняной посуды 76

3.1. Группа плоскодонных сосудов 79

3.1.1 Чашки 79

3.1.2. Банки 82

3.1.3 Горшки 88

3.2. Круглодонные сосуды (маклашеевские) 101

Глава 4. Кремневый инвентарь поселений. Изделия из металла 108

4.1. Каменное сырье 109

4.2. Нуклевидная группа 113

4.3. Отбойники. Ретушеры 115

4.4. Отщепы и пластины 117

4.5. Классификация орудий труда 120

4.7. Изделия из металла 132

Заключение 136

Архивные материалы 149

Список литературы 154

Список сокращений 169

Приложение 171

Введение

Поселения позднего бронзового века (ПБВ) Приуралья давно привлекают внимание исследователей, так как вопросы, связанные с их изучением и интерпретацией не всегда имеют однозначное решение. У исследователей приуральских древностей (Л. И. Ашихмина, М. Ф. Обыденов, Р. Д. Голлдина, В. П. Денисов, Е. П. Казаков, Ю. А. Колев, С. В. Кузьминых) не существует единого мнения и об археологических культурах ПБВ Приуралья и о территориях, которые эти культуры занимают. Вопросы самостоятельного существования культур (ерзовской, луговской, межовской, быргындинской, приказанской, буйской, средневятской) или объединение их в рамках единой общности каждый современный исследователь рассматривает и решает по-своему. М. Ф. Обыденнов (1998), Е. П. Казаков отмечает черкаскульское и андроновское влияние на формирование культур ПБВ. А. В. Збруева (1957, 1960) и В. Ф. Генинг (1967) выделяли андроновский и срубный элемент в сложении этих культур. А. Х. Халиков (1967, 1969), В. П. Денисов (1967) решающую роль отводили ранее живущим местным (волосовским, турбинским) племенам и пришлому срубному компоненту. Все это требует пристального изучения ПБВ на Вятке.

И на сегодняшний день вопросы, связанные с формированием археологических культур ПБВ Приуралья, территорией, занимаемой этими культурами, а также проблемы единства или различия культур не имеют однозначного решения. Основываясь на современных сложно выделить и определить какую-либо единую картину для культур ПБВ Приуралья и четкую схему их расположения.

Объект исследования в диссертационной работе – это поселения эпохи поздней бронзы в бассейне р. Вятки. Других материалов (погребальных памятников, металлургических и кремнеобрабатывающих мастерских, наскальных рисунков) в исследуемом регионе не выявлено.

Предметом исследования является характеристика поселений эпохи поздней бронзы бассейна р. Вятки, который можно рассматривать как самостоятельный географический регион.

Территориальные рамки работы. Бассейн р. Вятки занимает пограничное пространство между Поволжьем и Приуральем и почти целиком, за исключением коротких участков верхнего и нижнего течений, расположен в современных административных границах Кировской области. По климатическим и природным показателям эта территория ближе к Приуралью. В рамках проводимого исследования территория Приуралья ограничивается на севере реками Вычегдой и Печорой; на юго-западе - нижним течением р. Камы; на востоке - западным склоном Уральских гор. Западная граница определена по Ветлужско-Волжскому междуречью, несмотря на то, что географически этот район определяется как Поволжский.

По современному геоботаническому делению бассейн р. Вятки входит в Камско-Печорско-Западноуральскую подпровинцию Уральско-Западносибирской провинции Европейской таежной (хвойно-лесной) области (Л. А. Зубарева, 1997, с. 343-344). Северную часть территории (до линии Опарино-Мураши-Нагорск-Кирс) в настоящее время занимает подзона средней тайги. Срединная часть находится в подзоне южной тайги, основными образующими видами которой являются ель и пихта, также встречается лиственница. Надпойменные террасы рек Вятки, Чепцы, Моломы, Кильмези заняты сосняками. Южнее (от линии Тужа-Советск-Нолинск-Нема) начинаются широколиственно-елово-пихтовые или смешанные леса, которые являются переходной полосой между зоной тайги и широколиственными лесами. В северной полосе смешанных лесов на водоразделах присутствует липа, в южной - дуб. С ноября по апрель преобладают ветры южного, юго-западного и западного румбов. В мае перевес берут северо-западные ветры. В летние месяцы - ветры преобладают западного направления. В отношении силы ветра самым спокойным сезоном является лето, самыми ветреными - весна и частью осень.

Хронологические рамки работы. В системе общей периодизации эпохи раннего металла поздний бронзовый век начался в третьей четверти П тыс. до н. э. после распада Циркумпорийской металлургической провинции и формирования на пространствах Восточной Европы новой Евразийской металлургической провинции и в том числе, новых культурно-исторических общностей и археологических культур (Е. М. Черных, 1978, с. 69, 71-72). В Приуралье для позднего бронзового века исследователи выделяют два хронологических горизонта (две фазы): сейминский - ХУ-ХП вв. до н. э. и предананьинский - рубеж ХП\Х1-1Х\УШ вв. до н. э. (Е. Н. Черных, 1970, с. 103, 105 (примечание). Анализ новых и уже имеющихся материалов по эпохе поздней бронзы Приуралья, сравнение их между собой и с предшествующими хронологическими этапами позволяет сделать вывод о значительных переменах в культурной и, возможно, геополитической ситуации, произошедших в середине П тыс. до н. э. в Приуралье. Во второй половине П тыс. до н. э. орнаментация по сравнению с предшествующей нео-энеолититичекой эпохой существенно и заметно меняется глиняная посуда: ее форма, технология изготовления.

Несмотря на значительный материал, собранный при изучении памятников позднего бронзового века Приуралья и Среднего Поволжья, обобщающие работы по этой теме отсутствуют. Современная ситуация в изучении ПБВ Приуралья в целом определяется необходимостью объединения усилий исследователей для изучения целого хронологического периода (С. В. Кузьминых, 2002, с. 10). Но, прежде всего, необходимо систематизировать и обобщить обширный археологический материал позднего бронзового века, полученный в ходе археологических исследований в 1970-1990-е гг. на памятниках Вятского бассейна. До настоящего времени подобной работы не проводилось. Систематизированные вятские материалы позволят осуществить сравнительно-сопоставительный анализ поселений эпохи поздней бронзы с отдельными регионами Приуралья и Среднего Поволжья и в дальнейшем получить общую картину ПБВ на всей территории Приуралья,

определить особенности исторической ситуации в эту эпоху. Результаты проведенного исследования и вятские материалы в дальнейшем могут быть использованы для сопоставления с предшествующей эпохой ранней бронзы и последующими постмаклашеевскими и ананьинскими периодами, для определения историко-культурного места памятников поздней бронзы Вятского бассейна в археологии Приуралья и Среднего Поволжья. Эти материалы и разработки могут быть привлечены для написания научных трудов по древней истории Камско-Вятского региона и, в целом, по истории Урала и Восточной Европы, использоваться при создании музейных экспозиций и выставок, в разработках курсов лекций по истории края в средних и высших учебных заведениях.

Цель исследования - систематизация и обобщение материалов поселений позднего этапа бронзового века бассейна р. Вятки. Эта цель достигается посредством решение четырех основных задач, которые вытекают из источниковедческого характера работы. 1) Систематизация знаний о позднем бронзовом веке Приуралья и история изучения ПБВ на территории Приуралья. 2) Характеристика и анализ поселений и жилищ Вятского края. 3) Характеристика и классификация кремневого инвентаря. 4) Классификация и типология глиняной посуды.

Впервые в форме диссертационного исследования обобщены материалы по поселениям эпохи поздней бронзы бассейна р. Вятки. В работе проанализирован материал, собранный в период с середины 1950-х и до конца 1990-х гг. Основу диссертационного сочинения составляют результаты полевых изысканий автора самой диссертационной работы, полученные в процессе работы археологической экспедиции Кировского областного краеведческого музея (АЭКОМК) в 1980-1990-е гг., исследования сотрудников Камско-Вятской археологической экспедиции (далее КВАЭ) Удмуртского госуниверситета (далее УдГУ) Р. Д. Голдиной, Е. М. Черных, Н. П. Девятовой (Карповой), Л.Д. Макарова, проведенные в 1970-80-е гг. Также привлечены материалы Удмуртской археологической экспедиции (далее УАЭ) УдНии, проведенные в

1950-е гг. В. П. Денисовым, В. Ф. Генингом, Е. Н. Стояновым и в 1970-е гг. Л. Н. Наговицыным, изыскания археологической экспедиции Кировского государственного педагогического института (ныне ВятГГУ) в 1980-х гг. (М.И.Трефц). Использованные в работе коллекции и материалы хранятся в Кировском областном краеведческом музее (далее КОКМ), в Музее истории народов Прикамья УдГУ. Для сравнения и сопоставления просмотрены коллекции фондов Национального музея республики Татарстана (НМ РТ), Пермского областного краеведческого музея (далее ПОКМ).

Активное и широкомасштабное археологическое изучение в 1950-1960-е гг. древних памятников на рр. Каме и Волге было связано со строительством Пермской, Воткинской, Куйбышевской ГЭС; проектные работы касались и р. Печоры. Зоны затопления подвергались сплошному археологическому обследованию. Непосредственно на р. Вятке таких работ не проводилось, бассейн Вятки выпал из активно исследуемых территорий и изучался лишь попутно. Планомерные археологические исследования в междуречье рек Вятки и Камы и непосредственно в бассейне р. Вятки начались с 1973 г., после создания КВАЭ, которую возглавляет Р. Д. Голдина. Отряды экспедиции под руководством Л. Д. Макарова, Н. П. Девятовой (Карповой), Е. М. Черных, И. Г. Шапран в бассейне р. Вятки выявили и исследовали значительное количество новых памятников практически всех археологических эпох, в том числе и позднебронзового века (Р. Д. Голдина, 1977, с. 10-44; Р. Д. Голдина, Е. М. Черных, 1985, с. 56-57; Р. Д. Голдина, Е. М. Черных, 1987, с. 6-7). В работе учтен 61 памятник ПБВ. При характеристике особенностей домостроительства, классификации кремневого инвентаря и глиняной посуды использованы материалы 11 раскопанных поселений.

Методологической основой диссертации являются комплексный подход, позволяющий дать характеристику материалов поселений ПБВ; использование методов анализа, каждый из которых помогает раскрытию определенных сторон изучаемых объектов. При проведении предметно-исторического анализа рассматриваемых памятников используются традиционные в археологических

исследованиях методы сравнительно-исторической и формальной типологии, аналогии, стратиграфии, картографии, статистики. Сравнительно-исторический метод позволяет выявить общее, повторяющееся и закономерное с одной стороны и особенное, отличное – с другой, создавать относительно достоверные реконструкции на основании археологических источников и материалов. Основным функциональным критерием формально-типологического анализа считается унифицированность и структурированность описательной процедуры, упорядочение и систематизация источников. Картографический метод использовался при анализе топографического положения памятников относительно речных систем. Методами статистики и подсчетов выделены количественные составляющие того или иного признака или группы признаков. Изучение техники и технологии древнего гончарства в диссертационной работе базируется на формально-классификационном методе. Основная исследовательская задача при формально-классификационном подходе – классификация керамического материала по определенным параметрам и выяснение характера и степени связи выделившихся групп между собой. Основным объектом исследования при формально-классификационном подходе являются формальные морфологические и физико-технические параметры. Формально-классификационный подход для археолога является более предпочтительным (Ю. Б. Цетлин, 1991, с. 16-17).

Новизна работы состоит в том, что впервые приведена полная характеристика поселенческих материалов эпохи поздней бронзы бассейна р. Вятки. Комплексы поселений обработаны и систематизированы по единой схеме, описаны в единой системе и в полном объеме. В научный оборот введены новые материалы. Глиняная посуда рассматривается как единый комплекс, без выделения каких-либо отдельных культурных типов, так как большая часть материалов происходит из жилищ, что вполне определенно свидетельствует о том, что они оставлены одной группой населения. Впервые для поселений поздней бронзы выполнен морфологический анализ кремневых изделий.

Полученные результаты в дальнейшем можно сравнивать с материалами соседних территорий, с предшествующей эпохой ранней бронзы и с последующими постмаклашеевскими и ананьинскими комплексами.

Глава 1. История изучения памятников эпохи поздней бронзы бассейна р. Вятки

Изучение истории науки помогает выявить и понять истоки современных научных идей и взглядов, избежать ошибок предыдущих поколений исследователей. Представив знание в динамике его развития, можно определить первоочередные задачи научного исследования на сегодняшний день.

Для того чтобы сегодня изучать поздний бронзовый век бассейна р. Вятки, да и Приуралья в целом, необходимо не только рассмотреть источниковую базу и способы ее формирования, но, главным образом, определить научные направления и наиболее значимые методы исследования, воззрения и теории, которые существовали и доминировали при интерпретации и определении источников. Важно выявить и очертить проблемы в изучении памятников позднего периода бронзового века как существовавшие ранее, так и современные, обобщить научные концепции по этим проблемам, развивавшиеся со второй половины Х1Х в. до сегодняшнего дня. Историографию отдельных конкретных вопросов необходимо рассматривать совместно с историей общего археологического знания.

Собственно историографии позднебронзовых памятников Приуралья и Зауралья посвящены единичные работы (М. Ф. Обыденнов, 1990). В большинстве же публикаций историография рассмотрена в предисловии к основному труду, отражает предметное содержание вопроса и касается, как правило, памятников или археологических культур, которые представлены в данной работе. Доминирует фактологический подход, отражена преимущественно количественная сторона развития, в хронологическом порядке перечислены наиболее важные и ключевые открытия в области полевых исследований. (Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков, 1954, с. 158-168;

О. Н. Бадер, 1964, с. 5-10; М. Г. Буров, 1967, с. 5-7; К. В. Сальников, 1967, с. 6-19; А. Х. Халиков, 1980, с. 6-8).

К настоящему моменту существует несколько вариантов внутринаучной периодизации отечественной археологии (В. Ф. Генинг, 1982; 1988, с. 46-78; Э. А. Савельева, 1984, с. 4;. В. Ф. Генинг, В. Н. Левченко, 1992; А. Д. Пряхин, 1986; В. И. Матющенко, 1992; Г. С. Лебедев, 1992; А. А. Формозов, 1994, с. 219-225). В истории изучения проблем бронзового века Приуралья также выделяются периоды, для каждого из которых свойственно свое отношение к базовым понятиям, свои формы и методы исследований, преобладающие научные направления.

Первый период, который можно называть периодом коллекционирования, совпадает с началом полевых исследований на археологических памятниках Приуралья. Начало его относится 1850-м гг. и связано с исследованиями П. В. Алабина на Ананьинском могильнике (1856). (П. В. Алабин, 1859; 1860, с. 87-120). Окончание первого периода может быть определено выходом работы М. Г. Худякова «Древности Малмыжского уезда» (1917). Второй период характеризуется выделением археологических культур при подчеркивании их автохтонного характера и датируется 1920-1980-ми гг. С начала 1990-х гг. достаточно четко определяется третий – современный период, специфика которого определяется осмыслением археологических культур (далее АК) через миграции. Начало этого периода можно связать с выходом работы Е. Н. Черныха и С. В. Кузьминых «Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен)» (1989).

1.1. Первый период. Коллекционирование древностей бронзового века (середина 1850-х – конец 1910-х гг.)

Во второй половине Х1Х в. в результате распространения идей эволюционизма о естественном происхождении земли и человека, о развитии народов, как естественной непрерывной цепи из связующих звеньев и под

влиянием просветительского движения усиливается интерес общества к своему далекому прошлому и историческим проблемам. Первобытная археология в это время рассматривалась как часть естествознания.

Определенное воздействие на общественное сознание оказало такое явление в культуре, как коллекционирование. В XVIII - начале XIX вв. коллекционирование было сосредоточено преимущественно в столичных городах, а во второй половине XIX в. подобное увлечение широко распространяется и в провинции. Собиратели коллекций были среди всех слоев общества. Вещи, лишенные собственного утилитарного значения, приобретали ценность в силу своей древности и принадлежности к другой культуре. Первоначально отдельные вещи просто собирали и хранили, но уже с середины XIX в. эти предметы рассматривались как исторические источники, их описывали, анализировали, пытались найти аналогии на других территориях (Н. Энеева, 1990, с. 10-11).

Кроме того, внимание широких кругов общественности к археологическим памятникам привлекли успешные раскопки А. С. Уварова во Владимирской губернии, деятельность Археологической комиссии и Московского археологического общества (МАО), Всероссийские археологические съезды (АС), дали определенный толчок к археологическим исследованиям в провинции, где значительно возрос интерес к древностям.

Главная цель археологии в этот период – выявление и нахождение отдельных предметов, вещей, памятников, то есть объектов непосредственного исследования. Вторая половина XIX в. – время накопления фактического материала и создания источниковедческой базы. Формой конечного результата было описание предметов, определение их функций и хронологической принадлежности. Внимание ученых-исследователей и любителей древностей привлекали заметные, видимые археологические памятники – городища и курганы (еще не разделенные по периодам «трех веков древности). В науке господствовали идеи предметоцентризма (В. Ф. Генинг, 1988, с. 46,51-52).

Первоначально археологические изыскания, направленные на собирание предметов, вели отдельные любители-коллекционеры. В 1880-е гг. наиболее крупные собрания приуральских и волго-камских древностей имели казанские коллекционеры А. Ф. Лихачев, В. И. Заусайлов, Н. Ф. Высоцкий и пермские – А. Е и Ф. А. Теплоуховы (А. В. Шмидт, 1928, с. 146, 167; А. А. Спицын, 1902, с. 1-19; Н. Катанов, 1920, с. 37, 39-41; М. Г. Худяков, 1922, с. 3-34; К. Харлампович, 1922, с. 297-299).

Накопление материала и получение новой информации происходило двумя способами. Во-первых, приобретение у крестьян или перекупщиков древних предметов для пополнения своих коллекций или коллекций музеев, научных обществ и научных кабинетов. Это направление в пополнении коллекций доминировало. Другой способ – кратковременные самостоятельные или по заданию научных обществ (МАО, ОАИЭК) выезды на известные среди местного населения археологические памятники или обзорные экскурсии по территории. Во время этих поездках (экскурсиях) материалы собирали на территории памятника или, опять-таки, покупали или приобретали у крестьян. Иногда проводили небольшие раскопки. Полевые исследования проводились траншейным методом, суть которого та же, что и в коллекционировании – собирание находок. Археологические изыскания носили разрозненный и бессистемный характер, а исследования – индивидуальную направленность. Отход от исследовательской деятельности конкретного ученого означал ослабление интереса к изучаемой проблематике (Т. И. Оконникова, 1999, с. 11). Во второй половине XIX в. все полевые исследования велись преимущественно на средства и по инициативе частных лиц (М. Г. Худяков, 1933, с. 15; А. В. Шмидт, 1933, с. 20). В провинции археологическими изысканиями, научной обработкой полученной информации занимались, как правило, любители древностей, а не ученые-профессионалы.

В 1830-е гг. датские исследователи К. Ю. Томсен и И. И. А. Ворсо использовали свои наблюдения над взаимовстречаемостью древних предметов из различных природных материалов для упорядочения музейных

археологических коллекций и систематизации археологических находок (И. И. А. Ворсо, 1861, с. 2). Так сложилась хронологическая система последовательно сменяемых «трех веков»: каменного, бронзового и железного и было выделено понятие бронзового (медного) века. В России эта концепция распространилась в 1860-1870-е гг. А для приуральской археологии понятие бронзового века было введено в 1870-е гг., по всей видимости, А. Ф. Лихачевым. Бронзовый век выделен в общей систематизации археологических памятников и находок (К. И. Невоструев, 1871, с. 110). Одним из первых памятников, отнесенных к этому периоду, был уже упоминавшийся Ананьинский могильник, как древнейший на северо-востоке России. Но время существования этого могильника исследователи определяли разными этапами бронзового века (А. Ф. Лихачев, 1891, с. 131; П. А. Пономарев, 1892, с. 7-8, 34; Ф. Д. Нефедов, 1899, с. 45, 47).

В докладах и сообщениях на 1У АС (Казань, 1877) уже затрагивались отдельные вопросы бронзового века Приуралья. Так, Н. А. Толмачев (доцент Казанского университета, делегированный на съезд от университета и Казанского общества естествоиспытателей) полагал, что городища на правобережье р. Камы в пределах Казанской губернии, могли существовать в конце бронзового века, так как они похожи на такие же городища в пермских землях (Н. А. Толмачев, 1884, с. 62, 94, 99). И. Р. Аспелин, сравнивая формы бронзовых топоров, определил относительную хронологию алтайско-уральского бронзового века. Опираясь на изменение форм бронзовых орудий, он считал, что в бронзовом веке Западный Урал был заселен из Сибири, но относительно поздно. Несмотря на то, что бронзовые топоры встречаются преимущественно на западном склоне Урала, бронзовый век, по мнению исследователя, представлен здесь слабо (И. Р. Аспелин, 1884, с. 7-8).

А. Ф. Лихачев в докладе на УП АС (Ярославль, 1887) уже определенно высказывал положение о существовании самостоятельного бронзового века на территории Казанского Поволжья. Но, так как находок бронзовых предметов мало, ему не удалось определить продолжительность и хронологические рамки

этого периода (А. Ф. Лихачев, 1891, с. 126, 163). Вслед за А. Ф. Лихачевым, А. А. Спицын выделил бронзовый век в Прикамье. А так как в Прикамье мало известно находок и курганов этого периода, не было крупных и значимых культурных центров бронзовой эпохи то и бронзовый век не имел здесь большого распространения (А. А. Спицын, 1889, с. 5; 1893, с. 25). Ф. А. Теплоухов так же считал, что в восточной части Прикамья бронзовый век продолжался очень короткое время, или самостоятельного этого периода не было совсем. Бронзовые орудия, впрочем, как и каменные, в западной части Пермской губернии принадлежали к категории редких находок, а в долинах р. Камы чаще встречались кельты. Употребление орудий из бронзы и меди он ограничивал территорией вдоль течения р. Камы от южной границы Пермской губернии. (Ф. А. Теплоухов, 1892, с. 62-63).

В целом, представления о бронзовом веке основывались на крайне скудном, малочисленном, очень пестром и неоднородном материале и носили еще общий характер. Характерным признаком бронзового века Приуралья признавалось наличие орудий труда и оружия из бронзы. Соответственно, все орудия труда и оружие, выполненные из меди или бронзы и те памятники, где такие изделия находили, относили, как правило, к этому периоду. (А. Ф. Лихачев, с. 130; Ф. А. Теплоухов, с. 52; Н. А. Толмачев, с. 99; Л. Поздеева, 1922, с. 120-130). Но бронзовый век Приуралья еще не был объектом специального изучения. Не существовало четкого разделения памятников по периодам. Все городища и другие древности с территории Поволжья и Нижней Камы в пределах Казанской губернии относили к болгарским, а в Приуралье – к чудским или пермским. (А. В. Шмидт, 1928, с. 171-172).

На ранних стадиях развития любой науки разные исследователи, сталкиваясь с одними и теми же явлениями и фактами, далеко не всегда эти явления описывали и интерпретировали одинаково (Т. Кун, 1975, с. 44). Происхождение и появление бронзовых орудий на территории Приуралья и Казанского Поволжья объяснялось через теорию заимствований. Так, Ф. А. Теплоухов считал, что толчком для изготовления местных бронзовых

орудий являлись предметы, поступавшие из-за Урала (Ф. А. Теплоухов, 1892, с. 62-64). Тогда население обратило внимание на местные медные руды, и мастера начали изготовлять свои орудия, но еще достаточно грубые. Население западной части Пермской губернии познакомилось с бронзовыми орудиями, еще переживая каменный век. Усовершенствовать бронзовые орудия они не успели, так как столкнулись уже с железными, завезенными издалека. А. Ф. Лихачев, вслед за И. Р. Аспелиным предполагал, что цивилизация бронзового века пришла в Поволжье с Алтая, через Уральский горной хребет и вниз по р. Каме. Распространение культуры бронзового века происходило с левого берега р. Камы на правый, и далее через родственные племена. Металлургические понятия могут придти из местности, где есть металл, а таким ближайшим местом являлся Урал (А. Ф. Лихачев, 1891, с. 131, 142-143).

В конце 1870-х и в 1880-е гг. научным центром по исследованию археологических памятников и древностей Волжско-Камского края становится Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (ОАИЭ, 1878). Общество сыграло большую роль в изучении памятников бронзового (медного) века. В 1880-1890-е гг. члены ОАИЭ А. Ф. и Н. П. Лихачевы, А.А. Штукенберг, Н. Ф. Высоцкий, П. А. Пономарев, Н. А. Износков открыли и обследовали стоянки в устье Камы и в прилегающей части левобережья Волги, которые первоначально датировали каменным веком, так как в материалах поселений не было бронзовых орудий (А. А. Штукенберг, Н. Ф. Высоцкий, 1885, с. 12). Впоследствии большая часть этих памятников была отнесена к археологическим культурам позднего бронзового века (А. В. Шмидт, 1933, с. 12; Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков, 1954, с. 159).

В 1880-е гг. началась систематизация материалов бронзового века, в работах исследователей стал вырисовываться облик отдельных культурных периодов Волжско-Камского края (А. В. Шмидт, 1928, с. 192). П. А. Пономарев (1881), основываясь на своих поездках и на исследовании ряда памятников, разделил древности Казанской губернии на два последовательных культурных напластования: более древний бронзовый век и более новый – болгарская

культура и предложил направить усилия непосредственно на изучение бронзового века на Каме и Вятке (М. Г. Худяков, 1923, с. 73; А. В. Шмидт, 1928, с. 173). А. А. Штукенберг, сравнивая бронзовые предметы Европы, восточной полосы Европейской России и Сибири, выделил относительную обособленность культур медного (бронзового) века Восточной Европы и отметил их более поздние образование относительно бронзового века центральной Европы. Хронология бронзового века затруднена тем, что смена камня медью и бронзой, а последних материалов железом, не была одновременной и внезапной, эти виды материалов какое-то время могли и сосуществовать. Медные и бронзовые изделия вырабатывались на месте и из местных руд. (А. А. Штукенберг, 1901, с. 166-169).

В 1909 г. для музея Гельсингфорского университета была куплена одна из крупнейших коллекций древностей Волго-Камья, принадлежавшая казанскому купцу В. И. Заусайлову. А. М. Тальгрен привел в систему огромный материал отдельных и случайных находок с территории восточной России, на которых, главным образом, и строилось представление о бронзовом веке. Используя сравнительно-типологический метод при изучении коллекции В. И. Заусайлова и богатых собраний русских музеев, исследователь разделил бронзовый век средней и восточной России на три периода: ранний, средний и поздний (М. Г. Худяков, 1923, с. 76-78). По аналогиям с другими, датированными комплексами, он определил хронологические рамки периодов и всей эпохи. Ранний период бронзового века через связи с эгейской культуры был отнесен ко времени 2500-1500 гг. до н.э. Для среднего периода предположительно определены даты 1500-1000 гг. до н. э., для позднего бронзового века – 1000-500 гг. до н.э. К позднему периоду бронзового века исследователи относили известные в то время могильники Ананьинский, Пьяноборский, Маклашеевский и костеносные городища. А. М. Тальгрен, также как и А.А.Штукенберг, отделял сибирские древности в истоках Енисея от камско-волжских и выделял две территориальные группы для бронзового века –

уральскую и алтайскую, а не единую Урало-Алтайскую, как это делал И. Р. Аспелин (см.: М. Г. Худяков, 1917, с. 7).

Таким образом, понятие *позднего бронзового века* было введено в археологическую науку в самом начале XX в. на основание изучения коллекционного материала с территории восточной России.

В начале XX в. М. Г. Худяков, следуя позициям А. А. Штукенбекера и П. А. Пономарева, попытался обобщить существующие в этот период взгляды ученых на бронзовый век и результаты исследований по этому периоду. Все древности (не булгарские и не чудские) он объединил в *Уральскую группу* бронзовой культуры, в которой выделил два района, каждый со своими отличиями. Один *район северной чудской культуры* располагался по верхнему и среднему течению рр. Камы и Чепцы, то есть в Пермской губернии и Глазовском уезде Вятской губернии. Другой *район нижнекамской культуры* занимал нижнее течение рек Камы, Вятки и Белой и небольшую прилегающую часть течения р. Волги. Опираясь на исследования П. А. Пономарева, М. Г. Худяков детально очертил границы нижнекамской культуры, ограничив ее территорию устьями рр. Пижмы, Белой, Уфы, Свияги и притоками р. Вятки. К этой культуре исследователь отнес все известные к тому времени в данном районе могильники и городища, которые не являлись определенно булгарскими памятниками. (М. Г. Худяков, 1917, с. 7-8, 12).

Точку зрения П. А. Пономарева, А. А. Штукенберга и А. М. Тальгрена на хронологию бронзового века принимали не все исследователи древностей Волжско-Камского края. Так, Н. Ф. Высоцкий считал, что культуры медно-бронзового века и культура болгарская существовали одновременно. Происхождение медных орудий у местного населения он объяснял торговлей (обменом) с более развитым болгарским населением (Н. Ф. Высоцкий, 1923, с. 36).

Итак, в конце 1870-х-1880-е гг. в научный оборот было введено понятие бронзового века Приуралья, а в самом начале XX в. выделен поздний период бронзового века для восточной полосы Европейской России, установлено место

этой эпохи среди волжско-камских древностей, определены пути появления бронзовых орудий на территории Приуралья. Представления о бронзовом веке базировались на смешанном материале орудий и оружия из бронзы и носили общий характер. Археологические эпохи (каменная, бронзовая, железная) в этот период еще не были объектом изучения. В Приуралье сложилась самостоятельная археологическая традиция изучения древностей с центрами в Казани, Вятке, Перми. Свои задачи исследователи видели в обследовании местных памятников и самостоятельно решали их. В других провинциальных центрах средней России этого не наблюдалось.

В конце XIX – начале XX в. в изучении археологических древностей наблюдаются новые тенденции, направленные на выявление локальных территорий и на установление границ их различий. Одна из главных задач археологии этого периода – создание хронологической классификации археологических материалов для отдельных областей. Принципы хронологии базировались на идее существования эволюционных типологических рядов различных изделий, которые изменяются от простого к сложному (И. Р. Аспелин 1884, с. 69-71; В. Ф. Генинг, 1982 с. 6-9). В первобытной археологии еще отсутствовали общепринятые концептуальные представлений, которые принимало бы все научное сообщество, поэтому и сам процесс первоначального накопления фактов был в значительной мере подвержен случайностям. Еще не было причин и научной необходимости для поисков специальной информации и накопление артефактов в этот период ограничивалось данными, которые находили на поверхности.

1.2. Выделение автохтонных археологических культур (1920-1970-е гг.)

Для второго периода характерно формирование системы эмпирических основ археологического знания (В. Ф. Генинг, 1988, с. 47-48). Накопленный материал требовал классификации, и исследователи, выделяя отдельные группы памятников, комплексов и находок, стали объединять их в локальные

системы, применяя к этим системам понятия «тип», «археологическая культура». Целью исследования становится выявление и описание таких локальных систем (археологических культур) и решение вопросов развития, взаимодействия, сравнения, преемственности и оценки их как явлений культуры. В археологии развивалось преимущественно одно научное направление: накопление материала и обоснование археологических культур (А. И. Мартынов, 1995, с. 117). Выделение археологических культур эпохи поздней бронзы в Приуралье базировалось на картографическом (или топографическом) методе (Л. С. Клейн, 1991, с. 133).

Второй период занимает довольно продолжительный отрезок времени и внутренняя логика развития позволяет выделить два здесь два этапа: 1 этап – 1920-1940-е гг.; 2 этап – 1950-1970-е гг.

В 1920-1940-е гг. продолжалось накопление источников, но уже на другом информационном уровне и для решения других задач. В научном сообществе начинает складываться система общепринятых представлений на основе марксистского учения и «теории стадиальности». В 1920-1930-е гг. одним из ведущих направлений в археологии было палеоэтнологическое (В. Ф. Генинг, 1982, с. 77, 82, 90). Согласно концепции этого направления, дифференциация отдельных групп населения и выявление специфики их культуры возможно только в результате тщательного территориального изучения. Для конкретных этнических групп населения необходимо выделить постоянные признаки или элементы культуры. Концепции палеоэтнологического направления требовали тщательного исследования остатков культуры на определенной территории. Палеоэтнологи одними из первых обратили внимание на массовый археологический материал – керамику, погребения, украшения. Сплошное обследование отдельных районов и массовое выявление памятников было совершенно новой задачей и в археологической практике (В. Ф. Генинг, 1982, с. 84; А. Д. Пряхин, 1976, с. 56).

В конце 1920-х - начале 1930-х гг. теориям миграций и заимствований была противопоставлена теория стадиального или автохтонного развития,

согласно которой все изменения происходили в результате саморазвития и перехода общественной группы с одной стадии (ступени) на другую. Каждую стадию развития общества на данной территории характеризует определенная культура. Концепции автохтонного развития базировались на положениях историко-лингвистического направления «нового учения о языке» (автор Н. Я. Марр). Идеи внутреннего развития, которые были составляющей частью этой концепции, оказались весьма созвучны марксистко-ленинской теории развития общественного процесса. Концепция автохтонного развития абсолютно господствовала до 1970-х гг. Во второй половине 1930-х гг. в археологии утверждаются философские принципы марксизма, взгляды на исторический процесс, как развивающийся только прогрессивно, учение об общественно-экономических формациях, как этапах развития истории человечества (А. Л. Монгайт, 1963, с. 86; В. Ф. Генинг, 1982, с. 177, 197-198). При разработке периодизации древнего общества отправными пунктами и основными вехами являлись только общественно-экономические формации. Утверждению марксисткой доктрины о закономерностях исторического процесса помогала и «историзация» археологии. Так как по теории марксизма основной объект познания – народные массы, то в археологической науке особое значение и внимание начали придавать местам поселений с массовым, рядовым и, часто, не самым выразительным материалом (керамика, кремень). Именно этот поселенческий материал и представлял остатки материальной культуры и жизни рядового населения.

Для решения новых исследовательских задач, для реконструкции истории древних обществ использовать уже имеющиеся материалы, накопленные исследователями за предыдущее столетие, было достаточно сложно. Существующая источниковая база была выразительной и эффектной (аттрактивной), но узкой и не содержала необходимой информации. Возникла необходимость в широком и всестороннем исследовании новых археологических памятников, что позволило бы на новой теоретической (марксисткой) основе реконструировать социально-исторические процессы

развития в древних обществах, процессы перехода общественной группы с одной ступени развития на другую. Основные усилия исследователей были направлены на интенсивное накопление нового археологического материала в ходе полевых работ. Вещи и остатки материальной культуры служили источником для обобщающих исторических и социальных построений.

В археологической науке начался процесс массового накопления источников, их классификации и систематизации по функциональным категориям; выделения археологических культур как конкретно-исторических отдельных обществ прошлого.

Организация работ и полевых исследований в1920-1940-е гг. С середины 1920-х гг. руководство археологическими исследованиями становится централизованным. Эта задача была возложена на РАИМК (ГАИМК) с момента ее создания (1918). С этого же времени планомерно осуществлялось и централизованное финансирование полевых работ. В археологическом изучении Урала ведущая роль также перешла к центральным научным учреждениям. Существовавшие краеведческие общества, не обладая профессиональными кадрами, приглашали столичных специалистов для проведения археологических раскопок.

В Коми крае небольшие исследования провела экспедиция Главнауки во главе с А. П. Смирновым (1925), в 1936 г. здесь работала М. Е. Фосс (Г. М. Буров, 1967, с. 10). Если на начальном этапе изучении первобытных древностей Прикамья и Поволжья материалы эпохи бронзы часто относили к каменному веку, то при исследовании древних памятников Вычегодского края неолитические находки порой оставались неопознанными, а время заселения территории определялось бронзовым веком. (Л. Л. Косинская, 1997, с. 146). В Поволжье члены ОАИЭ в начале 1920-х гг. совершали небольшие ознакомительные экскурсии на стоянки в окрестностях г. Казани. Первые стационарные раскопки Н. Ф. Калинин и А. М. Ефимова провели в 1938 г. на Казанской стоянке, расположенной в пределах г. Казани (Н. Ф. Калинин, 1948, с. 179-186).

В Прикамье в 1920-1930-е гг. уже проводились широкомасштабные полевые исследования. Первую поездку по районам Прикамья с целью сбора экспонатов для музея А. В. Шмидт, будучи хранителем Музея древностей Пермского университета (ПГУ), совершил в 1918 г. С 1920 г., уже как преподаватель этого университета, он провел многочисленные археологические экскурсии и разведки в бассейнах рек Камы и Чусовой, а с 1924 г. по поручению МАЭ начал систематические археологические работы на Каме. Эти работы проводились за счет местного финансирования. Выявленные археологические памятники и новые раскопки позволили получить хорошо документированный многоплановый материал по древней истории Прикамья и Приуралья. В 1924-1927 гг. А. В. Шмидт, будучи руководителем экспедиции ГАИМК, раскопал Турбинский могильник. Эти исследования вновь привлекли внимание археологов к бронзовому веку Приуралья (А. В. Шмидт, 1928, с. 221; 1928а, с. 283; М. Г. Худяков, 1935а, О. Н. Бадер, 1950, с. 28-29; Е. С. Богословский, 1968, с. 147-156; М. Ф. Обыденнов, 1990, с. 32, 35, 37; О. М. Мельникова, 2003, с. 44-45). В 1932 г. в связи с работами по проектированию Пермской ГЭС, в Среднем Прикамье была создана новостроечная Камская археологическая экспедиция ГАИМК, которую возглавил А. В. Шмидт. Вместе с ним работал Н. А. Прокошев, которому на следующий год было передано руководство экспедицией. (Н. А. Прокошев, 1935, с. 176-187; О. Н. Бадер, 1950, с. 30). Экспедиция работала несколькими отрядами преимущественно в зонах затопления. Н. А. Прокошев, наряду с другими ранними памятниками, исследовал и раскопал первые поселения эпохи бронзы с комплексами жилищ (Астраханцевская стоянка и стоянка на оз. Грязном). Первоначально, исходя из общего облика материала, практически все ранние поселения исследователь датировал эпохой неолита Но, по мере накопления материала, он отнес эти памятники к первой половине II тыс. до н. э. (Н. А. Прокошев, 1936, с. 255-264; 1940, с. 80-81).

В 1925-1930 гг. в Камско-Ветлужском междуречье – по р. Вятке от г. Советска до устья; по р. Каме между устьями Вятки и Белой; по р. Ветлуге и по

р. Волге от г. Балахны до г. Нижнего Новгорода работала Антропологическая комплексная экспедиция (АКЭ) Антропологического института (АИ) МГУ под общим руководством Б. С. Жукова, в состав которой входили и археологические (палеоэтнологические) отряды. (М. Г. Худяков, 1933, с. 17; О. Н. Бадер, М. В. Воеводский, 1940, с. 244-245; П. И. Борисовский, 1980, с. 7; С. В. Кузьминых, 2004, с. 142-144). Археологические работы должны были решить две главные задачи: рассмотреть вопросы древнейшей историей народов СССР в свете их этногенеза и изучить первичное заселение территории страны. В 1928-1929 гг. Вятско-Пижемский отряд экспедиции под руководством М. В. Талицкого обследовал р. Пижму, правый приток р. Вятки, и смежные участки р. Вятки (О. Н. Бадер, 1950, с. 29; Л. Д. Макаров, 1994, с. 162). На р. Пижме была открыта стоянка Покста II, впоследствии отнесенная исследователями к эпохе поздней бронзы (Н. А. Лещинская, 1985, с. 25-30). В 1931 г. О. Н. Бадер и А. В. Збруева прошли почти 600-километровый сплошной лодочный маршрут по р. Вятке от г. Котельнича до р. Камы. Были осмотрены преимущественно ананьинские и средневековые городища. После проведенного рекогносцировочного обследования Вятско-Ветлужского междуречья, предполагалось начать большие раскопки на двух-трех памятниках различных хронологических периодов для получения исчерпывающих данных о конкретном отрезке истории на территории Вятки-Камы. Вторая часть плана осталась не выполненной, отчасти из-за отсутствия средств, отчасти вследствие общего свертывания археологической работы института в течение 1930-1933 гг. (А. В. Збруева, 1936, с. 267).

В 1930 г. на Нижней Каме под общим руководством Б. С. Жукова и при участии А. В. Збруевой и Н. Ф. Калинина проведены раскопки на Ананьинской дюне (А. В. Збруева, 1936, с. 420-423; 1937, с. 96, 105-108). В результате исследований удалось вычленить культурный слой с находками керамики и костей, не связанный с могильником. Тем самым подтвердилось предположение П. А. Пономарева о заселении дюны до использования ее в качестве могильника. В 1940 г. в составе Куйбышевской экспедиции ИИМК

А. В. Збруева начала исследования Луговской стоянки, открытой в процессе раскопок Луговского могильника. На стоянке был выявлен комплекс соединенных жилищ. В устье р. Камы, А. В. Збруева и Н. А. Прокошев обследовали остатки четырех поселений, отнесенных к эпохе бронзы, в том числе и Табаевскую (Атабаевскую) стоянку, описанную А. А. Штукенбергом еще в конце Х1Х в. а впоследствии ставшую эталонной для выделения этапа приказанской культуры (А. А. Штукенберг, Н. Ф. Высоцкий, 1885, с. 12; А. В. Збруева, 1947, с. 108-111; Н. А. Прокошев, 1949, с. 59-66; А. Х. Халиков, 1969, с. 247). На вновь обнаруженной Усть-Камской стоянке выявлен комплекс из 6 жилищ. Это были первые памятники, материалы которых отнесены авторами к предананьинскому времени.

В ходе археологических работ, проведенных в Прикамье в 1920–1930-е гг., был получен новый большой и разнообразный археологический материал, что позволило исследователям древних культур Урала сосредоточится на изучении более узких вопросов археологии. Н. А. Прокошев занимался зучением неолита и бронзы; А. В. Збруева – ананьинской проблематикой, а впоследствии и предананьинским периодом, как сопутствующей темой. В археологическом изучении края ведущая роль перешла к высококвалифицированным столичным ученым.

Археологические работы в Приуралье проводились и в период Великой Отечественной войны в 1942-1944 гг. (Елабужская группа, 1946, с. 158-160; Н. И. Платонова, 1991, с. 61-62, 65-67). Группой ленинградских сотрудников ИИМК, прибывших в Елабугу, под руководством П. П. Ефименко проведено обследование правого берега р. Камы от г. Елабуги до устья р. Вятки. В 1943 г. завершены исследования на Луговском могильнике. В ходе работ на площади могильника был выявлен еще один комплекс жилищных впадин (Луговская П стоянка).

Таким образом, в период 1920-1940-х гг. начали использоваться, новые методы разведок, раскопок, изучения собранного материала, в дальнейшем эти методы становятся основными в полевой археологии. Тщательное ведение

раскопок и точная, детальная регистрация обнаруженных материалов являлись характерным и отличительным признаком новых изысканий. Введены методы культурной стратиграфии. Исследованы первые памятники с материалом предананьинского периода. Археологические памятники Приуралья стали объектом научного интереса со стороны центральных учреждений – экспедиция МАЭ АН (А. В. Шмидт) на средней Каме, АКЭ АИ МГУ (Б. С. Жуков) на рр. Ветлуге и Вятке, экспедиция Главнауки (А. П. Смирнов) на Вычегде, новостроечные экспедиции Камская и Башкирская (А. В. Шмидт, Н. А. Прокошев и П. А. Дмитриев).

Анализ и интерпретация источников в 1920-1940-е гг. Отправным пунктом для анализа древностей эпохи бронзы в этот период была периодизация, предложенная А. Тальгреном в конце XIX в. Памятники бронзового века лесной полосы исследователь разделил между тремя эпохами: энеолитом, средним периодом бронзы и поздним, совпадающим с ананьинской культурой. (А. В. Шмидт, 1928, с. 227). Основные культуры (срубная или срубно-хвалынская на позднем этапе, фатьяновская, абашевская), с которыми сравнивались вновь полученные материалы, также были выделены в конце XIX - начале XX вв. Кроме того, периодизация первобытной археологии, как и первобытной истории, сводилась к выделению этапов в развитии рода. Внутри первобытной формации определялась следующая последовательность: дородовые отношения – родовая община; в последней выделялись две стадии развития рода - материнский и отцовский (или патриархальный). Стадиально материнский род соответствовал присваивающим формам хозяйства (неолиту-бронзе по археологической периодизации), а отцовский – производящим (железный век по археологической периодизации).

А. В. Шмидт, в начале своей научной деятельности в области археологии, на основании имевшихся к 1923 г. материалов, разработал свою периодизацию пермских древностей, но рассматривал ее как рабочую гипотезу и в своих трудах и исследованиях практически не использовал. (М. Г. Худяков, 1935, с. 129). Он допускал, что отдельные стоянки с плоскодонной керамикой

целиком или в значительной мере могут принадлежать к бронзовому веку, и ставил вопрос об отнесении к этому времени некоторых стоянок с каменным инвентарем. В дальнейшем, учитывая общую изученность бронзового века и появление новых материалов, А. В. Шмидт считал необходимым пересмотреть общую периодизацию всего бронзового века, привлекая для этого погребальный обряд и керамику (А. В. Шмидт, 1928, с. 229-230; 1933, с. 12; 1934, с. 50). Стоянки бронзового века на левобережье р. Волги по топографическим и хозяйственным признакам были разделены на две территориальные группы (А. В. Шмидт, 1934, с. 43-45, 52-56). А. В. Шмидт выделил *приречные стоянки эпохи Карташихи* с развитым рыболовством и скотоводством, которые существовали на левом берегу р. Волги между г. Казанью и устьем р. Камы с начала П тыс. до н. э. до ХП в. до н. э. и *памятники во внутренних районах Волго-Камья,* на водоразделе, с развитой охотой и примитивным бродячим земледелием. Во второй группе известно мало поселений и преобладают могильники (в Заволжье - Полянский, Маклашеевский I, на Каме - погребение у с. Березовки). Памятники этой группы существовали в ХУШ-ХШ вв. до н. э.

М. Г. Худяков объединил в один культурно-хронологический пласт бронзовые (медные) орудия Волго-Камья, каменные сверленые топоры и шлифованные изделия; каменные орудия, выполненные отжимной техникой; материалы Сейминского и Турбинского могильников, Коршуновского клада и абашевской культуры. Эта культура, по мнению автора, аналогична культуре лесного Заволжья и синхронна срубной культуре степной полосы. К этому же хронологическому периоду, то есть к эпохе бронзы, исследователь по-прежнему относил и "костеносные" городища (М. Г. Худяков, 1935, с. 73-74). Взяв за основу идею А. В. Шмидта о принадлежности плоскодонной керамики к бронзовому веку, М. Г. Худяков по форме придонной части сосудов (плоскодонной или округлой) на территории Волго-Камья выделил локальные группы распространения керамики. В окрестностях Казани и в устье р. Камы (М. Отары, Маклашеевский I и Полянский могильники) господствовали

плоскодонные сосуды. В Волго-Вятском междуречье – круглодонные, Нижневятская круглодонная керамика (Калининская стоянка в окрестностях г. Малмыжа) имеет сходство с сосудами из Маклашеевского II и Сейминского могильников. Однако автор не установил границы и хронологические рамки ни выделенного им культурного комплекса памятников, ни его территориальных групп, как не определил и название культуры.

А. В. Збруева, также применяя идею А. В. Шмидта о плоскодонной керамике Приуралья как об определенном хронологическом репере, выделила плоскодонную керамику со стоянки на Ананьинской дюне. Вслед за А. М. Тальгреном, который относил подобную керамику к более раннему периоду медного века, чем могильник, она соотнесла эту посуду, а вместе с ней и все поселение со степной срубной культурой Поволжья в ее позднем срубно-хвалынском варианте (А. В. Збруева, 1936, с. 420-424; 1937, с. 105-108). Тем самым, была выделена и введена в научный оборот плоскодонная доананьинская керамика, северная граница степной культуры расширена до лесной области.

Орудия из бронзы (меди), каменные шлифованные изделия и сверленые топоры исследователи объединяли в один хронологический ряд, но основывая периодизацию древний истории человечества на марксисткой теории социально-экономических формаций, относили эти комплексы к разным хронологическим периодам: либо к расцвету материнского рода (эпохе бронзы) (А. В. Шмидт, 1934, с. 49), либо к патриархальному роду (эпохе раннего железного века) (М. Г. Худяков, 1935, с. 73-74).

Уже в послевоенный период Н. Ф. Калинин (1948) в пределах Татарстана и на сопредельных территориях Поволжья по тем же критериям, которые использовал А. В. Шмидт (хозяйственные и территориальные признаки), выделил местную *доананьинскую культуру прибрежных стоянок* с рыболовно-охотничьим хозяйством. К культуре прибрежных стоянок он отнес те же самые памятники, которые А. В. Шмидт выделил в группу стоянок эпохи Карташихи. Доананьинская культура занимала территорию от устья и нижнего течения р.

Камы (Луговская стоянка) на юге, до р. Казанки на северо-востоке, по правобережью Волги – окрестностями г. Свияжска и до оз. Глубокого (стоянка Займище) на севере. Время существования этих памятников приходится на эпоху бронзы – вторая половина II - начало I тыс. до н. э. Автор, как и А. В. Збруева, отмечал значительное влияние срубной (срубно-хвалынской) культуры на эти территории. (Н. Ф. Калинин, 1948, с. 32-33, 45, 50).

Эти же самые памятники и известные находки бронзовых орудия А. П. Смирнов (1949) объединил в *приволжскую культуру* поздней бронзы, которая занимала область Волго-Вятского междуречья. Восточная граница культуры проходила по р. Вятке, западная – по р. Ветлуге, южная шла за Каму, северные границы размыты и с достаточной точностью не определяются. Приволжская культура связана с местными неолитическими культурами II тыс. до н. э. (типа Балахнинской стоянки), подвергалась влиянию сейминской, срубной культур, культуры сетчатой керамики и являлась промежуточным переходным звеном к следующему культурному этапу – ананьинской культуре. Автор датировал приволжскую культуру концом II тыс. до н. э. по аналогии с сейминской культурой и Турбинской стоянкой. (А. П. Смирнов, 1949, с. 25, 46; 1952, с. 32-34).

На Средней Каме памятники эпохи бронзы исследователи разделили на две территориальные группы (О. Н. Бадер, 1950, с. 50; А. В. Збруева, 1957, с. 29). В районе устья р. Чусовой выделена *усть-чусовская группа*. Наиболее поздние памятники здесь датированы концом II тыс. до н. э. (XIII-XI вв. до н. э.). Н. А. Прокошев в своих последних исследованиях пришел к заключению, что в эпоху бронзы Чусовское Прикамье было заселено родственными племенами, которые он назвал турбинскими (А. В. Збруева, 1957, с. 29). Другая группа, *нижнекамская*, расположена на Нижней Каме и в районе Камского устья. Эти памятники отнесены к концу II - началу I тыс. до н. э. В то же время, памятники в районе устья р. Камы и прилегающих отрезков Волги могли образовать и самостоятельную, отдельную от нижнекамской, *усть-камскую группу*. Стоянки в устье р. Чусовой (которые впоследствии были отнесены к

эпохе энеолита) исследователи объединяли в один хронологический период с Луговскими стоянками на основании сходных типов жилищ (соединенные полуземлянки) и характера поселков (О. Н. Бадер, 1950, с. 50; А. В. Збруева, 1948, с. 29).

К началу 1950-х гг. в арсенале исследователей по эпохе поздней бронзы Приуралья оставались те же памятники, выявленные в Поволжье в 1880-е гг. и в Прикамье в 1930-1940-е гг. Раскопки, как правило, были небольшими (А. В. Збруева, 1952, с. 191). Со стоянки на Ананьинской дюне материал собирался попутно при исследовании могильника, специальных работ здесь не проводилось (к началу 1950-х гг. Ананьинский могильник и стоянка были уже почти полностью уничтожены весенними разливами р. Камы). Усть-Камская стоянка обследована отрядом Куйбышевской экспедиции ИИМК в 1940 г. (Н. А. Прокошев, 1949, с. 59-66), Казанская стоянка раскопана Н. Ф. Калинынм в 1938 г. (Н. Ф. Калинин, 1948, с. 179-186), Луговская II изучена Камской экспедицией ГАИМК в 1946-1948 гг. (А. В. Збруева, 1949, с. 40-44). Поселение на месте ананьинского городища Грохань в устье р. Вятки было обследовано АКЭ АИ в 1929 г., во время раскопок городища. На Средней Каме наиболее изученными были стоянки в устье р. Чусовой (Астраханцевская с комплексом жилищ, стоянка у оз. Грязного, стоянка у Верхних Гарей), которые раскапывал Н. А. Прокошев в 1936-1938 гг. (Н. А. Прокошев, 1936, с. 255-269; 1940, с. 18). Территориальные, культурные и хронологические построения для эпохи бронзы строились на анализе Луговской II стоянки на Нижней Каме и Астраханцевской на Средней Каме, как наиболее полно исследованных.

Итак, в течение 1920-1940-х гг. укреплись положения о тщательном изучении всей территории, сформировалась теория автохтонного развития в процессе внутренних изменений. До конца 1940-х гг. для исторических построений применялись социологические марксистские схемы, утвердившиеся в 1930-е гг., базировавшиеся на развитии и изменении форм и типов хозяйства и на учении об общественно-экономических формациях. Доклассовое общество – это единая первобытнообщинная формация с двумя последовательными

этапами развития рода (материнский и отцовский) и изменениями общественных отношений. Эти этапы и соответствующие им формы хозяйства (присваивающее и производящее) являлись хронологическими вехами и рубежами при анализе археологического материала. На конкретно-исторические исследования накладывалась схема всемирно-исторического процесса.

Внимание к эпохе бронзы вновь было привлечено раскопками Турбинского могильника, интерес к доананьинским древностям возродился после того, как на Луговской П стоянке была тсследована система жилых сооружений. К началу 1950-х гг. проблемы поздней бронзы еще не были выделены в самостоятельные первоочередные исследования. Они рассматривались только в контексте ананьинской проблематики, как доананьинские древности, позволяющие решать вопросы происхождения ананьинской культуры. Бронзовый век по-прежнему рассматривался как относительно короткий переходный период от эпохи камня к эпохе железа.

В период 1950-1980-х гг. в условиях массового выявления и изучения новых памятников важной задачей в исследованиях была публикация источника и его пространственно-временная атрибуция (В. Ф. Генинг, 1988, с. 206; Т. И. Оконникова, 2002, с. 125). По мере накопления материала все чаще появлялся анализ одной археологической культуры, освещались вопросы происхождения древнего населения и его этнической принадлежности (когда это было возможно), и вопросы хозяйственной деятельности. Такие работы носили универсально-комплексный характер. Разрабатывались региональные культурно-исторические темы. Для территории Волго-Камского междуречья характерно активное выделение новых археологических культур, а не территориальных групп, как это было ранее. Особенно это касается археологических культур эпохи поздней бронзы. Для каждой культуры определялась территория и давалась ее характеристика. В 1960-е гг. археологические культуры изучаются комплексно: вместе рассматриваются поселения и могильники, отнесенные к одной культуре. Поднимаются вопросы

образования и происхождения культур, степени внешнего влияния на местные культуры и взаимного влияния археологических культур, определения роли местных и пришлых элементов в формировании этих культур. По всем этим проблемам возникают дискуссии. Вопросы о происхождении ананьинской культуры переносятся в область изучения культур позднего бронзового века. Эпоха поздней бронзы становится самостоятельным археологическим разделом.

Организация исследований в 1950-1980 –е гг. В этот период развиваются региональные археологические школы, разворачиваются работы больших многоотрядных экспедиций. В Прикамье в археологические исследования полностью включается Пермский госуниверситет (ПГУ), где была организована Камская археологическая экспедиция (КАЭ, 1947), которую возглавил О. Н. Бадер. Экспедиция, работавшая отдельными крупными отрядами, продолжила исследования, начатые в 1930-е гг. новостроечной Камской экспедицией ГАИМК (О. Н. Бадер, 1953, с. 7-8; О. Н. Бадер, 1968, с. 3-5; О. М.Мельникова, 2003, с. 112-125; С. В. Кузьминых, 2004, с. 146-147). Экспедиция планировалась как многолетняя и ставила своей задачей изучение Камского бассейна в целом и зоны затопления Камской ГЭС в первую очередь. Первые 4 года экспедиция работала на госбюджетные средства университета, а с 1950 г. – на средства КамГЭСстроя. С 1951 г. работы были сосредоточены в районе Средней Камы, в зоне затопления будущей Воткинской ГЭС. Исследования велись преимущественно собственными силами экспедиции, специалисты из центральных научных организаций руководили отрядами только в первый год работы экспедиции. Совместно с ИИМК Елабужский отряд КАЭ под руководством А. В. Збруевой продолжал исследования памятников, начатые ею еще в довоенный период. С самого начала работ экспедиции памятники каменного и бронзовых веков изучал О. Н. Бадер, другие хронологические периоды исследовали выпускники ПГУ. За годы своего существования (1947-1952) КАЭ превратилась в археологический, научный и методический центр Приуралья. Этому в значительной степени

способствовали и Уральские совещания, инициатором которых также был О. Н. Бадер.

В 1950-1954 гг. на Средней Волге в зоне затопления Куйбышевской ГЭС проводила исследования Куйбышевская экспедиция ИИМК под общим руководством Н. Я. Мерперта. Большое внимание экспедиция уделяла изучению памятников эпохи бронзы, особенно последнего его этапа (АЭ, 1962, с. 116-118; А. П. Смирнов, Н. Я. Мерперт, 1954, с.6, 9; Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков, 1954, с. 166). В составе этой экспедиции на территории от северо-восточных границ ТАССР и до устья р. Камы преимущественно по левобережью р. Волги работал приказанский отряд (А. Х. Халиков, Н. Ф. Калинин).

С 1954 г. работает Удмуртская археологическая экспедиция (УАЭ), возглавляемая в этот период В. Ф. Генингом. В 1954-1957 гг. экспедиция обследовала районы правобережья р. Камы на юге Удмуртии, где были выявлены отдельные находки и стоянки эпохи поздней бронзы. В 1955-1957 гг. экспедиция работала в бассейне р. Вятки совместно с Кировским областным краеведческим музеем. Районы, исследованные УАЭ, непосредственно соприкасались с территориями, которые являлись объектом изучения других экспедиций: Камской (Воткинской) на востоке, МАЭ на западе, по правобережью р. Вятки; КФАН СССР и КГУ на юге по р. Каме и низовьям р. Белой. С 1957 г. основные работы Удмуртской экспедиции были сосредоточены в бассейне р. Чепцы. (В. Ф. Генинг, В. Е. Стоянов, 1961, с. 76-79; В. А. Семенов, 1978, с. 29-30; О. М. Мельникова, 2003а, с. 71-73).

В 1956 г. организована Марийская археологическая экспедиция (МАЭ). Первоочередной задачей экспедиции было выявление и первичное изучение археологических памятников на территории МарАССР и в сопредельных Горьковской и Кировской областях, сбор материалов по древней и средневековой истории края. В 1956-1959 гг. экспедиция проводила исследования в бассейнах рек Вятки и Ветлуги и в Марийском Поволжье. В результате исследований МАЭ были установлены западные и северные

границы обитания приказанских племен. (Г. А. Архипов, А. Х. Халиков, 1960, с. 3; А. Х. Халиков, 1960, с. 8-10).

В 1950-1960-е гг. на р. Вятке не проводилось крупномасштабных гидрологических работ, таких как строительство Куйбышевской и ГЭС на р. Волге, Пермской и Воткинской ГЭС, на р. Каме или подготовительных проектных работ на р. Печоре. В результате бассейн Вятки выпал из активно исследуемых территорий и изучался лишь попутно. Планомерные археологические исследования в бассейне р. Вятки начались только во второй половине 1970-х гг., когда была создана Камско-Вятская археологическая экспедиции Удмуртского госуниверситета (КВАЭ), которую с момента образования и до настоящего времени возглавляет д.и.н., профессор Р. Д. Голдина. С этого периода начались планомерные и широкомасштабные археологические исследования непосредственно в междуречье рр. Вятки и Камы. В бассейне р. Вятки работами КВАЭ вывалены и раскопаны новые памятники позднего бронзового века (Р. Д. Голдина, 1977, с.10-44; Р.Д.Голдина, Е. М. Черных, 1985, с. 56-57; Р. Д. Голдина, Е. М. Черных, 1987, с. 6-7). Масштабные работы этой экспедиции и исследования археологической экспедиции Кировского областного краеведческого музея (АЭКОМК) позволили заполнить «белые пятна» в древней истории края, существовавшие до того времени.

Анализ и интерпретация источников в 1950-1980-е гг. В 1950-1960-е гг. благодаря археологическим изысканиям в зонах затоплениях и на водохранилищах на рр. Каме, Волге на территории Приуралья был накоплен огромный фактический материал. Анализируя и оценивая новый материал, исследователи выделяли новые археологические культуры, решали проблемы хронологии, этнической истории и расселения племен в поздний период бронзового века. На I Уральском археологическом совещании (Пермь, 1947) в связи с изучением уральского очага древней металлургии было использовано понятие «поздний бронзовый век», как период, соответствующий предскифскому или предананьинскому времени (А. А. Иессен, 1948, с. 62).

Значительные по площади раскопки, проведенные КАЭ в конце 1940-х–начале 1950-х гг. проведенные в Чусовском Прикамье, в зоне затопления Пермской ГЭС, позволили О. Н. Бадеру определить хронологический диапазон памятников эпохи бронзы и датировать их II - началом I тыс. до н. э. Следуя за Н. А. Прокошевым, он объединил поселения и могильники этой территории в единую *турбинскую культуру*, и выделил ее *поздний борский этап.* Борский этап был призван заполнить хронологический промежуток после Турбинского могильника, датировался XII-X вв. до н. э. и считался предананьинским. (О. Н. Бадер, 1953, с. 46-47, 50, 53; О. Н. Бадер, З. П. Соколова, 1953, с. 126). Для Чусовского Прикамья О. Н. Бадер наметил еще один позднейший этап (или вариант) эпохи бронзы, который следовал непосредственно за борским и был тесно с ним связан. Этот этап может быть назван *предананьинским* и датирован X-IX вв. до н. э. А В. Збруева считала, что поселения борского типа являются более древними, чем предананьинские памятники, а между концом борского этапа и началом ананьинской культуры в Прикамье (VII в. до н. э.) существует хронологический разрыв (А. В. Збруева, 1957, с. 31).

В. П. Шилов, выделяя своеобразие Турбинских и других подобных могильников, отделял их от поселений, основываясь на различиях в хозяйственной деятельности. Он отмечал, что собственно турбинские памятники сложились в результате скрещивания трех элементов – сибирского, абашевского и местного неолитического, а в памятниках гаринского типа присутствует только местный неолитический компонент (В. П. Шилов, 1961, с. 124).

По обоим берегам р. Камы, от правого берега р. Волги на западе и до р. Белой на востоке на сравнительно узкой и длинной полосе А. В. Збруева выделила четыре территориальные группы. Западная группа – памятники, расположенные в устье р. Камы и в окрестностях г. Казани; центральная – нижнекамские стоянки; восточная группа – стоянка Курмантау на Нижней Белой; южная – стоянки на р. Утке (приток р. Волги). Эти территориальные группы автор объединила в одну *(местную) культуру*, отметила срубное

воздействие, которое, однако, не нарушало местного характера культуры. Название для этой культуры не было определено. Различия между территориальными группами – сетчатая (текстильная) керамика на западе, андроновское влияние в центральной – объяснялись влиянием соседних племен. (А. В. Збруева, 1952, с. 191, 204).

А. П. Смирнов определил для позднего бронзового века Приуралья три археологические культуры: *приволжскую, луговскую и среднекамскую* (турбинскую на борском этапе по О. Н. Бадеру). Эти культуры испытали воздействие абашевской и сейминской и в меньшей степени срубно-хвалынской (А. П. Смирнов, 1952, с. 35, 63).

О. Н. Бадер поселения Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья объединил в *казанскую культуру*, а стоянки Среднего Прикамья и Среднего Приуралья - в *лесную турбинскую культуру* (О. Н. Бадер, 1951, с. 23-25). После выхода работы А. П. Смирнова (А. П. Смирнов, 1952), О. Н. Бадер казанскую культуру разделил на две культуры и пограничным рубежом между ними определил устье р. Вятки. За западной группой памятников он оставил предложенное А. П. Смирновым название *приволжской*, а восточную группу объединил в *нижнекамскую* культуру. Определение этой культуры как луговской он считал преждевременным. В формировании обеих культур (приволжской и нижнекамской) по мнению О. Н. Бадера, принимали участие лесостепные срубно-хвалынские племена, а в сложении нижнекамской - дополнительно еще и андроновские. Но в целом население этих культур и всю территорию следует относить к племенам срубного типа (О. Н. Бадер, 1953, с. 36, 60-62).

Предананьинские памятники Южного Прикамья К. В. Сальников также разделил на две группы – восточную и западную и границу между ними, вслед за О. Н. Бадером, провел по р. Вятке (К. В. Сальников, 1954, с. 12-13). За западной группой он также оставил название *приволжской культуры*, но отметил, что в сложении этой культуры участвовали не только срубно-хвалынские племена, но и абашевские. Выделенные А.В.Збруевой центральную

и восточную группу автор объединял в *культуру курмантау* и генетически связывал ее с абашевской культурой. В ареал культуры курмантау К. В. Сальников включал памятники нижнекамские (стоянка на Ананьинской дюне, Луговская II, Луговские курганы, Маклашеевский могильник) и северо-восточной Башкирии (Демская стоянка, поселение Западное Куштау, Урнятский могильник). Луговскую I стоянку К. В. Сальников считал более ранней и затруднялся в определении ее культурной принадлежности.

Основываясь на новых крупномасштабных исследованиях, проведенных Куйбышевской экспедицией на Средней Волге, А. Х. Халиков и Н. Ф. Калинин предложили для «культуры прибрежных стоянок» (Н. Ф. Калинин, 1948) или иначе «культуры приволжских стоянок» (А. П. Смирнов, 1949, 1952) название *приказанской культуры* (А. Х. Халиков, 1953, с. 40-41; Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков, 1954, с. 166, 168), которая занимала территорию казанского течения р. Волги. Северная и восточная части Волго-Вятского междуречья из-за недостатка материалов не были отнесены к отмеченной культуре. Это название культуры оказалось наиболее удобным. Выделение приказанской культуры на основе новых исследований привело к некоторой корректировке уже определившихся территориальных образований и к новым дискуссиям.

Памятники, вновь раскопанные в середине 1950-х гг. в бассейне р. Вятки (стоянки Малмыжская, Буй I и II, Медведок) В. П. Денисов отнес к приказанской культуре (В. П. Денисов, 1958, с. 111-119). Автор выделил своеобразие керамики на поселениях вятского бассейна и влияние позднефатьяновских (балановских) племен. Позднее В. П. Денисов предложил объединить эти памятники в *средневятскую культуру*, но не дал ей никакой характеристики. Исследованные В. Е. Стояновым поселения на Нижней Вятке (Старо-Бурецкое и Ново-Бурецкое) также были отнесены к приказанской культуре (В. Е. Стоянов, 1959, с. 3; 1959а, с. 2).

Опираясь на работы УАЭ 1954-1957 гг. в Удмуртском Прикамье, В. Ф. Генинг включил в ареал приказанской культуры нижнее течение р. Камы и р. Вятку, расширив тем самым границу культуры на восток до устья р. Белой

(В.Ф.Генинг, 1955, с. 6; 1959, с. 2-3). На Вятке северная граница приказанской культуры была проведена по широте г. Малмыжа (Малмыжская стоянка). По среднему течению реки (стоянки Буй I, II, Медведская), по мнению ученого, обитали племена другой культуры, тяготеющей к кругу культур верхнекамской бронзы. Основные различия между культурами Нижней и Средней Вятки обусловлены не только деталями материальной культуры, но, в значительной степени, разными направлениями хозяйства (скотоводческого и охотничьего). В материалах нижнекамских стоянок эпохи поздней бронзы (Зуевская, Ныргындинская, Быргындинская) В. Ф. Генинг выделил три группы керамики, среди которых был новый – маклашеевский – тип посуды, датированный VIII-VII вв. до н. э. Маклашеевский тип керамики сосуществовал с ранними ананьинскими поселениями. Два других типа автор соотнес с усть-камской (нижнекамской) группой памятников и с посудой Луговской II и Ананьинской стоянок (В. Ф. Генинг, В. Е. Стоянов, 1961, с. 79).

Не оспаривая факт выделения приказанской культуры, А. П. Смирнов, все же отмечал, что черты характерные для самой приказанской культуры не определены. В приказанской культуре четко проступают срубные и абашевские элементы, а на поздней стадии появляются черты, типичные для последующей ананьинской культуры. К востоку от р. Вятки, на материалах Луговской стоянки, исследователь определял другую культуру с западносибирскими чертами и андроновским влиянием, но название этой культуре не дал (А. П. Смирнов, 1960, с. 5-6).

А. В. Збруева вслед за В. Ф. Генингом расширила границы приказанской культуры до Нижней Камы, но определение "приказанская" сочла не совсем точным и предложила поселения в районе Камского устья и на части Среднего Поволжья назвать луговскими, за стоянками Чусовского Прикамья оставила предложенное О. Н. Бадером название турбинских. С точки зрения А. В. Збруевой, турбинские и луговские (приказанские) племена генетически были связаны с местным неолитом и ранней бронзой, но на луговское

население большое влияние оказали носители срубной культуры (А. В. Збруева, 1957, с. 28-29, 32, 35-36).

К концу 1950-х гг. для Приуралья была определена следующая схема расселения племен ПБВ. Чусовское Прикамье заселяли турбинские племена (на борском этапе); Среднюю Вятку – население верхнекамского (турбинского) типа или средневятского. Нижнюю Каму и Вятку, и прилегающие к устью Камы берега р. Волги занимали поселения луговского (нижнекамского, усть-камского, казанского) или приказанского типа. По р. Белой и ее притокам располагалась группа стоянок типа Курмантау. На северо-востоке эти культуры граничили с шигирской, на востоке – с андроновской, на юге – со срубной и на западе – с дьяковской.

В 1960-е гг. продолжалась систематизация новых материалов и выделение новых археологических культур. Но значительная часть выводов базировалась только на анализе керамического материала. В Среднем Прикамье В. П. Денисов (1960, 1961, 1967) выделил новую культуру эпохи поздней бронзы - *ерзовскую* (XI-VIII вв. до н.э.) По мнению автора культура сформировалась на местной турбинской основе под влиянием пришлых андроновских (черкаскульских) племен, а позднее испытала воздействие гамаюновских. Раскопки новых памятников позволили удревнить культуру до XII в. до н. э. (В. П. Денисов, 1967, с. 35-42,48). О. Н. Бадер образование ерзовской культуры рассматривал как взаимодействие местного населения и пришлых балановских, абашевских и срубных племен (О. Н. Бадер, 1960, с. 271). В. А. Оборин основываясь на работах КАЭ 1962-1966 гг., расширил южную границу ерзовской культуры до нижнего течения р. Вятки (район с. Агрыз) (В. А. Оборин, 1968, с. 21).

В 1960-1970-е гг. карта расположения археологических культур ПБВ Приуралья становится более детальной и более определенной. Территории культур локализовались преимущественно в пределах бассейнов крупных рек. Достаточно близкую картину размещения культур предложили В. П. Денисов и О. Н. Бадер. (В. П. Денисов, 1961, с. 74; О. Н. Бадер, 1964, с. 174). Ерзовская

культура занимала Среднюю Каму, приказанская – Нижнюю Каму, Нижнюю Вятку и прилегающие участки Поволжья (по В. П. Денисову) или только Приказанское Поволжье (по О. Н. Бадеру). Луговская культура располагалась в Вятско-Бельском междуречье (по В. П. Денисову) или в Нижнем Прикамье (по О. Н. Бадеру), на территории Нижней Камы и Казанского Поволжья (по А. В. Збруевой). На Средней Вятке В. П. Денисов поместил средневятскую культуру и допускал возможность выделения в бассейне Нижней Вятки самостоятельной малмыжской культуры (В.П.Денисов, 1967, с. 30). В верхнем течении р. Белой размещалась культура курмантау. Культурную близость памятников В. П. Денисов объяснял воздействием андроновских племен и подчеркивал, что пришельцы не смогли полностью ассимилировать местное население. О. Н. Бадер считал, что эти культуры имеют смешанный характер с балановскими, андроновскими и срубными элементами. В основе приказанской культуры он видел срубные, а не местные племена, и связывал приказанские памятники с западной поздняковской культурой в единую этнокультурную область.

А. Х. Халиков приказанскую культуру распространял уже на всю территорию Волго-Камского междуречья, а средневятские, среднекамские (ерзовские), луговские памятники, стоянки типа курмантау определял как локальные варианты. Выделенный ранее В. Ф. Генингом маклашеевский тип керамики исследователь отнес к последнему маклашеевскому (предананьинскому) этапу культуры (А. Х. Халиков, 1960, с. 142-166; 1964, с. 54; 1969, с. 241, 291). Таким образом оказалось, что на протяжении второй половины II тыс. до н. э. и в первой четверти I тыс. до н. э., центральная часть Приуралья от Верхнего Прикамья и нижнего течения р. Белой на северо-востоке и востоке, по линии Малмыж - Уржум в бассейне р. Вятки и левобережью р. Камы на юге, была занята единой приказанской культурой. По мнению А. Х. Халикова, памятники на Вятке являлись промежуточным звеном в движении приказанских племен на Каму. Ерзовская группа памятников появилась в результате контактов приказанского населения с остатками

позднетурбинских племен, курмантаусский вариант в бассейне р. Белой сформировался в результате смешения позднеприказанскитх и черкаскульских племен. Приказанские племена воздействовали на обитателей бассейнов рек Вычегды и Печоры при сложении там лебяжской культуры и на зауральское население. В целом приказанская культура и ее локальные варианты сложились на местной неолитической основе под влиянием северных срубных племен, которые в конечном итоге были ассимилированы. Сходство приуральских памятников исследователь объяснял общей основой, которой явилась приказанская культура. Долгое время точка зрения А. Х. Халикова на приуральские памятники эпохи поздней бронзы была преобладающей в археологической науке, но исследователи по ряду позиций принимали не все выводы.

Если А. В. Збруева памятники Нижней Камы и Казанского Поволжья объединяла в луговскую культуру, то К. В. Сальников территорию Нижней Камы вместе с низовьями р. Белой относил к культуре курмантау. Он полагал, что памятники типа курмантау, синхронны с поселениями Приказанского Поволжья и с ерзовской группой на Средней Каме, и составляют единую культурно-этническую общность. В. Ф. Генинг считал прикамские культуры финальной бронзы: позднеприказанскую, луговскую, ерзовскую, курмантау локальными вариантами одной предананьинской культурной общности. В эту же общность он считал возможным включить и верхневычегодский район объяснял общность культур ПБВ Приуралья проникновением в северо-восточную Европу значительных групп западносибирского населения (В. Ф. Генинг, Н. И. Совцова, 1967, с. 58, 61).

Как видно, у исследователей приуральских древностей не существовало единого мнения на культурогенез для ПБВ Приуралья. В. Ф. Генинг все группы и памятники объединял в одну культурную общность с локальными вариантами. К. В. Сальников, наоборот, в рамках единой культурно-исторической общности выделял разные культуры. А. Х. Халиков видел единую культуру с локальными вариантами. В. П. Денисов, О. Н. Бадер,

А. В. Збруева рассматривали территориальные группы памятников как самостоятельные археологические культуры, в материалах которых фиксировались общие инородные компоненты, при этом каждый исследователь определял свои инновации.

Исследователи по-разному объясняли и единство культуры в рамках культурно-исторической общности. А. Х. Халиков определял основным ядром приказанскую культуру. В. Ф. Генинг относил сложение общности (предананьинской) за счет проникновения зауральских племен, которые и объединили население. К. В. Сальников объяснял элементы сходства срубным и андроновским влиянием.

Не сложилось единого мнения и по вопросу формирования самих позднебронзовых культур Приуралья. А. В. Збруева (1957, 1960), В. Ф. Генинг (1967) были склонны выделять андроновский и срубный элемент в сложении этих культур. А. Х. Халиков (1967, 1969), В. П. Денисов (1967) отводили решающую роль живущему ранее местному населению (волосовскому, турбинскому) и пришлому срубному влиянию.

В 1980-е гг. процесс выделения новых археологических и культурных образований для ПБВ Пруралья не носил такого массового и повсеместного характера, продолжался анализ имеющихся материалов и осмысление предшествующего опыта. Исследователи придерживались той или иной существующей гипотезы, теории. Некоторые этапы ранее выделенных культур вычленялись в самостоятельные археологические культуры.

Исследования новых поселений ПБВ гг. на Нижней Каме в конце 1970-х позволили Л. И. Ашихминой сделать вывод о различном происхождении памятников маклашеевского этапа приказанской культуры и луговских (Л. И. Ашихмина, 1978, с. 52-53; 1985). Автор выделила здесь две самостоятельные последовательно сменяемые друг друга культуры: луговскую (XIV-XI вв. до н.э.) и быргындинскую (XI-IX вв. до н.э.). По ее мнению, луговская культура сформировалась на местной турбинско-волосовской основе под влиянием южных и зауральских племен. Быргындинская культура

сложилась в результате ассимиляции пришлого маклашеевского населения и местного луговского.

В 1980-е гг. для территории Приуралья была выделена новая археологическая культура ПБВ – межовская. Это вызвало новый виток дискуссий. В межовскую культуру М. Ф. Обыденнов (1986) выделил одноименный этап черкаскульской культуры. Принимая точку зрения А. П. Смирнова о возможном существовании к востоку от Вятки самостоятельной археологической культуры с андроновским влиянием, М. Ф. Обыденнов включил Камско-Вятское междуречье в локальный приуральский вариант межовской культуры. Нижнекамские памятники он определил как межовско-маклашеевские и выделил в быргындинский этап (быргындинская культура по Л. И. Ашихминой). Слагающим компонентом этого этапа он считает межовский, а не луговской. Межовская культура занимала территорию от р. Белой через среднее течение рек Демы и Ика, по р. Каме через устье р. Вятки и далее на север до Пермского Прикамья. То есть Вятско-Камское междуречье было всклочено в границы межовской культуры. Первоначально западными соседями межовского населения М. Ф. Обыденнов считал носителей приказанской культуры. В последующих работах к западным соседям автор отнес население луговской культуры (М. Ф. Обыденнов, 1997, с. 64). На правобережье рр. Камы и Белой межовские поселения появляются не ранее XII-XI вв. до н.э. и сменяют гаринско-борские. Н. Л. Членова рассматривает межовский и черкаскульский типы как разнородные компоненты в единой черкаскульской культуре: межовский компонент культуры она относит к кругу культур карасукского типа, а черкаскульский компонент имеет отчетливую андроновскую примесь (Н. Л. Членова, 1981, с. 31, 35, 36).

Ю. В. Морозов полагает, что на Южном Урале межовские племена в XIV-XII вв. до н. э сменили обитавшее здесь срубное население. Верхняя граница культуры определяется IX в. до н. э. Автор отмечает незначительную роль межовской культуры в Приуралье в эпоху поздней бронзы и территорию

Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья оставляет за приказанской культурой. (Ю. В. Морозов, 1989, с. 53-54).

Р. Д. Голдина, основываясь на исследованиях, проводимых КВАЭ в Камско-Вятском междуречье, отмечает своеобразие памятников ПБВ вятского бассейна и предлагает выделяет здесь собственную археологическую культуру – *буйскую* и таким образом определяя преемственность с материалами ананьинского времени. Кроме того, автор, как и предыдущие исследователи (В. Ф. Генинг, К. В. Сальников) считает необходимым объединить все культуры бронзового века Прикамья в одну *культурно-историческую общность (ерзовско-луговскую)* с локальными культурами (приказанской, луговской, ерзовской, курмантау, буйской). По мнению исследователя, ядро этой общности составляли ерзовские и луговские группы (Р. Д. Голдина, 1999, с. 149, 161, 164).

На протяжении 1950-1980-х гг. формой конечного результата исследований являлась систематизация археологических памятников, их описание в комплексах археологических культур. Сравнение культурных комплексов и изучение взаимосвязи между ними давали представление об уровне развития, степени взаимодействия и перемещениях отдельных групп. Материалы раскопок, полученные в 1920-1980-е гг. позволили единую уральскую культуру (П. А. Пономарев, 1892; М. Г. Худков, 1917) разделить на несколько самостоятельных культур, территории которых локализовались, главным образом, по бассейнам крупных рек (Средняя и Нижняя Кама, Средняя и Нижняя Вятка, Приказанское Поволжье и Камское устье). Ученые в основном расширяли границы приказанской, ерзовской, или срубной культур до нижнего течения р. Вятки, пока эта территория не была включена в ареал луговской культуры. Первоначально памятники луговского типа объединялись с приказанскими, позднее, по мере накопления нового материала, был поставлен вопрос о различном происхождении луговской и приказанской культур. Все эти выводы основывались, главным образом, на материалах нижнекамских памятников. Поселения на Средней и Нижней Вятке начинают обследоваться

только со второй половины 1970-х гг. работами КВАЭ. Современные исследователи вновь ставят вопрос о единой культурно-исторической общности, существовавшей в Прикамье в эпоху поздней бронзы.

1.3. Разработка проблем миграций в современных исследованиях (1990-е гг. по настоящее время)

В 1990-е гг. при рассмотрении вопросов ПБВ исследователи все чаще обращаются к проблемам археологических общностей, а не отдельных культур. Процесс выделения отдельных культур практически закончился, по всей видимости, себя исчерпала методология. В работах все чаще используются теории культурных миграций и все меньше внимания уделяется автохтонному (самостоятельному) развитию. На современном этапе внимание, в основном, уделяется вопросам передвижениям племен; культурным влияниям которые отразились в сложении культур ПБВ на территории Приуралья. Изменения археологической карты эпохи раннего металла исследователи объясняют особенностями миграционных процессов разного рода мигрантов, а не процессом саморазвития культур. Новые археологические культуры образуются, как правило, в результате смешения культур или миграции и смешения пришельцев с местным населением (Е. Е. Кузьмина, 1994, с. 227-228; И. Б. Васильев, 1995, с. 214).

Первая попытка проследить передвижение племен в Приуралье была сделана О. Н. Бадером в 1956 г. Но в тот период она не нашла никакого отклика в научном сообществе. Толчком к рассмотрению многих вопросов с позиций теории культурных миграций послужили исследования Е. Н. Черныха и С. В. Кузьминых по истории турбинско-сейминского металла, о происхождении и выделении такого явления в эпоху бронзы как сейминско-турбинский транскультурный феномен (Е. Н. Черных, С. В. Кузьминых, 1989). Следует отметить, что позднебронзовые культуры Приуралья испытали влияние или

какое-либо воздействие, пусть даже косвенное, сейминско-турбинского населения.

Л. И. Ашихмина (1993, 1994) отмечает, что процесс взаимодействия и взаимовлияния в Приуралье не был простым и одномоментным актом. Во второй половине II тыс. до н. э. на территории Волго-Камья смешивались западные, восточные и местные культурные традиции. Здесь обитало население с преобладанием черкаскульско-межовских традиций и с ощутимыми срубно-абашевскими, федоровскими и алакульскими чертами. Приблизительно в XIV в. (постсейминское время) в результате контактов черкаскульских и андроновско-федоровских племен и местных (смешанных гаринско-волосовских и абашевских) формируются атабаевские (приказанские – Л. С.) и луговские (межовские) комплексы. Под влиянием и давлением пришлого западно-сибирского сейминско-турбинского и кротовского населения абашевские, фатьяновские и поздняковские племена мигрируют по Вятке и по Каме на север, на Вычегду. Основой формирования маклашеевского, ерзовского, лебяжского типов памятников послужило местное население северо-востока Европы и пришлое гибридное население из Волго-Клязьминского междуречья, вобравшее в себя фатьяновские, абашевские и поздняковские (тоже смешанные – Л. С.) традиции. Взаимная ассимиляция местного населения и пришлых северян привела к образованию обширной предананьинской общности эпохи поздней бронзы. (Л. И. Ашихмина, 1993; 1994, с. 45-48).

В настоящее время исследователи связывают формирование культур эпохи поздней бронзы Приуралья с передвижением племен из-за Урала (М. Ф. Обыденнов, Н. Л. Членова) или с запада и юго-запада (Л. И. Ашихмина). Основным направлением миграции определяется восточное, с заметным влиянием андроновского мира в результате мощного движения сейминско-турбинского населения на запад (Ю. И. Колев, 1991, с. 162-206; 1993, с. 92). В самом конце развития черкаскульской культуры ее носители начинают проникать в район Нижнего и, возможно, Среднего Прикамья (А. Ф. Шорин, М.

Ф. Обыденнов, 1995, с.112). Во всех же предыдущих исследованиях доминирующим было южное и юго-западное влияние, а восточное менее существенным. Н. Л. Членова объединяет памятники типа курмантау с ерзовскими и позднеприказанскими (маклашеевскими) в одну культуру курмантау и относит ее к северной ветви культур карасукского облика (Н. Л. Членова, 1981, с. 31, 35-36).

На современном этапе исследований культур М. Ф. Обыденов ведущее значение придает межовской культуре, андровоско-федоровскому и черкакульскому населению в сложении археологических культур ПБВ Приуралья (М. Ф. Обыденов, 1998, с. 20-54, 69-72). К собственно приказанской культуре он отнестит баламско-карташихинский и атабаевской этапы (по А. Х. Халикову) и предлагает называть культуру балымско-приказанской (М. Ф. Обыденов, 1998, с. 17). Южное Прикамье исследователь соотносит с луговской культурой (вслед за А. В. Збруевой и Л. И. Ашихминой) и выделяет в ней сусканский локальный вариант для лесостепном Заволжье (сусканская культура по Ю. Колеву; южная группа на р. Утке по А. В. Збруевой).

Относительно культурной принадлежности памятников ПБВ бассейна р. Вятки не существует единой точки зрения. Исследователи либо относят эту территорию к разным культурам: приказанской (А. Х. Халиков), луговской (Л. И. Ашихмина), межовской (М. Ф. Обыденнов), либо выделяют здесь самостоятельные археологические образования: малмыжскую или средневятскую (В. П. Денисов), буйскую (Р. Д. Голдина), либо говорят о различных влияниях отраженных в материалах поселений (Л. А. Сенникова, 1994, с. 86).

Теории культурных миграций только начинают развиваться и в этом вопросе еще не определились преобладающие аспекты. По результатам современных исследований и выводов не представляется возможным очертить достаточно четкую схему расположения археологических культур ПБВ Приуралья. Можно лишь констатировать, что вопросы, связанные с формированием культур, определением занимаемой ими территории,

выявлением их сходства и различия не имеют однозначного решения. В середине II тыс. до н. э. в Приуралье произошли значительные перемены, что нашло отражение в изменении глиняной посуды. Форма, технология изготовления, орнаментация сосудов второй половины II тыс. до н. э. заметно отличаются от посуды предшествующей нео-энеолитичекой эпохи.

Таким образом, мы видим, что знания о ПБВ Приуралья базируются в основном на поселенческом материале. Основными критериями при выделении археологических культур были различия в глиняной посуде. Вопросы выделения археологических культур, несмотря на их обилие, не решены до сегодняшнего дня. Нет единства и по таким проблемам, как основы формирования археологических культур, значение и роль пришлого населения, основным направлениям миграции. Все эти вопросы еще предстоит решать в дальнейших исследованиях.

Глава 2. Характеристика жилищ и поселений. Реконструкция поселков

2.1 Климатические особенности в эпоху поздней бронзы

В древности человек весьма продуманно выбирал места для поселений. Это были оптимальные в хозяйственном и природном отношении ландшафты. Ландшафт, как территориальная система, состоит из взаимосвязанных природных компонентов и комплексов, таких как климат, рельеф, растительный и животный мир, воды, почвы. Эти комплексы образуют единую и неразрывную систему, однородную по условиям развития (Н. Ф. Реймерс, 1990, с. 261). На жизнь общества ландшафт воздействует всеми входящими в него составными частями. В древности изменения отдельных компонентов природной среды, в том числе и климата, особенно существенно влияли на жизнь человеческих коллективов и заставляли их приспосабливаться к новым изменившимся условиям жизни.

Во второй половине II тыс. до н.э. в ПБВ климатические условия и растительный мир в бассейне р. Вятки несколько отличались от современных. Эпоха поздней бронзы укладывается в суббореальный климатический период (4500–2500 лет назад) и приходится на вторую половину среднесуббореального потепления (4200-3200 лет назад) и позднесуббореальное похолодание (3200-2500 лет назад). Одни исследователи рассматривают этот этап вместе с предыдущим атлантическим как средний голоцен (И. М. Нейштадт, 1957, с. 19), другие авторы применительно к Уралу объединяют суббореальный климатический период со следующим субатлантическим (Н. А. Хотинский, В. К. Немкова, Т. Г. Сурова, 1982, с. 149).

Природная и климатическая обстановка суббореала не была устойчивая. Климат в Восточной Европе был более засушливый (ранняя суббореальная аридизация) по сравнению с современным (И. В. Иванов, 1996, с. 4). В гидрологической сети обширных территорий происходил спад уровня вод,

озера пересыхали и превращались в болота. Климат на территория Приуралья развивался по восточноевропейскому (атлантико-континентальному) типу более или менее однородно. В конце II - начале I тыс. до н. э. наступает позднесуббореальное похолодание и одновременно, по сравнению с современным периодом, повышается влажность

Зона тайги в этот период делилась на три полосы: северную, среднюю и южную (М. И. Нейштадт, 1957, с. 366-367). Срединную часть Волго-Камского междуречья, в том числе и бассейн Средней Вятки, занимала зона южной тайги, образованная смешанными хвойно-широколиственными лесами, в которых господствовала ель и значительное участие составляли широколиственные породы, согосподствующей породой в широколиственных лесах была береза. В целом полоса широколиственных лесов отступила к югу. В бассейне Средней Вятки начали преобладать еловые леса с заметной долей сосны и березы, широколиственных деревьев было меньше. Сосна и береза были распространены не только как сопутствующие древостои в еловых лесах, но и образовывали самостоятельные массивы. Больше сосновых лесов было на Нижней Вятке (на юге Кировской области). В этот период широкое распространение получила ольха. Среднесуббореальное потепление привело к восстановлению сосновых лесов до уровня, каким оно было в атлантическом периоде, в лесах резко увеличилось количество берез (Н. Г. Иванова, 1967, с. 428; А. М. Прокашев, И. А. Жуйкова, М. М. Пахомов, 2003, с. 81-82). Среднесуббореальное потепление повсюду способствовало повторному (послеатлантическому) расцвету широколиственных лесов (Н. А. Хотинский, 1977, с. 175-176; 1978, с. 12). В бассейне Вятки доля широколиственных пород (вяз, липа) и ольхи сохранилась на таком же уровне, что и в предыдущий период позднеатлантического максимума, а в некоторых случаях и превышала его. На территории Вятско-Камского Предуралья два максимума широколиственных пород – позднеатлантический (6000-4600 лет назад) и среднесуббореальный (4100-3200 лет назад) объединились в один растянутый среднеголоценовый. В конце суббореала роль сосновых лесов в растительном

покрове уменьшилась, доминирующее положение заняли еловые леса с большой примесью березы. [Для сравнения. Современная срединная часть области (до линии Тужа-Советск-Нолинск-Нема) находится в подзоне южной тайги, где основные образующие виды лесов – ель и пихта, встречается лиственница. Значительная примесь пихты в лесах области позволяет называть их пихтово-еловыми. Сосновыми лесами заняты надпойменные террасы рек Вятки, Чепцы, Моломы, Кильмези. Южнее начинаются широколиственно-хвойные (широколиственно-елово-пихтовые) или смешанные леса, которые являются переходной полосой между зоной тайги и широколиственными лесами].

Таким образом, климат в эпоху поздней бронзы был более теплый и засушливый, чем в современный период, что отразилось на топографии поселений этого периода.

2.2. Топография поселений

К настоящему времени материальные остатки позднего периода бронзового века выявлены на 61 памятнике (рис.1; табл.1). 23 памятника (27,7%) – однослойные, они содержат только материалы эпохи поздней бронзы. Остальные поселения (38 или 62,3%) – многослойные, на которых кроме прочих присутствуют комплексы позднего этапа бронзового века (табл. 1, 4).

Все поселения расположены по берегам рек и водоемов. Речная сеть Вятского бассейна достаточно древняя и зрелая и характеризуется хорошо разработанными речными долинами (Л. Н. Кашина, А. Н. Кликашева, 1996, с. 131, 143-144). Вятка типичная равнинная река. Берега и ложе реки сложены рыхлыми породами, что благоприятствует образованию перекатов, отмелей, песчаных кос. Во время половодья уровень р. Вятки поднимается на 4-6 м над обычным летним меженным уровнем. Почти на всем протяжении долина Вятки и ее основные притоки имеют асимметричное строение.

Пойменная терраса (или высокая пойма) реки имеет обширное распространение, наиболее крупные участки расположены по левому берегу (С. Г. Каштанов, 1938, с. 9, 12-28). Высота пойменной террасы 4-7 м над руслом реки. В сложении этой террасы принимали участие новейшие четвертичные отложения: пески, глины, супеси, суглинки и галечники, при этом песчано-галечные породы имеют преобладающее, местами исключительное распространение перед супесчано-глинистыми породами. Пойменная терраса отличается значительной неровностью.

Переходы первой надпойменной (вюрмской) террасы к высокой пойме (пойменной террасе) или ко второй надпойменной террасе чаще всего незаметные. Местами первая надпойменная терраса сливается с высокой поймой, но чаще уступом в 4-6 м возвышается над ней. Высота первой надпойменной террасы в верхнем течение 6-10 м над руслом реки, в среднем и нижнем течение высота достигает 12-18 м (Медведкинский бор, устье р. Кильмезь и др.). В нижней половине района (близь д. Захватаево, напротив г. Малмыжа и др.) она сохранилась значительно хуже и лучше всего прослеживается в устье мелких речек. Крупные фрагменты первой надпойменной террасы чаще встречаются по левому берегу р. Вятки, чем по правому. Сложена эта терраса преимущественно песками, местами песчанистыми глинами. Глины содержат значительное количество углистых остатков растений. Поверхность террасы в большинстве случаев образует характерный дюнный ландшафт с небольшими буграми и грядами, покрытыми сосновым лесом. Первая надпойменная (вюрмская) терраса, по составу и строению слагающих пород отличается от верхней террасы. Первая надпойменная терраса р. Вятки сложилась в умеренно-теплых условиях в поздне- и послеледниковый период, в конце позднего плейстоцена и в самом начале голоцена (Г. П. Бутаков, 1980, с. 20, 26). Высокая пойма возникла позже в голоцене, но до начала климатического оптимума. В суббореальный период голоцена, не ранее второй половины III тыс. до н.э., начинает формироваться низкая пойма р. Вятки.

Вторая надпойменная (рисская) терраса поднимается на 15-40 м над Вяткой или на 12-33 м над поймой и образована песками, супесями и суглинками. В среднем течение поверхность этой террасы, сложенной песками, также имеет дюнный ландшафт и покрыта сосновым лесом. В нижнем течении большее развитие имеют суглинки и супеси, местами терраса прорезана глубокими и длинными оврагами. Русла рек часто прижаты к правому берегу, чем обусловлена его обрывистость.

Речные долины притоков второго порядка чаще всего неширокие и асимметричные Правые берега крутые на значительном протяжении. Днище долин слабовогнутое или плоское. В долинах выделяется пойма и одна надпойменная терраса. Высота поймы над меженным уровнем 2-3 м, поверхность поймы ровная. Надпойменная терраса поднимается над меженным уровнем на 6-8 м. Переход от террасы к склонам долины постепенный, реже резкий. Речные долины рек Вои, Лудяны древние, доледникового возраста, достаточно широкие. (С. Г. Каштанов, 1938, с. 50, 62).

По р. Вятке и ее притокам расположено основное количество поселений эпохи поздней бронзы (табл. 2). 5 памятников размещаются по р. Большой Кокшаге (бассейн р. Волги) и ее притокам (р. Мамокша). При анализе топографического положения учтены все памятники указанного периода.

Было рассмотрено расположение поселений относительно речных систем и выделены следующие группы:

1) памятники, расположенные непосредственно на берегах р. Вятки;

2) поселения на притоках р. Вятки;

3) поселения на малых реках (притоки второго порядка);

4) поселки вблизи затонов, заводей, старичных озер р.Вятки и ее притоков.

Внутри группы положение памятников рассматривалось по занимаемым террасам – высокая пойма, первая надпойменная терраса, высокий (коренной) берег. Внутри группы положение памятников рассматривается по занимаемым

террасам – высокая пойма, первая надпойменная терраса, высокий (коренной) берег.

Группа 1. Непосредственно по берегам р. Вятки размещалась большая часть поселений позднего бронзового века – 24 памятника (40,9%), из них 21 поселение расположено на правом берегу и 3 – на левом (табл. 3; рис. 2). Первую надпойменную террасу р. Вятки и высокую пойму р. Вятки занимало 12 поселений, из них 7 – однослойные (табл. 2). Поселки размещены как на краю берега (6 поселений), ближе к воде, так и на мысах или излучинах (изгибах) террасы (табл. 2, рис. 2-*4-9*). Высокую пойму (высотой 3-5 м, реже 7 м), исследователи иногда называют первой надпойменной террасой, но на р. Вятке первая надпойменная терраса имеет большую высоту (от 8 до 13 м) и более удалена от русла реки (Д. Д. Лавров, 1967, с. 82-83). На второй надпойменной террасе р. Вятки (высокий берег), возвышающейся над водой на 10-20 м, и на коренном берегу известно также 12 памятников (рис. 2-*1-3*). На мысах или на излучинах террас высокого берега поселков больше, чем на первой надпойменной террасе (высокой пойме).

Группа 2. На притоках р. Вятки расположено 14 поселений (22,9%), из них 4 однослойные (табл. 2). На крупных притоках, таких как Великая, Быстрица, Молома, Воя. Чепца выявлено по одному памятнику, на р. Пижме – четыре (табл. 1). При выборе места поселения здесь, так же как и на Вятке, предпочтение отдавалось невысокой (2-5 м) первой надпойменной террасе (9 поселений, из них 3 однослойные) и выраженным топографическим мысам или излучинам террас (табл. 3; рис. 3-*4,6-8*). На коренном берегу притоков (высотой от 7 до 11 м) выявлен один однослойный памятник и 4 многослойных (табл. 2).

Группа 3. Малые реки, притоки второго порядка р. Вятки, выбирались для мест поселений значительно реже. Малые реки в центральной и южной части Кировской области имеют довольно широкие долины, которые не соответствуют размерам водных потоков, протекающих по ним. Вероятно, в отдаленное время такие реки как Шошма, Шунка, Лобань имели более мощные русла, и, скорее всего, в эпоху поздней бронзы поселения на малых реках

находились еще ближе к воде, чем в настоящее время. Здесь выявлено 9 памятников (14,7%), из них 3 – однослойные (табл. 2; рис. 3-*1-3,5,6*; 4-*1,2*). Пять поселений, среди них одно однослойное (Акшубень П), расположены на первой надпойменной террасе высотой 2-5 м (табл. 2; рис. 3-*6*). На коренном берегу, на высоте 10 и 20 м над уровнем воды, известно два памятника (табл. 2; рис.3-*1,2*). Два поселения занимают дюны (рис. 3-*6*). Для мест поселений в равной степени использованы как мысы и излучины террас (рис. 3-*1,3,*), так и прямой береговой край (табл. 2; рис. 3-*2,5*).

Группа 4. На берегах современных старичных озер, затонов и заводей – 10 поселений (16,1%; табл. 1-3; рис. 4-*3-9*). Выделение этой группы в некотрой степени условно, так как современные затоны и озера в предыдущие периоды могли быть руслами рек. На старицах р. Вятки расположено 5 поселений, из них 4 однослойные; на старицах малых рек (притоков второго порядка) – также выявлено пять (табл. 3). Поселки обычно возведены на высокой пойме озер – 6 памятников (рис. 4-*4-9*). На дюнных возвышениях зафиксировано три два поселения (табл. 3; рис. 4-*3*), на высоком (коренном) берегу – одно. В этой группе 8 поселений из 9 расположены на левом, более низком, берегу р. Вятки.

На р. Большая Кокшага (бассейн р. Волги в пределах Кировской области) выявлено 5 поселений (табл. 1-3). Один памятник (Кубашевское городище) расположен на притоке Большой Кокшаги (р. Мамокша) на высоком коренном берегу. Дюнное возвышение у старичного озера занимает многослойное поселение (рис. 4-*8*).

Таким образом, удобной для поселений считалась высокая пойма или невысокая (3-5м) первая надпойменная терраса, где расположено более половины памятников (55,7%, табл. 2). На высоком (коренном) берегу размещено 36,1% памятников, из них 4 поселка были возведены на коренном берегу высотой 20-30 м, где впоследствии, в раннем железном веке и в средневековье, были устроены городища (Ковровское, Буйское и Кубашевское; табл. 1). Непосредственно по берегам р. Вятки поселения в равной степени занимали как высокую пойму и первую надпойменную террасу, так и высокий

(коренной) берег. Однослойные поселения позднего бронзового века чаще размещались на надпойменной террасе высотой 9-16 м (рис. 2-*5,7,9*; табл.4). Дюнные возвышения в пойме в качестве места поселения использовались незначительно (4 памятника, 6,4%).

Основная часть поселений (68,9%) расположена на мысах и излучинах террас, ограниченных с одной стороны поворотом террасы, либо оврагом, либо устьем небольшого ручья или протоки (табл. 2). При этом мысы, окруженные логами или ручьями с 2-х сторон, заселялись меньше (11,5%). При выборе места поселения определенное значение имел хороший обзор местности, наличие водной преграды от хищников, меньшее количество гнуса на открытых пространствах. Вероятно, этими качествами обладали мысы, стрелки и другие топографически выраженные участки. На краю береговой террасы, которая не выделялась топографически, располагалось 21,3%. (табл.2). 9,8% памятников занимали возвышение на террасах или в пойме (дюны).

При небольшой плотности люди селились на участках, наиболее благоприятных для охоты, рыбной ловли, собирательства, для получения качественной питьевой воды. Выбор часто оказывался очень удачным и человек жил в таких местах длительное время и покидал удобные территории только с изменением природной ситуации. Население не продвигалось в глубь водораздельных пространств, занятых лесами, что объясняется спецификой распределения животного мира в лесах и сложностью получения питьевой воды на водоразделах. По наблюдениям зоологов, животные тяготеют не к "глубинам" лесных массивов, а к окраинным ландшафтно-контактным участкам (опушкам, перелескам, приозерно-речным районам), что известно, как явление "пограничного эффекта" (П. М. Долуханов, 1979, с. 152).

Значительная часть поселений позднего бронзового века устраивались на тех местах, где ранее существовали стоянки эпохи мезо-энеолита – 22 поселения из 38 многослойных или 36,7% от общего количества памятников (табл. 1, 4). Из них на местах, освоенных с мезолитического времени, существовало 13 поселений ПБВ (табл. 4). На площадках, заселенных с эпохи

нео-энеолита, возникло 9 поселения, расположенных как на надпойменной террасе, так и на высоком берегу. Балановские напластования (средняя бронза) предшествовали позднебронзовым только в двух случаях (табл.4), то есть здесь не наблюдается преемственности в заселении. В ананьинское время были заселены 6 позднебронзовых поселений. В раннее средневековье (азелинско-худяковское время) непосредственно на местах позднебронзовых поселений устроены могильники (3 памятника). Площадки, на которых возникали поселки ПБВ, часто использовались в средневековье время и здесь преобладают невысокие надпойменные террасы. На 12 памятниках остатки эпохи поздней бронзы перекрываются средневековыми селищами (табл. 4).

При выборе территории для расселения в бассейне р. Вятки в эпоху поздней бронзы предпочтение отдавалось главной водной артерии края – р. Вятке, ее правобережью, включая и ее правые притоки. Непосредственно по берегам Вятки, на современных старичных озерах и затонах и на ее крупных притоках расположено 47 поселений и среди них 19 однослойных. На Средней Вятке больше поселений расположено по притокам; а ниже по течению преимущественно на берегах р. Вятки (рис. 1). Более удобной для поселений считалась высокая пойма или первая надпойменная терраса.

2.3. Жилые и хозяйственные сооружения

Одним из важнейших видов археологических источников являются жилища. Особый интерес к жилищу объясняется тем, что это явление всеобщее, и в то же время в большинстве своих деталей строго локальное и хронологически дифференцированное. Как археологический источник древние жилища представляют большую ценность, так как именно в жилищах сохраняется более мощный и достоверный культурный слой, изучение которого позволяет определить время существования поселения, последовательность напластований, продолжительность заселения и характер археологического памятника. По наличию в слое жилища кремневого инвентаря, костей,

керамики можно судить о производственной деятельности древнего населения. Учитывая то, что многие памятники эпохи бронзы многослойные, факт изучения жилищ, содержащих эти комплексы, приобретает первостепенное значение.

Для бассейна р. Вятки мы располагаем информацией о 18 жилищах (табл. 5-10; рис. 5, 6), 5 хозяйственных постройках на площадках поселений и о двух кратковременных (охотничьих?) сезонных стоянках с крупными ямами. Площадки многих поселений подвергались длительной и достаточно глубокой распашке, вероятно, поэтому жилищные впадины сохранились только на некоторых памятниках.

По три жилищные впадины выявлены на поверхности поселений «Лесная сторожка» и Дмитровское (рис. 2-*6*; 4-*4*), по две – на поселениях Акшубень II, Изранское, Буй I. О поселениях «Лесная сторожка» и Дмитровское имеются только разведочные данные, стационарно эти жилища не изучены. На поселении «Лесная сторожка» 3 округлые жилищные впадины диметром 6-11 м и глубиной 40-60 см расположены в линию вдоль высокой поймы, поднимающейся на 4 м над уровнем воды (рис.2-*6*). На Дмитровском поселении овальные впадины глубиной 20 см размещены группой (образуют треугольник) на мысу (рис. 4-*4*). Жилищные впадины на поселениях Акшубень II, Изранское и Буй I исследованы полностью. На поселениях Этанцы II и Лобань III выявлено по одному жилищу. По одному жилищу исследовано и на поселениях Старо-Бурецком и Лобань I, но здесь часть памятников уничтожена в результате осыпания и разрушения берега паводковыми водами (Старо-Бурецкое) или карьером (Лобань I).

На местности жилища были поставлены либо длинными сторонами вдоль террасы и параллельно реке (6 случаев, дюны), либо поперек террасы перпендикулярно реке (9 построек). Нельзя сказать, что какой-то один вариант значительно преобладает. Ориентация жилищ по странам света определялась по длинным стенам построек. Чаще встречается промежуточное диагональное направление северо-запад - юго-восток (8 вариантов), противоположная

ориентация северо-восток - юго-запад отмечена три раза. Пять строений имеют широтную ориентацию запад-восток, меридиональная север-юг обозначена дважды.

На поселениях, где выявлено более одного жилища, присутствуют либо только изолированные постройки (Акшубень II, Буй I); либо двухкамерное сооружение с переходом и изолированное строение (Худяковское, Изранское). К изолированным постройкам отнесены одиночные жилища на поселениях Этанцы II и Лобань III. Жилища поселений Лобань I и Старо-Бурецкого из-за недостатка информации сложно отнести к изолированным или соединенным постройкам.

При анализе и описании построек учитывались отдельные конструктивные элементы-признаки, которые формируют собственно постройку и фиксируются в процессе раскопок жилых сооружений (Е. М. Черных, 1994, с. 50-54):

1) форма основания жилища в плане; соотношение формы основания жилища с поверхностью (котлован сооружения);

2) входной проем;

3) отопительные устройства (очаги, кострища);

4) хозяйственные ямы внутри жилища;

5) столбы (столбовые ямки) как следы внутреннего устройства и как основа реконструкции стен и перекрытий.

6) метрические данные (размеры построек)

Форма основания жилых построек. Практически все исследованные жилища эпохи поздней бронзы в бассейне р. Вятки имели в плане прямоугольную форму. Одна стена была длиннее другой либо на 1,5 м (6 сооружений) либо на 3-5 м (5 построек). Только одно жилище (Худяковское поселение, жилище V) в плане было почти квадратным (табл. 5).

Зафиксированная глубина котлованов жилых построек варьирует в широких пределах – от 5 см до 85 см. У 8 сооружений котлованы прослежены на глубину от 25 см до 50 см, сред них четыре сооружения имели глубину 25-30

см; две постройки - 30-40 см, две - 40-45 см и одна 30-50 см. В 5 случаях зафиксированы котлованы глубиной менее 25 см: 10-20 см - 1 сооружение; 15-20 см – 2 постройки; 20-25 см – 1 жилище (табл. 5). Еще одна постройка (поселение Искра) выявлена по всей видимости только на уровне углубленной части, здесь глубина составляет 3-5 см. Следующую группу составляют 4 жилища с котлованами глубиной от 55 см до 85 см. Наиболее глубокими (60-70 см и 80-85 см) являются жилища на Изранском поселении, которое расположено на дюне, не разрушенной пахотой. Возможно, что первоначальная глубина котлованов древних жилищ приближалась именно к этим отметкам. По уровню заглубленности основания, который был зафиксирован в процессе раскопок, представляется возможным выделить такие типы построек: с углубленным полом (от 10 до 30 см) – 9 сооружений; углубленное (30-50 см) – 4 строения; полуземлянка (от 55 до 85 см) – 4 жилища. На поселении Искра тип постройки не определен. В группу полуземлянок вошли все три жилища Изранского поселения и жилище III Худяковского поселения (табл. 5).

В 14 жилищах выделена углубленная часть(табл. 5; рис. 5; 6). На поселении Лобань I и в жилище 2 поселения Буй I углубления не выявлены. На поселении Искра жилище выявлено лишь на уровне пола и, возможно, что здесь зафиксирована только углубленная часть строения (чем объясняется его небольшая площадь). На Худяковском поселении от жилища III сохранилась (и, соответственно, исследована) только часть постройки на ширину 8 м, остальная часть жилого сооружения уничтожена в результате осыпания берега, поэтому здесь проблематично говорить о наличии углубленной части.

Обычно углублена центральная часть постройки или половина, ближайшая к выходу (табл.5). В двух постройках углубленная часть располагалась у стены в углу: в жилище 1а поселения Буй I - возле выхода (рис. 6-*5*), на поселение Тархан 1У - в углу, удаленном от выхода (рис. 5-*8*). Углубления внутри жилищ не имели стандартной, определенной формы, как это свойственно жилищам. В 6 сооружениях контуры углублений были неправильно-овальные, вытянуто-овальные или округлые,; в 6 - прямоугольные

очертания; по одному разу зафиксирована квадратная и округлая форма (табл. 5).

Ниши и выступы в стенах. Особенностью конструкции жилищ ПБВ являются широкие ниши и прямоугольные или квадратные (реже - овальные или треугольные) выступы в стенах. Эти конструктивные особенности имеются не во всех жилищах (табл. 6; рис. 5-*1,4-6*; 6-*1,5,7,8*). Ниши и выступы располагаются в длинных и коротких стенах (5 вариантов) или по углам постройки. За пределы стен они выступают на расстояние от 50 см, но, как правило, не более чем на 1,5 м (табл. 6). Размеры выступов варьируют в широких пределах от 0,4х0,6 м до 1,3х0,9(1,5х1,5) м; ниши имеют более стандартные размеры - 1-1,3х3,2-5,5 м. В расположении ниш и выступов прослеживаются некоторые особенности. В соединенных жилищах V-VI Худяковского поселения выступы расположены только в углах (рис. 6-*7,8*). На Старо-Бурецком поселении выступы в стенах значительно длиннее (2,5 и 4 м при обычной ширине 2,0-0,8 и 1,5 м), чем в других сооружениях (рис. 5-*5*). В Изранских постройках узкие длинные, канавообразные выступы устроены в коротких стенах, почти перпендикулярно им (рис. 6-*1,2*). На поселении Буй I в жилище 1а и на Изранском поселении в жилище 2 ниши могли служить и своеобразными пристроями-тамбурами выходов (рис. 6-*2,5*). В нишах и выступах могли быть устроены очаги, иногда размещались хозяйственные ямы, (табл. 6). Вероятнее всего, ниши-выступы в стенах сооружались одновременно с возведением котлована, являлись неотъемлемой частью жилой постройки, а не пристраивались позднее. Столбовые ямки, располагаясь по периметру жилища, как правило, оконтуривают и ниши (выступы), не отделяя их от жилого пространства.

Входной проем. Входной проем в виде выступа планиграфически четко прослежен у 12 построек (табл. 7), у двух сооружений (поселение Акшубень II, жилище 2 и жилище на поселении Искра) выход выделен предположительно (рис. 5-*1,4*). У полностью раскопанного жилища на поселении Этанцы II выход не прослежен (рис. 5-*3*). Выход из жилища обычно располагался в углу или в

середине короткой стены и направлен вдоль террасы (7 вариантов) или в сторону водоема (к реке, ручью, к воде). Последнее направление немного преобладает. Почти в равной степени выход ориентирован на юг, иногда с небольшими отклонениями к западу или востоку или на север-северо-восток (табл. 7). Жилое помещение имело, как правило, один выход. Только на Старо-Бурецком и Изранском поселениях жилища, помимо хорошо оборудованного основного входа/выхода, имели дополнительный входной проем меньших размеров (рис. 5-*5*; 6-*1*).

Оформление выхода в жилищах Вятского бассейна встречается двух типов: небольшой овальный выступ - поселения Худяковское жилища V-VI (рис. 6-*7,8*); Акшубень II жилище 2 (рис. 5-*1*), Буй I жилища 1, 3 (рис. 6-*3,4*); Тархан 1У; (рис. 5-*8*) или значительно выступающий за линию жилища коридор-тамбур - поселения Изранское (рис. 6-*1,2*), Лобань I (рис. 5-*6*), Старо-Бурецкое; (рис. 5-*5*). Если на поселении сохранилось несколько жилищ то они имеют выходы одного типа (Изранское, Худяковское). Входной проем простой конструкции в виде небольшого выступа или коридора встречается чаще. Ширина такого входа-выступа 0,7-1,3 м, длина - 1,0-1,7 м (табл. 7). Ширина выходов-коридоров колеблется в пределах 0,7-1,5-3,5 м, длин – 2,5-3 м. На Изранском и Старо-Бурецком поселениях длина выхода коридора выявлена полностью и составляет 4-4,5 м. Выходы-коридоры здесь заканчиваются постройкой типа тамбура (рис. 5-*5*, 6-*1*).

Отопительные устройства. Очаги выявлены в 14 постройках и не зафиксированы в разрушенных жилищах I и III Худяковского поселения, в жилище на поселении Искра (рис. 5-*4*; 6-*6,9*). На Изранском поселении в соединенных жилищах 1 и 2 очаг был только в жилище 1, в другом сооружении очажных пятен не зафиксировано (рис. 6-*2*). Всего рассмотрено 37 очажных конструкций (табл. 8).

Все отопительные устройства (очаги) в жилищах представляют собой простые кострища открытого типа и фиксируются в виде углистых пятен или углистых пятен с прокалом. Иногда углистый слой расположен рядом с

прокалом (выброс из очага?). Дополнения в устройстве очагов встречаются в виде исключения). На Старо-Бурецком поселении очаг № 3 овальной формы сооружен на вымостке из песчаника (табл. 8; рис. 5-*5*). На Изранском поселении в жилище 3 очаг № 1 был обложен деревянными конструкциями, которые представлены узкими углистыми полосами, изогнутыми под прямым углом (табл. 8; рис. 6-*1*).

В жилом сооружении обычно расположено 2-3 очага (табл. 8). По одному очагу выявлено в жилищах на поселениях Лобань III (рис. 5-*6*), Тархан IV (рис. 5-*8*) и в жилище 1а поселения Буй I (рис. 6-*6*). Жилище 2 этого же поселения отапливалось 6 очагами (табл. 8; рис. 6-*4*), жилище Старо-Бурецкого поселения – четырьмя (рис. 5-*5*). Если в жилище больше двух очагов, то, как правило, один или два очага имеют большие размеры, чем остальные (табл. 8). Очажные пятна в основном овальной формы (25 очагов), значительно реже округлой (8 очагов), встречаются кострища подтреугольных (1 очаг, поселение Лобань III) или подквадратных очертаний (2 очага; табл. 8). На поселении Тархан IV форма очага не определена, так как раскопана только часть его. В расположении очагов не прослеживается определенного плана, но можно выделить три наиболее распространенные тенденции (табл. 8): устройство очагов в центре постройки (рис. 5-*2*; 6-*2-4,7,8*); размещение их в ближней к выходу части жилища (рис. 5-*6*) или возле стен (рис. 5-*3*). В центре очаги располагались группой, в ближней к выходу части жилища чаще образовывали ряд по длинной оси жилища. Когда очаг сооружался около стены, то это могла быть середина стены, ниша или угол постройки (табл. 8). На поселении Этанцы II и в жилище 1 поселения Акшубень II очаги размещены у противоположных стен, оставляя свободным центральное пространство (табл. 8; рис. 5-*1,3*;). Часто рядом с очагом располагалась небольшая хозяйственная яма.

Расстояние между очагами в жилище весьма различно и колеблется от 0,5-1,0 м до 3,5-7 м. Если очаги расположены в центре группой, расстояние между ними редко превышает один метр и не более двух метров. Если очаги

вытянуты по линии постройки, то расстояние между ними от 2-7 м. Самое большое расстояние отмечено между очагами у длинной левой стены жилища 2 на поселении Буй I. Здесь один из очагов был устроен в дальнем углу в нише, а еще один – в середине у стены (рис. 6-*4*).

Глубина прокалов и мощность углистого слоя в очагах колеблется от 2-4 см до 25 см (табл. 8). Самая глубокая очажная яма выявлена на поселении Тархан IV. Она зафиксирована на одном уровне с верхней границей жилища. Мощность прокала здесь составляет 35 см и прорезает весь котлован жилого сооружения до дна (рис. 5-*8*). Размеры очажных пятен варьируют в очень широких пределах от 0,25 х 0,25 м до 2,6 х 1,2 м. Часто встречаются овальные очаги (7 очагов) размерами 0,75 х 0,5 м – 0,8 х 0,4-0,8 м. Другую группу также из 7 очагов образуют отопительные устройства размерами 0,95 х (0,65) 0,85 м – 1,0 х 0,4-1,0 м. Все они расположены в разных жилищах. 8 очагов имеют значительные размеры от 1,6 х 0,7 до 2,6 х 1,3 м (табл. 8). По два крупных очага одинаковых размеров располагались в жилище 2 поселения Акшубень II (1,7 х 0,8-1,0 м; рис. 5-*2*) и на поселении Этанцы II (1,6 х 0,7 и 2,6 х 1,2 м; рис. 5-*3*). Небольшую промежуточную группу составляют овальные вытянутые очажные пятна размерами 1,2 х 0,3 – 1,4 х 0,4 м. Последняя группа (7 очагов) – мелкие очаги размерами от 0,4 х 0,4 до 0,6 х 0,3 (0,6) м. Два мелких очага (из трех) встречены в жилище V Худяковского поселения (рис. 6-*8*) и в жилище 3 поселения Буй I (рис. 6-*3*).

Какой-либо связи между площадью жилищ, количеством и размерами очагов проследить не удается. Небольшое по площади жилище (45 кв.м) на поселении Этанцы II отапливалось двумя крупными очагами (рис. 5-*3*). В жилище поселения Лобань III, площадь которого не менее 85 кв.м, выявлено одно очажное пятно средних размеров (0,95 х 0,85 м; рис. 5-*7*). В маленьком жилище 3 поселения Буй I было три очага, но два из них – мелкие (рис. 6-*3*). Одинаковые по площади жилища поселения Акшубень П обогревались различным количеством очагов (соответственно 2 и 3 отопительных устройства) разных размеров (табл. 8; рис. 5-*1,2*). Жилище V Худяковского

поселения, площадь которого была такая же как и у построек поселения Акшубень II (табл.5), отапливалось тремя небольшими очагами (табл.8;рис.6-*7*).

Как видно, в расположении, размерах очагов, в их количестве в жилищах нет стандартов, хотя можно проследить некоторые тенденции.

Хозяйственные ямы. Внутри жилых сооружений помещались также хозяйственные ямы. Но, сооружались они не во всех жилых постройках. На поселениях Искра, Тархан IV, в жилищах I и III Худяковского поселения хозяйственные ямы не выявлены (табл. 9). В двухкамерных жилищах Изранского и Худяковского поселений хозяйственные ямы расположены только в одной постройке (рис. 6-*2,7,8*). В большинстве случаев в жилище имелось 2-4 ямы, но иногда их могло быть больше (6 хозяйственных ям на Старо-Бурецком поселении) или меньше (по одной на поселение Лобань I, в жилище 1а поселения Буй I). Строгих правил в расположении хозяйственных ям внутри жилой постройки не существовало (табл. 9). Если в жилище имелось несколько ям, то одна из них, как правило, располагалась рядом с очагами, остальные чаще всего возле стен (табл. 9). Околоочажные ямы, как правило, небольшого размера. Пристенные ямы обычно тяготели к углам, выступам или нишам (рис. 6-*4,5*). Если в жилище имелась одна яма, она устраивалась в середине постройки (жилище 1 Изранского поселения, рис. 6-*2;* жилище 1а поселения Буй I, рис. 6-*5;* табл. 9) или около выхода (поселение Лобань I; рис. 5-*6*; табл. 9). Но в основном хозяйственные ямы располагались в середине жилого сооружения или в дальней от входа половине (табл. 9).

Размеры хозяйственных ям варьируют в широких пределах от 0,3 х 0,3 м до 2,2 х 1,25 м. Глубина ям обычно не превышает 25 см (табл. 9). Несколько ям имели глубину 30-40 см. В жилище 2 поселения Буй I выявлена яма глубиной 60 см, обложенная сверху деревянными плахами. Взаимосвязи между размерами ям и их глубиной не выявляется. В некоторой степени размеры ям связаны с их формой: округлые ямы имели размеры 0,3 х 0,3 – 0,6 х 0,6 м; неправильно-овальные – 1,85 х 0,4 – 2,8 х 0,5 м (табл. 9).

Среди хозяйственных ям преобладают ямы овальной конфигурации. Относительно правильную овальную форму имеют 6 ям, их длина в среднем варьирует от 0,5 м до 1,5 м, ширина - от 0,3 м до 1,0 м (табл. 9). Можно допустить, что при сооружении хозяйственных ям внутри жилища существовали некоторые стандарты. У четырех ямы зафиксирована неправильная конфигурация, но по общим очертаниям она приближались к овальной. Отдельную группу образуют 5 ям близкие по форме к канавам. Они расположены в жилище VI Худяковского поселения (1 канава; рис. 6-*7*) и в жилищах поселениях Этанцы II (ямы III, IX) и Старо-Бурецком (яма VII, канава IX; рис. 5-*3*, *5;* табл. 9). Длина ям канавообразной формы обычно в пределах 1,5-2 м и более, ширина – 0,4-0,9 м. Глубина канав не отличалась от общей глубины ям (табл. 9). Менее характерны ямы правильной подпрямоугольной (4) или подквадратной (2) формы (табл. 9; рис. 5-*5*, 6-*1,4*). Прямоугольные ямы имели более крупные размеры, чем овальные. Длина их, как правило, превышала два метра (2,0-2,2 м и 2,9 м), а ширина составляла немногим более одного метра (1,2-1,3 м). Глубина таких ям также больше, чем овальных и составляет 20-25 см. Размеры квадратных ям укладываются в параметры – 1,4 х 1,3 и 0,7 х 0,7 м. Шесть ям округлой формы имеют небольшие, но довольно устойчивые диаметры пределах полуметра (0,45-0,6 м), некоторые из них – значительную глубину, по сравнению с другими ямами – 30 и 33 см.

Несмотря на широкий разброс размеров хозяйственных ям, на разнообразие их форм и отсутствие, на первый взгляд, общего стандарта, в жилищах преобладали хозяйственные ямы овальной формы (или близкие по форме к овалу) с общими средними размерами в пределах 1-1,5 м, глубиной не более 20 см.

Размены жилых построек. Полностью размеры выявлены у 12 жилищ (табл. 5). Как уже отмечалось выше, жилища эпохи поздней бронзы бассейна р. Вятки были подпрямоугольные. Стены жилых построек в некоторой степени имели устойчивые и, можно сказать, стандартные размеры. Длина коротких

стен у жилищ составляла (5,5) 6 - 7 (7,5) м (8 сооружений), либо 9 м и 11 м (3 сооружения). Длинные стены укладываются в параметры – 7,5 - 8,5 м (5 сооружений) и 10-12,5 м (4 постройки). Большие или меньшие размеры единичны (табл. 5). Больше половины жилых построек имеет площадь 45-62 кв. м. Другую группу составляют 4 жилища площадью от 77 до 100 кв. м (табл. 5; рис. 6-*2,4*). Особняком стоят два больших жилища площадью 137,5 кв. м (Изранское поселение жилище 3, рис. 6-*1*) и 165 кв. м (поселение Лобань I, рис. 5-*6*) и два маленьких (поселение Буй I жилище 3, рис. 6-*3*; поселение Искра, рис. 5-*4*) исследованная площадь которых составляет 16,5 и порядка 36 кв. м (табл. 5).

Размеры углубленной части жилищ также различны: от 1,8 х 2,7 м (1,4 х 4,4 м) до 5,5 х 8,3 м (5,5 х 6,8 м) и не зависят от общей площади построек (табл. 5). В трех строениях (поселения Этанцы II, Буй I жилища 1а и 3) ширина углубленной части не превышала 1,5 - 2,0 м (рис. 5-*3*; 6-*3,5*). Углубления внутри жилищ по размерам можно условно разделить на три группы. Одну группу образуют 7 жилищ: это поселения с несколькими сооружениями (Акшубень II жилища 1 и 2, рис. 5-*1,2*; Изранское жилища 1-2, рис. 6-*2*; Худяковское жилища V-VI, рис. 6-*7,8*) и поселение Лобань III с одним жилищем (рис. 5-*7*). В этой группе площадь углублений варьирует от 16-17 кв.м до 37,5 кв.м, а соотношение между площадью жилища и площадью углубления определяется как 1:2,4 и 1:3; углублена, как правило, центральная часть. Другая группа представлена 2 постройками (поселения Изранское жилище 3, рис. 6-*1* и Старо-Бурецкое рис. 5-*5*), она определяет пограничные пределы первой. В одном случае площадь углубления (24 кв.м), не превышает размеры, свойственные первой группе, но по отношению ко всей площади жилища занимает 1/5 часть его. В другом жилище углубленная часть имеет большую площадь (45,6 кв.м), чем в первой группе, но приближается к ней по соотношению с общей площадью жилища – 1:1,8. Третью группу (4 жилища) образуют узкие (1,4 - 1,8 м) и небольшие по площади (5 - 7 кв.м) углубления. Эти углубления тяготеют ближе к стенкам и углам (рис. 5-*3,8*; 6-*5*).

Жилища имели каркасно-столбовую конструкцию, о чем свидетельствует наличие столбовых ямок возле построек и их расположение (рис. 5, 6). Столбы для крепления стен и для перекрытия ставились как внутри постройки, так и за ее пределами по всему внешнему периметру. Иногда внешние столбы фиксируются только вдоль одной или двух смежных стен. Внутренний периметр жилища ограждался столбами реже, чем наружный. Среди внутренних перегородок можно выделить ограждения около очагов, здесь столбы часто стояли группами, а не рядами. Внутренне пространство жилища перегораживалось на неравные части по диагонали или по короткой оси. Могло быть огорожено и углубление.

Таким образом, допустимо предположить, что жилище эпохи поздней бронзы бассейна р. Вятки выглядит следующим образом. Это прямоугольная постройка площадью 60-70 кв. м, углубленная в материк на 25-30 см. За пределы одной или двух стен на длину в 50-60 см выступала широкая ниша или небольшой выступ. Выход из жилища в виде пристроя-тамбура или простого выступа был направлен на южную или восточную сторону. Постройка имела каркасно-столбовую конструкцию. Столбы диаметром 20-25 см стояли через 2-3 м по периметру жилища. В центре жилища располагалось 2-3 очага и рядом с ними – небольшая и неглубокая (до 20 см) хозяйственная яма. Очаг мог быть отгорожен от остальной части жилого помещения. Ближайшая к выходу часть пространства также могла быть отгорожена специальной перегородкой, чаще всего расположенной по диагонали. В некоторых постройках использовались новшества в виде каменного основания очага, дополнительных плиток песчаника возле стен, глинобитного или деревянного пола. Один раз (Изранское поселение, жилище 1) зафиксировано захоронение животного в околоочажной яме, что, возможно, является «строительной» жертвой (?).

2.4. Реконструкция поселков

Наличие нескольких построек, очагов и хозяйственных ям за пределами жилых сооружений позволяет описать некоторые поселки ПБВ бассейна р. Вятки.

Поселение Акшубень II (рис. 3-6; 5-1,2; 7). Поселение расположено на р. Тужинке, правом притоке р. Пижмы, правом притоке р. Вятки, (на притоке второго порядка) в устье небольшого ручья, и занимает подчетырехугольный мыс надпойменной террасы высотой 5 м. С трех сторон мыс ограничен речными протоками: с севера и запада - р. Тужинкой и ее протокой, а с юга – небольшим ручьем, впадающим в р. Тужинку (рис. 3-*6*).

Поселок состоял из двух однокамерных изолированных углубленных жилищ площадью по 60 кв.м каждое (рис. 5-*1,2*), хозяйственной наземной постройки, расположенной между ними, хозяйственной ямой и очажным комплексом (рис. 7). Сооружения поставлены в ряд, почти вплотную друг к другу, на небольшом возвышении и ориентированы по общей линии СВ-ЮЗ.

За пределами жилища 2 около его западного угла, почти у самой стены располагался очаг округлой формы диаметром 80 см. Столбовые ямы вокруг очага, удаленные от него на расстояние, могут свидетельствовать о наличии легкого навеса. Возле противоположных длинных стенок (юго-западной и северо-восточной), на расстоянии от них в пределах одного метра, расположены две хозяйственные ямы (табл. 10). Возле жилища 1 дополнительных сооружений не выявлено.

Пространство между жилищами занимала хозяйственная наземная постройка(?), расположенная в двух метрах от жилища 1 и в одном метре от жилища 2. Постройка реконструирована по расположению столбовых ям, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Форма строения квадратная, размеры 6,5х6,5м (табл. 10). Постройка имела столбовую конструкцию, для стен использовались столбы диаметром 5-11 см, в северном углу были установлены два крупных столба диаметром 20-25 см. площадь, занимаемая постройкой

свободна от находок, тогда как основная масса находок происходит из заполнения жилищ. Возможно, эта хозяйственная постройка использовалась как загон для скота.

Поселение Искра (рис. 2-5; 5-4). Поселение занимает мыс первой надпойменной террасы, ограниченный с ЮВ небольшим ручьем (рис. 2-*5*). Жилище возведено на краю террасы, ориентировано по линии СЗ-ЮВ. Выход из жилища направлен на ЮВ, в сторону реки. За пределами жилой постройки на расстоянии немногим более одного метра от северного угла сооружена овальная яма с углистой прослойкой на дне (табл. 10). По всей видимости, это была очажная яма за пределами жилища. Находок в яме не обнаружено. С противоположной стороны жилища, в 2,5 м от ЮВ стенки ниши, расположено небольшое углистое пятно с двумя углистыми линзами мощностью в 1 см.

Израильское поселение (рис. 4-*6*; 6-*1,2*). Поселение расположено на дюнном возвышении на высокой пойме р. Вятки, ограниченном старым руслом р. Вятки (старица Занога) и небольшим овражком, который заливается в период весенних паводков. Высота дюны – 5 м (рис. 4-*6*). Поселение образовано двухкамерной постройкой (жилища 1 и 2) и однокамерным изолированным жилищем 3 (рис. 6-*1,2*). Южная оконечность возвышения была занята двухкамерной жилой постройкой с общим выходом-переходом. В 14 м к северу от соединенных построек, в средней части возвышения, размещалось изолированное однокамерное сооружение. Строения расположены в ряд вдоль дюны, ориентированы по линии С-Ю.

За пределы двухкамерного жилища были вынесены две довольно крупные хозяйственные ямы (табл. 10). Они располагались по разные стороны перехода-выхода. Хозяйственная яма у северной стенки выхода занимала угол, образованный стенами выхода и жилища и почти вплотную примыкала к ним. Другая хозяйственная яма находилась к югу от выхода/перехода на расстоянии около одного метра.

За пределами изолированного жилища, вдоль его северо-восточной стенки и недалеко от входа, располагались в линию три крупные хозяйственные

ямы (табл. 10). От стены жилища хозяйственные ямы были удалены на расстоянии от 0,5 м до 2 м. Форма ям приближалась к овальной. Возле комплекса хозяйственных ям фиксируются остатки бревен и столбовые ямки. Скорее всего, около северо-восточной стенки жилища располагалась хозяйственная постройка с ямами внутри.

Поселение Буй I (рис. 2-*8*; 6 - *3-5*). Поселение относится к группе памятников, расположенных по берегам р. Вятки, занимает выступ первой надпойменной террасы высотой 4 м, с севера и запада ограниченный небольшими ложками. С восточной стороны мыса протекает ручей Криуша (рис. 2-*8*). Три изолированные жилища размещались в ряд вдоль края террасы, имея общую ориентацию С-Ю. Южную оконечность мыса занимало жилище 1а. В 5-6 м к северу от него располагалось небольшое наземное жилище 3, и рядом с ним было возведено жилище 2. Расстояние между жилищем 3 и жилищем 2 составляло немногим более одного метра. Выходы из жилища 2 и жилища 3 были направлены на В, в сторону ручья Криуша, а из жилища 1а – вдоль террасы на Ю. О хозяйственных сооружениях за пределами построек информации нет.

Худяковское поселение (рис. 3-*8*; 6 - *6-9*; 8). Памятник занимает край высокой поймы р. Пижмы, правого притока р. Вятки. К эпохе поздней бронзы относятся 4 жилища. Одна постройка двухкамерная (жилища V-VI; рис. 6-*7,8*) два других строения (жилища I и III; рис.6-*6,9*) раскопаны только в пределах сохранившейся части, поэтому здесь сложно говорить – двухкамерные это постройки или однокамерные изолированные сооружения. По аналогии с Изранским поселением можно допустить, что жилище I представляло собой однокамерную изолированную постройку. Постройки расположены в ряд вдоль края террасы. Расстояние между двухкамерным жилищем и жилым сооружением I составляет 25 м (рис. 8). Жилище III занимает северо-западную часть поселения и отстоит от жилища I на расстояние порядка 130 м (рис. 8). Жилой комплекс, образованный постройками V-VI, дополняют хозяйственные ямы. Основная часть ям расположена к западу от жилища VI на расстояние от 3

до 6 м. Здесь две крупные ямы (XXIX и XXX) и две ямы (XXXII и XXXIII) меньших размеров (табл. 10) расположены группой (рис. 8). За пределами жилища V размещена одна яма, удаленная от жилища на 3 м (XXXIV, табл. 10). В сторону хозяйственных ям направлены и выходы из жилищ. Для вятских поселений ПБВ такое расположение хозяйственных ям не совсем характерно. За пределами жилищ ямы чаще всего располагаются практически возле стен.

Старо-Бурецкое поселение (рис. 2-*4*; 5-*5*; 7). Поселение занимает край высокой поймы р. Вятки (рис. 2-*4*). Поселок образован жилищем и двумя небольшими хозяйственными наземными постройками (рис. 7). Постройки реконструированы концентрации и расположению столбовых ям. Одна постройка была возведена за северной стенкой жилища и располагалась между нишей-выступом и выходом-коридором. Ориентирована по линии С-Ю. Хозяйственное сооружение имело вытянутую овальную форму, ширину около двух метров. В пределах раскопа прослежена только часть постройки длиной в 3,5 м (табл. 10). Южный край строения ограничен двумя слабоизогнутыми канавами (табл. 10) и 4 столбами, стоящими парами: один столб большего диаметра, другой меньше. В конструкции длинной северо-восточной стены применялись, вероятно, не только столбы, но и широкие плахи, столбовые ямы здесь имеют овальную форму. Диаметры столбов, использованных для сооружения стен, варьируют в пределах 11 23 см. В центре хозяйственной постройки размещены две небольшие ямы (рис. 7; табл. 10).

Хозяйственная наземная постройка № 2 располагалась у противоположной южной стенки жилища, в углу, ограниченном стенкой жилища и стенкой тамбура-выхода (рис. 7). Строение ориентировано по линии СВ-ЮЗ, имело подпрямоугольную форму и ширину 2 м (табл. 10). В пределах раскопа прослежена только часть сооружения длиной немногим более двух метров. Северный угол постройки также был ограничен канавой. Внутри выявлено несколько плах, изогнутых под углом. Возможно, это остатки двускатного перекрытия (рис. 7).

Этанцы П - поселок позднего бронзового века (рис. 4-*1*; 5-*3*; 8). Памятник занимает край надпойменной террасы р.Ошмы, правого притока р.Пижмы, правого притока р.Вятки (приток второго порядка; рис. 4-*1*). Поселок эпохи поздней бронзы образован жилищем, комплексами хозяйственных построек и отдельными хозяйственными ямами (рис. 8; табл. 10). Основу поселка и центральное место в его планировке определяло жилое сооружение (рис. 5-*3*; 8). Другие строения и отдельные хозяйственные ямы располагались в линию по обе стороны от жилища, пересекая край террасы по диагонали, имея общую ориентацию С-Ю (рис. 8). За пределы жилища вынесено восемь хозяйственных ям, размером 0,2-0,7 х 0,6-1,2 м (табл. 10). К южной и восточной стенкам жилой постройки ямы расположены почти вплотную. От северной стенки жилища ямы отнесены на расстояние 1-1,5 м (рис. 8).

Приблизительно в одном метре от южной стенки жилища была возведена хозяйственная постройка (рис. 8). Форма строения приближается к квадратной, площадь составляет 36 кв.м, ориентировано по линии С-Ю. Северная граница сооружения определяется канавой (табл. 10), столбовые ямы размещены по углам. Внутри постройки около стены расположена хозяйственная яма, а в центре и возле другой стены небольшие очаги (табл. 10). Наличие мелких очажных ямок, находка льячки в одной из ям, позволяет предположить, что эта постройка использовалась как производственный комплекс.

В двух метрах к северу от жилища располагался другой хозяйственный комплекс (№ 2), образованный тремя ямами-кладовками: две ямы расположены по границе сооружения, по коротким стенкам, одна – в центре (рис. 8). Постройка имеет неправильную подпрямоугольную форму, площадь 24,5 кв.м. Ямы в центре сооружения и у юго-западной оконечности имеют углубленные части (табл. 10). На расстоянии 11-14 м к С от жилища, на краю террасы расположены две отдельные хозяйственные ямы (табл. 10), которые ограничивают северную линию поселка (рис. 8).

Третья хозяйственная постройка, расположенная в 10 м к югу от жилища, занимала южную оконечность поселения (рис. 8). Сооружение площадью 40

кв.м имело подпрямоугольную форму, ориентировано по линии З-В. Границы постройки определены хозяйственными ямами-кладовками и столбовыми ямами. Западная и восточная половины строения организованы двумя крупными ямами неправильной изогнутой формы с углублениями на дне. В центре постройки около длинных стенок (северной и южной) расположены небольшие хозяйственные ямы (табл. 10).

Две хозяйственные постройки, расположенные к югу от жилища, можно реконструировать как наземные столбовой конструкции. Две постройки, образованные крупными ямами-кладовками, можно рассматриваться как место хранения запасов. Постройка с находкой кремневой льячки и небольшими очажными пятнами внутри может быть расценена как хозяйственный (металлургический?) комплекс.

Таким образом, поселок эпохи бронзы в бассейне р. Вятки можно реконструировать в следующем виде. На первой надпойменной террасе или на высокой пойме на высоте 4-6 м над уровнем воды выбирался мыс, на краю которого возводилось два-три жилища каркасно-столбовой конструкции с углубленным полом и рядом с ними две-три хозяйственные постройки (загоны для скота ?). Иногда на территории поселка располагались открытые очаги. Поселение могло быть образовано двухкамерным жилищем и однокамерной изолированной постройкой или только изолированными сооружениями. Крупные хозяйственные постройки могли быть заменены 2-3 отдельными хозяйственными ямами. Жилища и хозяйственные постройки ставились в ряд близко друг к другу, иногда почти вплотную.

Глава 3. Типология и характеристика глиняной посуды

Для классификации и статистических подсчетов использовано около 800 фрагментов шеек с 11 раскопанных поселений, где коллекции глиняной посуды достаточно представительны (табл. 11). Учитывались фрагменты, по которым можно было определить группу посуды. Фрагменты сосудов собраны, как правило, в верхних горизонтах культурного слоя и в заполнении жилищных впадин. Наиболее значительная коллекция глиняной посуды происходит с Изранского поселения. Здесь учтено 187 фрагментов сосудов, что составляет 23,6% от всей выборки. Со Старо-Бурецкого поселения использовано 125 фрагментов (15,8% от статистической выборки). На долю остальных памятников приходиться от 12,4% до 2,9%. Минимальным количеством фрагментов керамики представлена Малмыжская стоянка – 23 фрагмента (2,9% от количества керамики, взятой для статистических подсчетов).

Анализ и сравнение глиняной посуды проводилось по следующим признакам:

1) форма сосудов;
2) состав глиняного теста (примеси);
3) обработка наружной и внутренней поверхности стенок;
4) форма венчика;
5) диаметр по венчику (в тех случаях, когда его можно было восстановить);
6) техника орнаментации;
7) дополнительные особенности, как-то: валик по стенке или наличие воротничка по венчику.

Разделение сосудов на группы, категории и варианты проведено на основании визуальных, видимых признаков формы. По форме дна сосуды разделены на две большие группы: круглодонные и плоскодонные. К группе круглодонных отнесены сосуды маклашеевского облика (типа). В группе плоскодонных выделено три категории: 1) чашки, 2) банки, 3) горшки. Внутри

категорий банок и горшков по форме и особенностям шеек выделены варианты. Чашки и круглодонные сосуды на варианты не разделялись. В категории банок варианты определены по типу шейки: 2.1) банки прямостенные, 2.2) банки с прикрытым устьем (закрытые). Внутри категории горшков варианты выделены по форме шейки и некоторым ее особенностям: 3.1) горшки с плавно-изогнутой шейкой, 3.2) горшки с воротничком, 3.3) горшки с короткой шейкой, 3.4) горшки с прямой шейкой (рис. 10).

Деление сосудов на типы по таким параметрам, как степень отогнутости венчика и раздутости тулова, высота шейки, варианты перехода от венчика к шейке и от шейки к плечику и т. п., не позволяет определить основные, ведущие формы сосудов, выделить особенности и разнообразие категорий глиняной посуды и не дает должных результатов. Для получения всесторонней и объективной характеристики глиняной посуды отдельных памятников наиболее перспективно рассматривать их как единый комплекс. Такой подход позволяет изучать глиняные сосуды с поселения с одной стороны как самостоятельное системное явление, а с другой стороны, как часть системы боле высокого порядка – археологической культуры.

Внутри каждой группы и категории посуды рассмотрены следующие признаки:

1. Состав глиняного теста – примеси к глине. Примеси к глине определялись визуально на основе имеющегося опыта обработки керамики. В глину добавляли шамот, мелкотолченую раковину, песок, органические примеси. Раковина обычно выгорала при обжиге, при этом на стенках сосудов и в изломе сохраняются небольшие выщербинки и неровности. Примесь песка также видна на поверхности стенок, она придавала стенкам большую прочность. Стенки сосудов с органическими примесями рыхлые, легко рассыпаются и расслаиваются, фрагменты сосудов в изломе имеют как бы слоистую структуру.

2. Обработка наружной и внутренней поверхности. Вероятно, первичная обработка поверхности проводилась гребенчатым или каким-либо зубчатым

штампом, так как на стенках сосудов часто встречаются расчесы в виде коротких линий, расположенных в разных направлениях. Эта первичная обработка сохраняется как на внешних, так и на внутренних стенках, иногда на обеих одновременно. В работе этот прием обработки определен как «гребенка + гребенка» (первое определение всегда соотносится с наружной стенкой, второе – с внутренней). Другой вариант – гребенчатый штамп несколько заглажен: расчесы на поверхности немного затерты, но следы первичной обработки еще прослеживаются. Этот прием определен как «заглаженная гребенка + заглаженная гребенка». Третий вариант – гладкая поверхность, без видимых следов первичной обработки, возможно здесь стенки дополнительно обработаны мягким предметом: мокрой тряпкой или кожей, он определен как «гладко + гладко». При обработке наружной и внутренней поверхности часто использовались разные сочетания выделенных вариантов.

3. Форма венчика. Венчик – это верхний срез сосуда, его край и некоторая небольшая часть поверхности сосуда с внешней и внутренней стороны, примыкающая к краю (О. И. Горюнова, Н. А. Савельева, 1981, с. 119). По форме верхнего края выделены венчики плоские, заостренные, овальные и эти же формы с бортиком. Плоские венчики иногда имеют небольшой карнизик (наплыв) с внешней или внутренней стороны, если карнизик есть с обеих сторон, то такой венчик назван утолщенным. Венчики могут быть скошены внутрь или наружу, чаще всего этот признак выделен у плоских венчиков, редко встречается у округлых и заостренных.

4. Техника орнаментации. Орнамент на сосудах анализировался по технологическому признаку (И. В. Калинина, 2000, с. 263-264). Узор на сосуды наносился в технике оттисков или отпечатков: гребенчатый, гладкий штампы, шнуровые отпечатки; в технике прочерчивания: резные и прочерченные линии; в технике вдавлений: ямки, вдавления, насечки (рис. 11). Оттиски гладкого штампа – это, как правило, вытянутые овальные с заостренными концами отпечатки; шнуровые отпечатки – оттиски тонкой перевитой веревочки. Резной орнамент выполнен тонким и узким инструментом, прочерченный – более

широким. Ямки – отчетливые и относительно глубокие (почти на всю толщину стенки) круглые вдавления. Вдавления – поверхностные (в технике отпечатков) и несколько небрежные оттиски округлой, овальной, подтреугольной, очень редко квадратной формы. Насечки – это мелкие неглубокие овальные с заостренными концами вдавления (рис. 11).

В системе орнаментации посуды присутствует горизонтальная зональность. Орнаментальные композиции образованы простыми элементами. Как правило, это 2-3 прямые горизонтальные параллельные линии, горизонтальный зигзаг из 1-3 линий, горизонтальная, реже вертикальная, «елочка»; простые геометрические элементы – треугольники и ромбы (заштрихованные или незаштрихованные), «флажки», «лесенка». Каждый из этих простых элементов, кроме геометрических, мог быть нанесен по отдельности или в сочетании с другими элементами и выполнялся в различной технике. Если при нанесении орнамента элементы узора использованы в одинаковой последовательности, то они выполнены в различной технике. Орнаментальная композиция часто завершается линией из насечек. Обработка и систематизация узоров показала, что орнаментальные композиции на глиняной посуде поселения почти не повторяются (табл. 61). Элементы узора и орнаментальные композиции в данной работе детально и подробно не рассматриваются, так как полная характеристика орнаментации сосудов в свете современной информации представляет собой другое исследование.

3.1. Группа плоскодонных сосудов

3.1.1. Категория – чашки

К категории чашек отнесены сосуды низких пропорций, большей частью с прикрытым устьем, у которых максимальное расширение тулова приходится на верхнюю треть сосуда. Чашки (90 экземпляров с 11 памятников) составляют 11,4% от всего количества сосудов, взятых в статистическую обработку. Эта группа глиняной посуды есть на всех памятниках, но представлена в разных

пропорциях. На нижневятских поселениях (Изранском, Ново-Бурецком и Старо-Бурецком) чашевидные сосуды встречаются чаще, чем на поселениях Средней Вятки (табл. 12). На Ново-Бурецком поселении чашки составляют 32,1% от всего количества посуды. На поселениях Старо-Бурецком, Изранском, Лобань III, Этанцы II на долю чашек приходится 15,7% - 12,9% - 10,2%. На поселениях Буй I, Моторки П, Малмыжской стоянке чашки представлены единичными экземплярами.

Диаметр по венчику выявлен у 71,1% сосудов и колеблется в широких пределах – от 6 до 28 см (табл. 13; рис. 12). По величине диаметра выделяются три, почти равнозначные между собой группы: чашки с диаметром по венчику 10-12 см – 29,7%; 14-16 см – 28,2%, 20-25 см – 20,3%. Миниатюрные чашки диаметром 6-8 см составляют 6,1% и найдены на поселениях Изранском (рис. 12-*24*), Этанцы II (рис. 12-*3*), Лобань III. Такое же количество чашек имеет диаметр по венчику 28 см (поселения Изранское, Старо- и Ново-Бурецкое, все нижневятские). На поселениях средней Вяти преобладают чашки средних размеров, диаметром от 10 до 20 см (табл. 18).

При изготовлении чашек в глиняное тесто в разных сочетаниях добавлялись органические (растительные ?) примеси, раковина, шамот, песок, Примеси в глине определялись визуально. Для категории чашек выделено 7 рецептов формовочных масс: «глина + раковина» – 7,8%; «глина + шамот» – 9,9%; «глина + шамот + раковина» – 34,4%; «глина + шамот + песок» – 36,7%; «глина + раковина + песок» – 3,3%; «глина + раковина + органика» – 2,2%; «глина+шамот+раковина+песок» –5,5% (табл. 14).

Наиболее распространенной была трехкомпонентная рецептура – «глина+ шамот + песок» и «глина + шамот + раковина», соответственно 36,7% (7 поселений) и 34,4% (8 памятников из 11). Рецепты «глина+раковина+песок» (поселения Изранское и Ново-Бурецкое – 3,3%) и «глина+раковина+органика» (поселения Худяковское и Старо-Бурецкое – 2,2%) применялись ограниченно и, как видим, для изготовления единичных экземпляров. Простые двухкомпонентные рецепты «глина+шамот» (9,9%) и «глина + раковина»

(7,8%) использовались на нижневятских поселениях (табл. 14). На поселении Лобань I обе чашки изготовлены только с рецептом «глина + раковина» (табл. 14).

Наружная и внутренняя поверхность стенок, как правило, хорошо заглажена мягкими влажными материалами (ткань? кожа?), которые делали стенки сосудов гладкими – 37,8%; (табл. 15). При хорошо обработанной, гладкой наружной поверхности внутренние стенки могли выравниваться при помощи заглаженной гребенки (17,7%) или сохранять следы первичной обработки гребенчатым штампом (12,2%). 20,1% чашек с обеих сторон обработаны заглаженным гребенчатым штампом. Количество чашек, у которых стенки и с внешней и с внутренней стороны затерты только гребенчатым штампом не велико –2,2%. (табл. 15).

57,9% чашек имеют плоский венчик, который может быть скошен внутрь – 22,2% (рис. 12-*12,13,15,21*), иметь небольшой карнизик (наплыв) внутрь или наружу – 10,1% табл. 16). Чашки с плоскими венчиками выявлены почти на всех памятниках (единственная чашка с Малмыжской стоянки имеет округлый венчик (рис. 12-*6*), на поселении Моторки II форма венчика у чашки не определена, так как он обломан). Меньше всего сосудов с заостренным венчиком – 17,7% (рис. 12-*16,20*), один из них с бортиком (поселение Лобань I). Чашки с плоским венчиком с карнизиком и с заостренным венчиком распространены преимущественно на нижневятских поселениях (Изранское, Ново- и Старо-Бурецкие). Венчик округлой формы выявлен у 21,1% чашек (рис.12-*7,19,22*). Утолщенный венчик (2,2%) отмечен на двух сосудах Изранского поселения (рис. 12-*24*; табл. 16). Чашки с округлым венчиком чаще встречаются на средневятских поселениях.

Для орнаментации чашек применялся гладкий и гребенчатый штампы; прочерченная техника, неглубокие вдавления округлых, овальных, треугольных очертаний; ямки, насечки; (табл. 17, рис. 12), но чаще использовалась техника отпечатков: штампы гребенчатый и гладкий, вдавления. Большая часть чашек орнаментирована только в одной технике: 21,1% - гладким штампом; 14,4% -

гребенкой (табл. 17). Для чашевидных сосудов не характерен ямочный орнамент (5,6%). Более нарядно орнаментированы чашки со Старо-Бурецкого поселения. Здесь для 20 чашек выделено 12 комбинаций технических приемов, которые, как правило, использовались в единичных вариантах. Орнамент нанесен обычно на верхнюю часть сосудов, но встречаются чашки, орнаментированные полностью, в основном горизонтальными поясками (рис. 12-*11-15*). 25,6% чашек не имеет орнамента. Больше всего неорнаментированных чашек на средневятских поселениях (табл. 17).

Таким образом, чашки являются неотъемлемой составляющей коллекции глиняной посуды, бытовавшей на поселениях ПБВ в бассейне р. Вятки. Обычно, чашки имеют гладкие внешние и внутренние стенки, но могут быть обработаны и заглаженным гребенчатым штампом. Орнаментация чашек не отличается богатством и сложностью орнаментальных композиций. Преобладающая техника при нанесении орнамента – гладкий и гребенчатый штампы. Четверть чашей орнамента не имеет. На средневятских поселениях больше чашек среднего диаметра и с округлым венчиком. На нижневятских памятниках чашки чаще имеют диаметр более 20 см и плоский венчик. Для изготовления чашек использовалось глиняное тесто с примесью шамота и добавками раковины или песка

3.1.2. Категория - банки

Банки (123 экземпляра) составляют 15,5% в составе глиняной посуды. Сосуды баночной формы более типичны для нижневятских поселений (Изранское, Старо- и Ново-Бурецкое), где на их долю приходится 26,4-33,1%. На поселении Буй I банки составляют 13% (4 экз.). На остальных памятниках эта категория представлена единичными экземплярами (от 1 до 3), что не превышает 4,3%. На поселении Этанцы II сосудов баночных форм не выявлено (табл.11, 12).

В категории банок выделено два варианта: банки прямостенные и банки с прикрытым устьем (или банки закрытые; рис. 10). Прямостенные банки составляют 83% среди всех баночных форм, закрытые – 17%. Прямостенные банки есть на всех памятниках, где выявлены баночные формы, но основу этого варианта составляет посуда с Изранского и Старо-Бурецкого поселений. Среди прямостенных банок 4,9% сосудов имеют валик по верхней части тулова (табл. 12). Банки закрытые выявлены только на нижневятских поселениях и на поселении Буй I. Они представлены небольшим количеством – 21 экземпляр, из них 3 с валиком (2,4%).

Банки прямостенные (102 экз.). Для изготовлении банок с прямыми стенками применялось 7 рецептов формовочных масс (табл. 18): «глина + шамот» и «глина + раковина» – 13,8%; «глина + шамот + песок» – 36,2%; «глина + шамот +раковина» – 26,5%; «глина + шамот + органика» – 0,9%; «глина + раковина + песок» – 2,9%; «глина + шамот + раковина +песок» – 5,9%.

По рецепту «глина+шамот+органика» сделана одна банка с Худяковского поселения. Все остальные рецепты использовались на Изранском и Старо-Бурецком поселениях. На Ново-Бурецком поселении для изготовления прямостенных банок мастера-горшечники применяли 4 рецепта. Каждая банка с поселений Худяковского (3 экз.) и Буй I (2 экз.) выполнена с разными рецептами (табл. 18). На поселении Лобань I все банки (3 экз.) изготовлены с использованием только одного рецепта «глина + раковина» (табл. 18). Простые рецепты «глина +шамот» и «глина+ раковина» представлены равными частями. Достаточно высокий процент составляет посуда, при изготовлении которой одновременно использовались рецепты «глина+шамот +раковина». Этот рецепт применялся на 7 поселениях. Количественно преобладает рецепт «глина+шамот +песок» – 32,6%, при этом другой рецепт с добавлением песка, «глина+ раковина +песок» употреблялся меньше всего. В целом же, около половины всех банок изготовлено с использованием рецепта, в основе которого лежит состав «глина+шамот» с добавлением раковины или песка. При производстве банок с валиками употреблялось четыре разных рецепта (табл. 18).

Заглаженной гребенкой с внешней и с внутренней стороны обработано 36,6% прямостенных банок, 28,5% сосудов имеют гладкие внешние и внутренние стенки (табл. 19). На долю банок с гладкими внешними стенками, а внутренними, обработанными заглаженной гребенкой или гребенкой приходится 31,4%. Только гребенчатым штампом подправлено небольшое количество сосудов – 3,8% (4 экз.), таких сосудов нет на Ново-Бурецком поселении (табл. 19). На поселении Акшубень II, возможно, применялась щепа.

Прямостенные банки имеют венчики округлые – 12,7% (табл. 20; рис. 13-*13*; 14-*3,5,9,14*), утолщенные – 2,9% (рис. 13-*1,4,8,9,12*), заостренные – 15,6% (рис. 14-*7,11*), плоские – 68,8% (табл. 20; рис. 13-*3,4,14*; 14-*4,6*). Плоский венчик мог быть несколько скошен внутрь (рис.13-*2*,14-*2*) или иметь небольшой наплыв-карнизик внутрь или наружу – 20,7% (рис. 13-*7-9*). Банки с заостренными, округлыми и плоскими венчиками могли иметь дополнительный бортик по краю. Банки с бортиком по краю, независимо от формы венчика, составляют 24,5%, таких банок нет на Старо- и Ново-Бурецком поселениях. Утолщенный венчик (2,9%) имеют сосуды с поселений Старо-Бурецкого (2 экз.) и Худяковского (1 экз.). На Изранском поселении есть банки со всеми выделенными формами венчика (табл. 20).

Диаметр восстановлен у 54,7% банок (58 экз.). Большая часть сосудов с определяемым диаметром происходит с Изранского поселения, где диаметр восстановлен у 78,7% банок (табл. 21). Диаметра колеблется от 10 до 36 см. Исходя из величины диаметра, выделяются следующие группы прямостенных банок: сосуды с диаметром 16-18 см – 24,1%, с диаметром 19-20 см – 22,6%. На долю банок с диаметром от 22 до 29 см приходится 6,9%-8,6%. (табл. 21). Небольшие сосуды с диаметром 10-14 см выявлены на Изранском поселении и один - на Старо-Бурецком. Крупные банки (2 экз.) с диаметром по венчику более 30 см происходят с Изранского поселения (сосуд с диаметром 32 см) и с поселения Лобань I (сосуд с диаметром 36 см).

Для орнаментации банок с прямыми стенками использовалось 8 технических приемов: оттиски гладкого и гребенчатого штампов, шнура,

ямки, вдавления, насечки, прочерченная техника, жемчужины (табл. 22). Прочерченная техника использовалась только в сочетании с другими способами выполнения орнамента (рис. 13-*9*; 14-*3,6,11,13*). Насечками орнаментирован один сосуд (поселение Лобань III; рис.13-*14*), в остальных случаях (6 вариантов) насечки применялись в сочетании с другими приемами (рис. 13-*15*; 14-*11*). Более половины банок (55,6%) орнаментированы в одной технике, преимущественно гладким штампом – 28,4% (рис. 13-*1,2,5,7,1,-12*) или гребенчатым – 18,6% (рис. 13-*6*; 14-*2,12*). Двумя техническими приемами орнаментировано 32,1% сосудов. Здесь выделено 13 комбинаций. Наиболее распространенным является сочетание «гребенка+ямки» – 7,1% (рис. 13-*13*; 14-*5,9*). Сосуды с таким орнаментом есть на большинстве памятников (табл. 22). При использовании трех технических приемов (6,3% сосудов и 6 комбинаций) можно отметить устойчивое сочетание «прочерченный+гладкий штамп + др. техника» – 4 варианта из 6 (рис. 14-*13*). Комбинация трех техник встречается на нижневятских поселениях, как правило, по одному разу и почти не повторяется на сосудах и на памятниках (табл. 22). Только на Ново-Бурецком поселении на двух сосудах зафиксировано сочетание «прочерченный + гладкий штамп + насечки» (рис. 14-*9,10*). Неорнаментированные банки – 3,9% происходят со средневятских поселений (табл. 22; рис. 14-*1,14*).

Прямостенные банки с валиком (6 экз., 4,9 % от общего количества баночных форм) выявлены на нижневятских поселениях и на поселении Буй I (табл. 12). Половина банок с валиком орнаментирована только гладким или гребенчатым штампом (табл. 22; рис. 13-*6*, 14-*2*). Банка с поселения Буй I орнамента не имеет (рис. 14-*1*). По использованию рецептов формовочных масс, по способам обработки поверхности, по диаметру эта разновидность банок не выделяется из общих характеристик (табл. 18-22).

Банки с прикрытым устьем (банки закрытые). При изготовлении закрытых банок употреблялось 6 рецептов формовочных масс: «глина+шамот» – 19,1%; «глина+раковина» – 28,6%; «глина+шамот+раковина» – 28,6%; «глина+шамот+песок» – 4,4%; «глина+раковина+песок» – 4,4%; «глина+ шамот

+ раковина +песок» – 14,3% (табл. 23). В равных количествах (28,6%) применялся простой рецепт «глина+раковина» и сложный «глина+раковина + шамот», созданный на основе двух простых. Банок, изготовленных с использованием простого рецепта «глина + раковина» нет на Изранском поселении, а все остальные рецепты здесь использованы. Рецепт «глина + шамот + раковина» применялся на всех поселениях (табл. 23). Все банки с валиком сделаны по разным рецептам: «глина + раковина + песок», «глина + шамот + песок», «глина + раковина + шамот +песок», но везде, как мы видим, присутствует песок (табл. 23).

Закрытые банки с гладкими стенками составляют 28,5%. При гладких наружных стенках внутренние могли быть обработаны заглаженной гребенкой (14,3%) или только гребенчатым штампом (19,1%). Т.е. сосуды с гладкими наружными стенками суммарно преобладают. Заглаженной гребенкой наружные и внутренние стенки обработаны у 38,1% закрытых банок (табл. 24). Все приемы обработки поверхности выявлены на Старо- и Ново-Бурецком поселениях, где каждым способом обработано 1-2 сосуда. На Изранском поселении 5 банок из 6 обработаны заглаженной гребенкой, один сосуд имеет гладкие стенки. На поселении Буй I обе банки имеют гладкие стенки (табл. 24).

Форма венчиков у закрытых банок в большинстве случаев округлая или плоская – 33,4% (табл. 25; рис. 15-*2,4,8*). Банки с такой формой венчиков есть на всех поселениях, в коллекциях которых выявлены закрытые банки. Банки с заостренными венчиками выявлены только на Старо-Бурецком поселении. Сосуд с валиком с этого поселения имеет заостренный венчик с бортиком (табл. 25). Диаметр восстановлен у 42,8% сосудов (табл. 26). 22,2% закрытых банок (2 экз.) имеют диаметр 13 см; у 44,4% (4 сосуда) он укладывается в пределы 17-20 см; с диаметром 22 см и 25 см выявлено 33,4% банок.

В орнаментации банок с прикрытым устьем выделено девять технических приемов нанесения узоров (табл. 27; рис. 15). Как самостоятельные технические приемы применялись гребенка, гладкий штамп и, в одном случае, ямки. 19,1% банок орнаментирована только гладким штампом (рис. 15-*6,10*).

Гребенчатый штамп и ямки чаще использовались в сочетании с другими приемами и меньше, как единственная техника (рис. 15-*1,7-9,12*). Оттиски шнура и резная техника применялись в орнаментации по одному разу в сочетании с другими техниками (табл. 27). Всего одним техническим приемом орнаментировано 33,4% (табл. 27; рис. 15-*5,6,8,10*). На Изранском поселении – это 5 банок из 6. Двумя техниками украшено 52,2% банок, такой способ орнаментации более характерен для Старо-Бурецкого поселения (6 экз. из 8; рис. 15-*1,3,4,7,9*). Три техники одновременно использованы для нанесения орнамента у 9,6%. Не орнаментирована только одна банка (4,8%) со Старо-Бурецкого поселения (рис. 15-*2*).

Сравнивая банки прямостенные и банки закрытые следует отметить особенности, присущие каждому варианту. При изготовлении прямостенных банок наиболее употребляемым был рецепт с основой «глина + шамот» с добавлением песка или раковины. При изготовлении закрытых банок преобладают рецепты, в состав которых входит раковина: «глина + раковина» и «глина + раковина + шамот», кроме того, здесь больше сосудов, выполненных с использованием сложного четырехкомпонентного рецепта «глина+раковина+ шамот+песок». Среди закрытых банок нет сосудов, у которых и внешние и внутренние стенки были обработаны только гребенчатым штампом, но использование только гребенчатого штампа для обработки внутренних стенок встречается чаще, чем у прямостенных банок. Для прямостенных банок не свойственен округлый венчик, но такая форма часто встречается у закрытых банок. Для закрытых банок не характерно наличие бортика. Прямостенные банки в большей мере, чем закрытые украшались каким-либо одним техническим приемом. Две орнаментальные техники для закрытых и прямостенных банок применялись приблизительно в одинаковых пропорциях, а сочетание трех техник единично в обоих вариантах, хотя суммарно преобладает у закрытых банок. Орнаментация закрытых банок более нарядная, чем у банок прямостенных.

В целом для баночных сосудов, как категории, более типичен рецепт «глина + шамот + раковина» – 28,6% и «глина + шамот + песок» – 30,9%, минимальное употребление рецепта «глина + раковина + песок» – 7,3% (табл.58). Наружные и внутренние стенки обработаны заглаженной гребенкой – 36,6% или мягким предметом – 28,5% (табл. 59). Гребенчатым штампом стенки выравнивались только у прямостенных банок. Достаточно высокий процент составляют изделия с плоским венчиком (табл. 60). При орнаментации банок больше применялся гладкий и гребенчатый штампы, ямочные вдавления. Эти же техники использовались как самостоятельные технические приемы, остальные – только в сочетании (табл. 61). Баночные сосуды по большей части имеют диаметр 16-20 см.

3.1.4. Категория - горшки

Горшки (520 экз.) составляют 65,7% от всего количества глиняной посуды (табл. 11, 12). На большинстве средневятских поселений (Этанцы II, Худяковское, Акшубень II, Буй I, Лобань I) на долю горшков приходится 81,5%-93,9%; на поселениях Моторки II, Лобань III, Малмыжской стоянке – от 35,8% до 64,5%. На нижневятских поселениях горшков меньше – от 30,2% до 56,7%. Минимальный процент отмечен на Ново-Бурецком поселении – 30,2% (табл. 11).

По форме и деталям шейки выделено 4 варианта горшков: с плавно-изогнутой шейкой, с воротничком по шейке, с короткой шейкой, с прямой шейкой (рис. 10).

Горшки с плавно-изогнутой шейкой (368 экз.) составляют 70,8% от всего количества горшков (табл. 12; рис. 18-20). Этот вариант преобладает на большинстве памятников, где на его долю приходится от 61,5% до 80,6%. Только на поселениях Лобань III, Моторки II и на Малмыжской стоянке, где и в целом процент горшков не велик, горшки с плавно-изогнутой шейкой составляют 39,9-54,5% (табл. 12).

При изготовлении горшков с плавно-изогнутой шейкой применялось 8 рецептов формовочных масс (табл. 33): «глина + шамот» – 10,2%; «глина + шамот +песок» – 18,8%; «глина+шамот+органика» – 1,9%; «глина+раковина» – 19,4%; «глина+раковина+песок» – 2,4%; «глина + раковина + органика» – 1,3%; «глина + шамот + раковина» – 34,4%; «глина + шамот + раковина + песок» – 11,6%. При изготовлении горшков на поселениях всегда использовалось не менее трех рецептов. На поселениях Изранском, Старо-Бурецком, Худяковском выделено 6-7 рецептов (табл. 33). Больше всего применялся сложный рецепт «глина + шамот + раковина». Сосудов, выполненных по такому рецепту, нет только на поселении Этанцы II, на остальных памятниках они выявлены. На многих поселениях, кроме Ново-Бурецкого и Лобань Ш, употреблялся рецепт «глина + шамот + раковина + песок». Рецепты с добавлением органики («глина + шамот + органика» и «глина + раковина + органика») применялись только на поселениях Худяковском (соответственно 9,1% и 3,12%), Этанцы II (4,2%) и Старо-Бурецком поселении (4,4%). Простых рецептов «глина + шамот» и «глина + раковина» нет на Худяковском поселении. На поселении Лобань I подавляющая часть формовочной массы представляет простой состав «глина + раковина» (93,2%; табл. 33). На остальных средневятских памятниках этот рецепт не выявлен, но использовался на нижневятских поселениях (Изранском и Старо-Бурецком). На поселениях Лобань III, Буй I и Малмыжской стоянке применялись три одинаковые рецепта: «глина + шамот + раковина», «глина + шамот+песок» и «глина+шамот + раковина + песок». Рецепты с основой «глина + шамот» с добавлениями песка или органики составляют 30,9%. Рецепты «глина + раковина» с добавлением песка или органики составляют 23,1%. Простые рецепты – «глина + шамот» и «глина + раковина» употреблялись меньше, чем сложные из трех-четырех компонентов (табл. 33).

Наружные и внутренние стенки у 30,8% сосудов обработаны заглаженной гребенкой, 26,6% горшков с плавно-изогнутой шейкой имели гладкую поверхность (табл. 34). У 22,3% горшков стенки обработаны по технологии «гладко + заглаженная гребенка», у 6,4% – «гладко +гребенка». Сосуды, стенки

которых выравнивались только гребенкой, составляют 13,9%. Перечисленные варианты обработки поверхности присутствуют на большинстве поселений. На Малмыжской стоянке для обработки стенок не использовалась заглаженная гребенка, на поселении Моторки II нет сосудов с гладкими стенками (табл. 34).

Для горшков с плавно-изогнутой шейкой характерны венчики с бортиком (суммарно – 65,2%), при этом срез венчика может быть заостренным– 42,3% (табл. 35; рис. 18-*4-6*; 19-*4,5,10,13*), округлым – 19,1% (рис. 19-*2*; 20-*9,18*), реже – плоским – 3,8%. Сосуды с округлым венчиком (18,5%) выявлены на всех поселениях (рис. 19-*7,11,15*). 10,7% горшков с плавно-изогнутой шейкой имеют плоский срез венчика, который иногда может быть скошен наружу (1,3%) (табл. 35; рис. 18-*10,20-22*). Сосудов с заостренным венчиком не много – 3,5% (рис. 18-*15,17*), на многих средневятских поселениях они отсутствуют. Утолщенный венчик выявлен у единичных сосудов (0,8%) на поселениях Старо-Бурецком (рис. 20-*11*) и Худяковском.

Диаметр определен у 56,8% горшков (табл. 36). Большая часть сосудов с восстановленными диаметрами происходит с поселений Акшубень II (96,6% от количества горшков с плавно-изогнутой шейкой на памятнике) и Изранского (76,3%). На большинстве памятников диаметр восстановлен у 45,5-55,6% сосудов и варьируется от 10 см до 39 см. Около половины горшков имеет диаметр по венчику 21-27 см. Если сосуды с диаметром 30-31 см встречены на многих памятниках, то с диаметром – 36 см и 39 см преимущественно на поселении Лобань I (табл. 36).

Узоры выполнены гладким и гребенчатым штампами, резной и прочерченной техникой, насечками, вдавлениями, ямками, отпечатками шнура (табл. 37). Орнаментация горшков с плавно-изогнутой шейкой достаточно разнообразна, что достигалось за счет одновременного применения двух-четырех различных техник при нанесении узоров. Основными техническими приемами, которые использовались для орнаментации горшков с плавно-изогнутой шейкой, являются ямки, насечки, гребенчатый штамп и резная техника. Остальные техники употреблялись меньше. Одним техническим

приемом орнаментировано 46,1% сосудов; только ямками – 18,5% горшков (рис. 18-*17,22*; 19-*5,16*; 20-*9,20,21,23*), гребенчатым штампом – 5,6% (рис. 18-*8*), 2,7% – резной техникой. Двумя техниками орнаментировано 33,3% горшков с плавно-изогнутой шейкой. Здесь выделено 20 вариантов сочетаний технических приемов. Чаще всего на сосудах встречается комбинация «ямки + насечки» – 7,5% (рис.18-*20*; 19-*4*; 20-*22*), «ямки+гребенка» – 6,9% (рис. 18-*1,23*; 20-*5,17*), «насечки+резной» – 4,6% (рис. 18-*11*). Сочетаниями «гребенка + вдавления», «гладкий + прочерченный», «гребенка +насечки» (рис. 20-*10,11,18;* 18-*2*) орнаментировано от 1,6% до 2,9% сосудов. Другие комбинации выявлены на 1-3 сосудах, что составляет менее 1% (табл. 37). Наиболее устойчивые сочетания – это оттиски гребенчатого штампа с вдавлениями или с гладким штампом, или с резной и прочерченной техниками (табл. 37).

Три технических приема одновременно (15 вариантов) использовались для орнаментации 18,4% горшков (рис. 18-*9,12,14-16,24*; 20-*2,15*). В 9 вариантах одной из техник нанесения узора являются насечки. Комбинациями «насечки+ +ямки+резной» украшено 5,9% сосудов (рис. 18-*16,24*; 19-*13*), «насечки+ямки + гребенка» – 3,5% (рис. 20-*2,15*); «насечки + ямки + прочерченный» – 1,6% (рис.18-5; 19-12). При использовании трех технических приемов наиболее устойчивыми являются комбинации «насечки+ямки+др.техника», «насечки (или вдавления) + прочерченный+др. техника» (по 5 вариантов). 9 комбинаций различных технических приемов не повторяются (табл. 37).

Четырьмя техническими приемами сразу орнаментировано 7 сосудов (рис. 18-*13*; табл. 37). Ямочные вдавления, как составная часть композиции присутствуют во всех вариантах. Наиболее устойчивые сочетания здесь – «насечки + ямки + две др.техники» (6 вариантов). Два раза использована комбинация «гребенка+ямки+насечки+ прочерченный», но последовательность расположения техник на сосудах различна. Неорнаментированной посуды среди гошков с плавно-изогнутой шейкой – 13,4%.

Среди горшков с плавно-изогнутой шейкой присутствует небольшое количество сосудов с валиком (4,3%; 15 экз.). Большая часть горшков с

валиком происходит с Изранского поселения – 10 экз. (рис. 18-*9*), три сосуда найдены на Старо-Бурецком поселении (рис. 20-*16,18*), по одному – на поселениях Буй I и Лобань I. Валик небольшой формованный, овальный в сечении, чаще располагается по нижнему краю шейки и меньше – по тулову. Встречается и налепной валик, который, как правило, имеет подтреугольное сечение. По основным параметрам (состав формовочных масс, обработка поверхности, форма венчика) горшки с валиком не отличаются от остальных горшков с плавно-изогнутой шейкой. Валик часто орнаментирован гладким штампом или насечками, которые образуют узор в виде горизонтальной елочки (рис. 18-*9*; 20-*16*).

Таким образом, горшки с плавно-изогнутой шейкой изготовлялись в основном с применением сложного рецепта «глина+шамот+раковина». Рецепты «глина+шамот+др.примеси» применялся чаще, чем рецепт «глина + раковина + др.примеси». Наружные и внутренние стенки в большинстве обработаны одной техникой: или мягким предметом (гладкие) или заглаженной гребенкой. Венчик сосудов чаще всего заостренный с бортиком или округлый и округлый с бортиком. Около половины горшков с плавно-изогнутой шейкой имеют диаметр по венчику 21-27 см. Орнамент на сосудах разнообразный и нарядный, но в то же время немалую часть составляют горшки без орнамента или орнаментированные только ямками или узором по венчику. В технике орнаментации более всего использовались комбинации «ямки + гребенка», «ямки + насечки», «насечки + резная техника», «насечки + ямки + резной».

Горшки с воротничком по шейке (80 экз.) в категории горшков составляют 16,3%. Наибольший процент относительно других вариантов горшки с воротничком имеют на поселении Буй I и на Малмыжской стоянке (табл. 12). В количественном отношении горшков с воротничком больше всего на поселении Этанцы II - 23 экз. На большинстве поселений выявлено 8-11 горшков с воротничком. Этот вариант не характерен для нижневятских памятников: на Старо- и Ново-Бурецком поселениях такие горшки

присутствуют в единичных экземплярах и не найдены на Изранском поселении (табл. 12).

При изготовлении горшков с воротничком использовалось 6 рецептов формовочных масс (табл. 38): «глина + раковина» – 15,1%; «глина + раковина + песок» – 4,9%; «глина + шамот + песок» – 33,7%; «глина + шамот + раковина» – 26,3%; «глина+шамот+ раковина + песок» – 13,8%; «глина + шамот + органика» – 6,2%. На поселениях Худяковском, Этанцы II, Лобань III применялось 4 рецепта формовочных масс, а на остальных памятниках – один-два. При изготовлении горшков с воротничком гончары употребляли только один простой рецепт – «глина + раковина». Сосуды с таким составом формовочной массы выявлены на поселениях Лобань I (где этот рецепт является основным – 90,9%) и Ново-Бурецком (здесь оба сосуда выполнены с использованием этого рецепта). Обычно применялись два сложных рецепта «глина + шамот + песок» – 33,7% и «глина + шамот + раковина» – 26,3%. На поселении Этанцы II большая часть горшков с воротничком (60,9%) выполнена с использованием рецепта «глина + шамот + песок», а на Малмыжской стоянке по этому рецепту изготовлены все сосуды (5 экз.).

При обработке стенок сосудов чаще использовалось два приема: «гладко + гладко» – 37,5% и техника заглаженной гребенкой – 28,7% (табл. 39). Такие способы обработки стенок применялись на подавляющем большинстве памятников. У 20% сосудов внешние стенки гладкие, а внутренние обработаны заглаженной гребенкой (11,3%) или гребенчатым штампом (8,7%). Сосуды, у которых стенки с обеих сторон выравнивались только гребенчатым штампом, составляют 13,8%. Все способы обработки стенок применялись на поселениях Этанцы II и Худяковском. На Малмыжской стоянке все сосуды (5 экз.) обработаны с обеих сторон заглаженной гребенкой (табл. 39).

Плоский венчик имеют 41,2% горшков с воротничком (рис.21-*9-11*;22-*6*), иногда он может быть немного скошен наружу или внутрь – 15,1% или иметь небольшой карнизик (рис. 22-*9;* табл. 40). Сосуды с плоским венчиком выявлены на большинстве памятников, их нет на Ново-Бурецком поселении.

Сосуды с венчиком округлой формы есть на всех поселениях и оставляют 33,8% (рис. 21-*1,2,4,8,13*; 22-*1-4*). Горшков с заостренным венчиком не много – 8,8% и выявлены они только на поселениях Этанцы II, Лобань III и Худяковском (табл. 40; рис. 21-*12*).

Диаметр по венчику определен у 46,3% и варьируется от 12 см до 39 см (табл. 41). Небольшие сосуды с диаметром 12 см единичны – 5,4%, они выявлены на поселениях Лобань III и Худяковском. Больше всего сосудов с диаметром по венчику 21 см – 29,8%. 16,2% сосудов имеют диаметр 24 см и такое же количество выявлено с диаметром 27 см. На поселении Лобань I горшки с воротничком имели, вероятно, значительные размеры, так как у сосудов, где удалось восстановить диаметр, он составляют 27, 30 и 39 см (табл. 41).

Для орнаментации горшков с воротничком использовалось 7 технических приемов: гребенка, шнур, вдавления и ямки, насечки, резная техника, гладкий штамп (табл. 42; рис. 21, 22). При нанесении узоров часто применялись ямки, насечки и резная техника, меньше – гребенчатый штамп Остальные техники (гладкий штамп, шнур, вдавления) использовались всего 2-3 раза (1,2-1,8%). Одним техническим приемом (ямки, гребенка) орнаментировано 18,8% горшков с воротничком, и значительная часть сосудов – двумя (42,5%). Выделяется два относительно устойчивых варианта использования техник: «ямки+др.техника» и «гребенка+др.техника». У 28,8% сосудов орнамент нанесен тремя техниками. Здесь также выделяется устойчивое сочетание – «резной+насечки+ямки» – 22,4% от количества сосудов, орнаментированных тремя техниками (табл. 42). В трех случаях (3,9%) к этой комбинации техник добавлялось еще одна – шнур, гребенка, вдавления.

Таким образом, при изготовлении горшков с воротничком в основном применялись два сложных рецепта «глина + шамот + песок» и «глина + шамот + раковина», из простых рецептов в небольшом объеме использовался состав «глина + раковина». Внешняя и внутренняя поверхность стенок гладкая или обработана заглаженной гребенкой. Большая часть сосудов имеет диаметр по

венчику 18-23 см, округлый или плоский срез венчика. Для горшков с воротничком можно выделить преобладающие технические приемы: орнаментация только ямками и сочетание «ямки+насечки». –

Горшки с короткой шейкой составляют 7,3% от всего количества горшков и выявлены в коллекциях 5 поселений из 11. Основное количество горшков этого варианта происходит с Изранского (25 экз.) и Старо-Бурецкого (8 экз.) поселений. На трех остальных памятниках (Буй I, Лобань III, Худяковское) горшки с короткой шейкой представлены одним-двумя экземплярами (табл.12).

Для горшков с короткой шейкой выделено 5 рецептов формовочных масс: «глина + шамот + раковина» – 36,8%; «глина + шамот + песок» – 42,1%; «глина + раковина + песок» – 5,3%; «глина + шамот + раковина + песок» – 7,9%; «глина+шамот» – 7,9% (табл. 43). На Изранском поселении применялись 4 рецепта формовочных масс, кроме рецепта «глина+раковина+песок» и только на этом поселении использовался рецепт «глина+шамот+раковина+песок». На Старо-Бурецком поселении было известно три рецепта, из которых «глина+раковина+песок» применялся только на этом поселении (табл. 43). На средневятских поселениях Лобань III, Худяковское, Буй I употреблялся один рецепт «глина+шамот+раковина», других рецептов не отмечено. Простой рецепт «глина+ шамот» (7,9%) использовался для изготовления трех сосудов с нижневятских поселений (табл. 43).

В группе горшков с короткой шейкой в равной степени представлены сосуды, стенки которых с обеих сторон обработаны заглаженной гребенкой или в сочетании «гладко + заглаженная гребенка (34,2%; табл. 44). На Изранском поселении заглаженной гребенкой обработана почти половина горшков – 44,1%. Только на этом же поселении есть сосуды, стенки которых с обеих сторон затерты только гребенчатым штампом. 23,7% сосудов имеют гладкие стенки. На Старо-Бурецком поселении такие горшки с составляют больше половины (62,6%), а на поселении Буй I эта техника обработки стенок сосудов не применялась (табл. 44).

Горшки с короткой шейкой чаще всего имели венчики округлые – 26,4% (рис. 23-*7,10,12*) и округлые с бортиком – 13,26% (рис. 23-*1,8,13*), и плоские с бортиком –31,6% (табл. 45). Сосудов с округлыми венчиками нет на поселении Лобань III. Для Изранского поселения более характерны горшки с плоским венчиком с бортиком (табл. 45; рис. 23-*11*). Венчики плоские, заостренные и заостренные с бортиком выявлены у небольшого количества сосудов – 7,8-13,2% (табл. 45; рис. 23-*1,6*). Диаметр по венчику восстановлен у 60,5% сосудов, варьируется от 11 см до 27 см (табл. 46). По величине диаметра выделяются две группы: 14-16 см – 47,9% и 19-21 см – 30,5%. Сосуды с диаметром по венчику более 23 см – единичны.

Для орнаментации горшков с короткой шейкой применялось 7 технических приемов (табл. 47). При выполнении узоров предпочтение отдавалось оттискам гладкого штампа (рис. 23-*7,10,13*) и прочерченной технике (рис. 23-*3*). Прочерченная техника чаще использовалась в сочетании с другими приемами. Одним техническим приемом орнаментировано 50,1% посуды. Здесь заметно преобладают оттиски гладкого штампа – 18,5%, часто применялся гребенчатый штамп – 10,6% и прочерченная техника – 7,9%. Ямками орнаментирован только один сосуд на поселение Лобань Ш (другой украшен насечками). 34,2% горшков с короткой шейкой орнаментированы двумя техническими приемами, которые группируются в 4 композиции. В трех вариантах одной из двух техник является прочерченная. Здесь выделяются устойчивые сочетания «прочерченный+гладкий» -– 13,2%, «прочерченный+ вдавления» – 15,8%. Тремя техническими приемами орнаментировано 10,4% сосуда. Комбинация технических приемов «насечки + гладкий штамп» дополнялась резной, прочерченной техниками, гребенкой. Сочетание трех и четырех технических приемов выявлено только для поселений Изранского и Старо-Бурецкого. (табл. 47). Два сосуда (5,3%) орнамента не имеют: один с Худяковского поселения (здесь он единственный, рис. 23-*4*), другой – с Изранского.

Таким образом, горшки с короткой шейкой представляют собой небольшие сосуды (культовая посуда?), выполненные с обязательной примесью шамота в глиняном тесте. Стенки не отличаются тщательной обработкой. В технике орнаментации преобладает гладкий штамп, прочерченные линии и неглубокие вдавления, почти не использовались ямки. Горшки с короткой шейкой не являются характерным вариантом для глиняной посуды бассейна р. Вятки.

Горшки с прямой шейкой (29 экз.) составляют 6,6% в категории горшков. Этот вариант более характерен для средневятских поселений, на Изранском и Ново-Бурецком поселениях они выявлены в единичных экземплярах и отсутствуют на поселениях Старо-Бурецком, Лобань III и Малмыжской стоянке (табл. 12). На памятниках доля этого варианта составляет от 3,2% до 8,9%. Только на поселении Моторки II горшки с прямой шейкой преобладают в категории горшков – 60,1%.

При изготовлении горшков с прямой шейкой употреблялось 5 рецептов формовочных масс: «глина+шамот+раковина» – 37,9%; «глина+шамот+песок» – 20,8%; «глина+раковина+песок» – 6,9%; «глина+шамот+раковина+песок» – 17,2%; «глина + раковина» – 17,2% (табл. 48). На поселениях Этанцы II, Худяковском, Акшубень II применялись три рецепта формовочных масс, на поселении Моторки II – два, на остальных – по одному. Преобладал сложный рецепт – «глина + шамот + раковина» – 37,9%. 20,8% горшков с прямой шейкой выполнены с рецептурой «глина + шамот + песок». Простой рецепт «глина + раковина» использовался для изготовления сосудов на поселениях Лобань I и Ново-Бурецком. При выполнении горшков с прямой шейкой мастера не добавляли в состав глиняного теста органические примеси и не использовали простой рецепт «глина + шамот» (табл. 48).

С внешней и внутренней стороны 44,8% сосудов обработаны заглаженной гребенкой (табл. 49). Такое же количество горшков (44,8%) имеет гладкие внешние стенки, но при этом внутренняя поверхность стенок может быть гладкой (24,1%) или обработанной заглаженной гребенкой (20,7%). У

10,4% горшков стенки с обеих сторон небрежно затерты только гребенчатым штампом.

Горшки с прямой шейкой имеют, как правило, плоский венчик – 44,9%; (табл. 50; рис. 24-*2,7*), который может быть несколько скошен внутрь – 6,9% (рис. 24-*5*), часто дополнен карнизиком – 20,7% (рис. 24-*13*), единично – бортиком 3,4% (рис. 24-*4,14*). Сосуды с плоскими венчиками есть на всех памятниках. 6,9%-10,3% сосудов имеют венчики округлые (рис. 24-*1,8,9*), заостренные, утолщенные (рис. 24-*3*) (табл. 50). Диаметр восстановлен у 44,8% сосудов и варьируется в пределах 16-29 см (табл. 51). По величине диаметра выделяются почти равные группы: 16-18 см – 30,7%, 21-23 см – 38,5%, 26-29 см – 30,7%.

В технике нанесения узоров преобладают ямочные вдавления (табл. 52). С использованием ямок орнаментирован 21 сосуд, из которых 6 только ямками (рис. 24-*3,13,14*), остальные в сочетании «ямки + др.техника». Техника гребенчатого штампа встречена на 12 сосудах (23,5%). Одним техническим приемом (ямки, гребенка, вдавления) орнаментировано 34,9% горшков с прямой шейкой (рис. 23-*3,10*). Два технических приема, с помощью которых составлено 8 вариантов, применялись при орнаментации 44,7% сосудов. Устойчивое сочетание образуют ямки в комбинации с другими техниками. Для каждого сосуда чаще всего использованы различные композиции. Одновременно тремя техниками украшено 17,1% сосудов (рис. 24-*4,6*). Здесь выделяется устойчивое использование технически приемов «насечки + ямки», которое дополнено другими техниками – вдавлениями, оттисками гребенчатого штампа, резной техникой. Сочетания двух-трех разных техник орнаментации встречаются, как правило, не более одного раза, кроме варианта «гребенка + ямки», которое выявлено на 6 сосудах. Среди горшков с короткой шейкой не орнаментирован один сосуд с Изранского поселения – 3,4% (табл. 52).

Горшки с прямой шейкой составляют небольшую группу и более характерны для средневятских поселений. Больше всего сосудов этого варианта изготовлено по рецепту «глина + шамот + +раковина». Стенки сосудов часто

обработаны заглаженной гребенкой с обеих сторон или только с внутренней, а внешние стенки – гладкие. Для горшков с прямой шейкой характерен плоский венчик. В технике нанесения узоров преобладают ямочные вдавления, гребенчатый штамп. В орнаментации использовалось один – два технических приема, реже – три.

Итак, при изготовлении *всех вариантов горшков* мастера использовали 8 рецептов формовочных масс. Основным рецептом для изготовления горшков был состав, сложенный на основе двух простых «глина+шамот+раковина» – от 26,3% до 37,9%. Следующий по значимости был рецепт «глина+шамот+ песок» – от 18,8% до 42,1%. Эти рецепты, как и состав «глина+раковина+песок» применялись при изготовлении горшков всех вариантов. Все восемь рецептов употреблялись только при выполнении горшков с плавно-изогнутой шейкой и единственно для этого варианта отмечен рецепт «глина + раковина + органика» (табл. 53). Простой рецепт «глина + шамот» использовался только для изготовления горшков с плавно-изогнутой шейкой и для горшков с короткой шейкой, для других вариантов он не применялся.

Стенки у большинства горшков с обеих сторон обработаны заглаженной гребенкой – 28,7%-44,8% (табл. 54). Сосуды с гладкими стенками (37,5%) преобладают только среди горшков с воротничком. Горшки, стенки которых небрежно обработаны гребенчатым штампом, составляют 10,4-13,9%, меньше всего таких сосудов среди горшков с короткой шейкой – 5,2%. Горшки с короткой и с прямой шейкой не обрабатывались технологическим приемом «гладко + гребенка».

У всех горшков диаметр по венчику варьируется от 10 см до 39 см, крайние размеры встречаются у единичных экземпляров, а большая часть посуды имеет диаметр 16-27 см (табл. 55). Среди горшков с воротничком выделяются две группы – сосуды с диаметром 20-21 см – 21,7% и 25-27 см – 32,4%. Горшки с прямой шейкой по величине диаметра представляют три почти равнозначные группы: 16-18 см – 30,8%, 21-23 см – 38,5% и 26-27 см – 20,8%. У горшков с плавно-изогнутой шейкой диаметр по венчику составляет

большей частью 23-27 см – 47,5%. Горшки с короткой шейкой имеют меньшие размеры, здесь преобладают сосуды с диаметром 16-20 см – 69,7%. Сосуды с диаметром более 30 см встречены только среди горшков с воротничком и горшков с плавно-изогнутой шейкой.

Горшки имеют округлые, плоские или заостренные венчики (табл. 56). Округлые венчики составляют от 10,3% (горшки с прямой шейкой) до 33,7% (горшки с воротничком). Горшки с прямой шейкой и горшки с воротничком чаще изготовлялись с плоским венчиком (соответственно 58,7% и 42,4%). Горшков с заостренным венчиком не много среди всех вариантов – от 3,5% (горшки с плавно-изогнутой шейкой) до 8,8% (горшки с воротничком). Бортик по краю венчика имеют горшки с плавно-изогнутой шейкой и горшки с короткой шейкой. В единичных экземплярах (3,4%) бортик присуствует у горшков с прямой шейкой. Сосуды с утолщенным венчиком также единичны. Такую форму венчика имеют только горшков с плавно-изогнутой (0,8%) и прямой шейкой (6,9%). Все разновидности формы венчиков имеют горшки с плавно-изогнутой шейкой (табл. 56).

Ямки и гребенка, как отдельные техники, использовались для орнаментации всех вариантов горшков. Горшки с воротничком не украшались насечками, и здесь меньше всего применился один технический прием – 18,7% (табл. 57). В остальных вариантах одной техникой орнаментировано от 32,6% до 47,4% горшков. Двумя техническими приемами горшки всех вариантов орнаментированы равномерно: от 33,3% до 47,7%. Для горшков с воротничком, прямой и плавно-изогнутой шейкой можно выделить такие общие сочетания двух технических приемов: «ямки + гребенка» – 6,9%-20,9%, «ямки + гладкий штамп» – 0,3%-3,4%, «ямки+насечки» – 3,4%-17,4%. Чаще других вариантов использовались комбинации гребенчатого штампа и ямок – 6,9%-20,9%.

Одновременно тремя техническими приемами орнаментировано больше горшков с воротничком – 28,8% и меньше всего горшков с короткой шейкой – 10,4% (табл. 57). Горшки с плавно-изогнутой и прямой шейкой орнаментированы тремя техниками примерно в равных соотношениях – 18,4%

и 17,1%. Общим для горшков с воротничком, с прямой и плавно-изогнутой шейкой является сочетание таких технических приемов, как «насечки + ямки + резной» – 3,4%-22,4% и «насечки+ямки+гребенка» – 2,5%-3,5%. Некоторые сочетания технических приемов использовались только для определенных вариантов. Так только для горшков с воротничком выделяются такие комбинации: «гребенка + ямки + гладкий», «гребенка+ямки+шнур», «гребенка+ резной +насечки»; для горшков с прямой шейкой можно выделить относительно устойчивую комбинацию «насечки+гладкий+резной» и «насечки+гладкий+гребенка» (табл. 57).

Четырех технических приема одновременно использовались лишь на горшках с воротничком – 3,9% и с плавно-изогнутой шейкой – 2,3% (табл. 57). По одному сосуду в каждом варианте орнаментировано комбинацией техник «резной + насечки + ямки + гребенка» и «резной + насечки + ямки + вдавления» (вдавления здесь, вероятнее всего, заменяют ямки). Сочетание «насечки + ямки + прочерченный + гребенка» отмечено у двух горшков с плавно-изогнутой шейкой (табл. 57).

3.3. Круглодонные (маклашеевские) сосуды

Круглодонные (маклашеевские) сосуды составляют наименьшую выборку среди выделенных категорий сосудов - 58 фрагментов сосудов, или 7,4% от всего количества сосудов, взятых для статистической обработки. Эта группа сосудов присутствует в составе большинства коллекций, но представлена по-разному. В единственном экземпляре маклашеевский сосуд выявлен на поселении Этанцы II, в керамических комплексах поселений Буй I и Лобань I эти сосуды не обнаружены (табл. 11, 12). На поселениях Акшубень II, Ново-Бурецком и Лобань III они составляют 10,1% - 11,3% - 19,4%, на Старо-Бурецком, Худяковском и Изранском поселениях – 5,5% - 5,2% - 2,1%. Но на поселениях Моторки II и на Малмыжской стоянке на долю этой категории сосудов приходится 53,9% - 43,6% (табл. 12).

При изготовлении посуды в глиняное тесто добавлялись раковина, шамот и песок, использовалось 6 рецептов формовочных масс: «глина+раковина» – 6,9%, «глина + шамот» – 8,6%, «глина + шамот + раковина» – 44,8%, «глина + шамот + песок» – 17,3%, «глина + раковина + песок» – 3,5%, «глина + шамот + раковина + песок» – 18,9% (табл. 28).. Наиболее распространенной здесь была трехкомпонентная рецептура «глина + шамот + раковина» – 44,8%. Сосуды с таким составом формовочной массы присутствуют на всех памятниках. Два других рецепта – «глина + шамот + песок» и «глина + шамот +раковина+песок» применялись в равных пропорциях – 17,3% и 18,9% соответственно. Горшки, выполненные с использованием рецепта «глина+шамот+раковина+песок» преобладают на поселении Моторки II. На поселениях Худяковском, Лобань III и Малмыжской стоянке с таким рецептом выявлено по одному сосуду. Посуда, выполненная с примесью шамота и песка, распространена на поселениях довольно равномерно – по 2 - 3 сосуда на памятнике (табл. 28). Двухкомпонентный состав формовочной массы «глина+шамот», «глина+ раковина» выявлен на Малмыжской стоянке, Ново-Бурецком и Изранском поселениях. На всех поселениях (кроме поселения Этанцы II, где один круглодонный сосуд) маклашеевская посуда выполнена с использованием разных рецептов.

В обработке поверхности сосудов также нет единообразия (табл. 29). 24,1% круглодонных (маклашеевских) сосудов снаружи тщательно обработаны мягким предметом, а внутри – заглаженным гребенчатым штампом. Столько же сосудов с гладкими стенками. На поселении Лобань III 66,7% всех сосудов маклашеевской группы обработано способом «гладко + заглаженная гребенка», а на поселении Моторки II преобладают сосуды с гладкими стенками – 42,9% от всех маклашеевских сосудов на этом памятнике. 27,6% сосудов заравнивались с обеих сторон заглаженным гребенчатым штампом. 17,3% маклашеевских сосудов тщательно обработаны снаружи, а внутри заглажены только гребенчатым штампом. Такой способ обработки преобладает на Ново-Бурецком поселении (55,6%). На Худяковском и Изранском поселениях

каждый сосуд маклашеевской группы имеет разные способы обработки поверхности.

У сосудов маклашеевской группы, как правило, плоский (55,2%) или округлый (20,7%) венчика, реже – заостренный 5,1% (табл. 30; рис. 16,17). Плоский срез венчика может быть скошен наружу (3,4%) или внутрь (12,2%; рис. 17-*10*) или иметь небольшой карнизик (3,4%; рис. 17-*8*). Посуда с плоскими венчиками есть на всех поселениях с маклашеевской керамикой. Сосуды с заостренным венчиком найдены на Изранском поселении (рис. 16-*2*) и на Малмыжской стоянке (рис. 17-*7;* табл. 30).

Диаметр выявлен у 44,8% сосудов (табл. 31). По величине диаметра выделяются три группы сосудов: посуда небольших размеров с диаметром по венчику 18 см – 26,9%; сосуды с диаметром по венчику 22 - 26 см – 46,1% и крупные сосуды с диаметром 29 см – 23,2%. На поселении Моторки II найден один миниатюрный сосуд (3,8%) с диаметром по венчику 7 см и со стенами толщиной 2 мм.

Для орнаментации маклашеевских сосудов использовалось 6 технических приемов: оттиски мелкого и узкого гребенчатого штампа, оттиски шнура, ямки, вдавления округлые, насечки, прочерченный, резной (табл. 32; рис.16,17). Орнамент наносился по шейке. Здесь преобладает сочетание оттисков гребенчатого штампа и ямочные вдавления – 62,2%. Ямки расположены по краю шейки, часто группируются по три. Наиболее устойчивая орнаментация отмечается на сосудах поселения Лобань III: здесь все горшки орнаментированы в технике «гребенка+ямки» (рис.16-*4,10*; табл. 32). На Старо-Бурецком поселении один сосуда украшен резными линиями и ямками, остальные шесть – в технике «гребенка + ямки» (рис.17-*11,12*). Только ямками орнаментировано три сосуда (5,2%) с поселений Худяковского и Акшубень II. Большинство сосудов с Малмыжской стоянки украшены только оттисками гребенчатого штампа (табл. 32). Оттиски шнура в сочетании с гребенкой и ямками или вдавлениями зафиксированы на двух сосудах Изранского поселения (рис. 16-*1*). Прочерченная и резная техники нанесения узоров

встречены по одному разу на Ново- и Старо-Бурецком поселениях только в сочетании с другими приемами (рис. 17-*6*). Достаточно разнообразны орнаментальные сочетания на Ново-Бурецком поселении: три орнаментированы «гребенка+ямки» (рис. 17-*5*), остальные три – разными сочетаниями техник (рис. 17-*4,6*). На сосудах этой категории выявлено 9 вариантов сочетаний орнаментальных приемов, но большинство из них встречаются единично (табл. 32)

Таким обрезом можно констатировать, что маклашеевские сосуды в небольшом количестве присутствуют в керамических комплексах большинства поселений. Эти сосуды не имеют совершенно устойчивой и определенной техники обработки внешней и внутренней поверхности стенок, использования определенных формовочных масс для изготовления сосудов. Но в применении технических приемов орнаментации наблюдается некоторая унификация. Определить особенности стратиграфического положения маклашеевской керамики относительно других категорий сосудов не представляется возможным. Круглодонные маклашеевские сосуды являются составной частью, как и другие категории посуды, керамической коллекции на поселениях эпохи поздней бронзы бассейна р. Вятки.

В целом, в глиняной посуде с поселений ПБВ бассейна р. Вятки преобладают горшки. На средневятских памятниках они составляют от 81,5% до 93,3%, доля баночных форм здесь не превышает 4,1%. На нижневятских памятниках при общем численном преобладании горшечных форм (от 30,2% до 56,7%), банки составляют уже 26,4% - 33,1%. Можно отметить, что чашки и чашевидные сосуды как бы замещают собой горшковидные формы. На поселении Лобань I самый высокий процент горшковидных сосудов – 93,3% и самый низкий процент чашек – 2,6%. На поселениях Лобань III, Изранском, Старо-Бурецком процент горшков колеблется от 64,5% до 45,7%; чашек, соответственно – от 12,9% до 15,7%. На Ново-Бурецком поселении процент

горшковидных сосудов самый низкий среди всех поселений – 30,2%, здесь преобладают чашки – 32,1% (табл. 11).

В распределении круглодонных (маклашеевских) сосудов по керамическим комплексам сложно проследить какую-либо закономерность. На двух памятниках (Лобань I и Буй I) маклашеевсие сосуды не выявлены; на четырех поселениях (Этанцы II, Худяковское, Изранское и Старо-Бурецкое) эта группа сосудов составляет 1,1% - 5,5%. Следующая группа памятников (Акшубень II, Ново-Бурецкое, Лобань III) имеет в составе глиняной посуды от 10,1% до 19,4% маклашеевских сосудов. На Малмыжской стоянке и на поселении Моторки II этих сосудов больше всего – 43,6% и 53,9%.

Таким образом, глиняная посуда эпохи поздней бронзы в бассейне р. Вятки представлена горшками, банками, чашками и круглодонными (маклашеевскими) сосудами. Во всех группах посуды преобладает сложный рецепт формовочной массы «глина + шамот + раковина», составленный на основе двух простых рецептов «глина + шамот» и «глина + раковина». Вторым по значимости рецептом был состав «глина + шамот + песок» (табл. 58). При изготовлении чашек и маклашеевских сосудов простые рецепты составляли не более 10%. При выполнении банок такие рецепты применялись чаще – 14,6% - 16,3%, при изготовлении горшков на долю простого рецепта «глина + раковина» приходиться 18,1%, а на долю рецепта «глина + шамот» – 2,9%.

Пропорциональное соотношение способов обработки стенок у всех категорий сосудов довольно близкое (табл. 59). Стенки сосудов, по большей части гладкие (24,1% - 37,8 %) или обработаны с обеих сторон заглаженной гребенкой (22,4% - 36,6%). Только гребенчатый штамп использован на 6,5% - 9,9%, но горшков с небрежной обработкой больше –13,3%.

Для посуды в целом характерны плоские и округлые венчики (табл. 60). У банок, маклашеевские сосудов и у чашки преобладают венчики плоские (21,2%; 25,6%; 55,2%) и плоские скошенные внутрь или наружу (17,1%; 22,2%; 15,6%). Среди горшков больше всего сосудов с заостренным венчиком и бортиком –

30,9%, с округлым венчиком (20,9%) и с округлым венчиком и бортиком (14,6%). Чашки, за исключением одной, не имеют бортика по краю венчика.

Для орнаментации посуды использовалось 8 технических приемов нанесения орнамента. Степень применения этих техник различна (табл. 61). Гребенчатый штамп чаще применялась при орнаментации банок, чашек и маклашеевских сосудов. Резная техника использовалась немного, преимущественно при орнаментации горшков, редко – банок, на маклашеевских сосудах – в единичных экземплярах (1,8%), не применялась при орнаментации чашек. Прочерченная техника больше характерна для банок и для чашек. Ямками орнаментированы все категории посуды, но характерен этот технический прием для горшков и для маклашеевских сосудов. Меньше всего ямками украшались чашки. Гладкий штамп больше применялся для орнаментации чашек и в меньшей степени при выполнении узоров на горшках. Вдавлениями неправильной формы орнаментированы в основном чашки. Шнур использовался в единичных вариантах, несколько больше при орнаментации банок и не выявлен на чашках. Сосудов без орнамента больше всего среди баночных форм – 27,6%, и чашек – 25,6%. В категории горшков неорнаментированные сосуды составляют 10,8%. В маклашеевской группе неорнаментированные сосуды не выявлены.

В орнаменте горшков преобладают ямочные вдавления и насечки, гребенчатый штамп занимал третью позицию. При орнаментации банок в равной степени использовался гладкий штамп, ямки, насечки, прочерченная техника. Чашки украшались преимущественно гребенчатым и гладким штампом, вдавлениями и прочерченной техникой, ямок не много, насечки использовались в единичных вариантах. При орнаментации маклашеевских сосудов ведущими техниками были ямки и гребенчатый штамп. В целом можно отметить, что для глиняной посуды поселений ПБВ бассейна р. Вятки не характерны такие орнаментальные техники как шнур, неглубокие вдавления, резная техника использовалась не много.

При изготовлении посуды практически не применялись какие-либо стандарты. Разнообразие наблюдается по всем выделенным параметрам, за небольшими исключениями в использовании той или иной техники орнаментации. Но в системе орнаментации почти не наблюдается повторов.

В XIV-XIII вв. до н. э., к началу эпохи поздней бронзы, глиняная посуда у обитателей Вятского бассейна, да и всего Приуралья кардинально меняется. Вместо крупных котлообразных и цилиндрических сосудов появляются хорошо выраженные плоскодонные горшки, банки и небольшие чаши. Изменилась не только форма сосудов, но и технология приготовления формовочных масс. В качестве добавок к глиняному тесту использовалась толченая раковина и мелко раздробленный шамот. Стенки сосудов становятся более тонкими (3-5 мм) даже у крупных сосудов для хранения припасов. Орнамент располагался только в верхней трети сосуда. Зоны венчика, шейки и тулова могли быть орнаментированы по-разному. Узор выполнен оттисками тонкого гребенчатого штампа с мелкими зубцами или удлиненного овального гладкого штампа, короткими насечками или прочерчен острой тонкой палочкой или тонкой костью. Орнамент состоит из нескольких рядов горизонтальных линий, зигзагов, ромбов, «лесенки» и часто завершается узором из треугольников или зигзагом. Целостные орнаментальные композиции на сосудах почти не повторяются: одинаковые элементы узора выполнялись разными орнаментальными инструментами и в разной последовательности.

Глава 4. Кремневый инвентарь поселений. Изделия из металла

В эпоху, когда только начиналось освоение металла, кремень по-прежнему оставался основным материалом для изготовления орудий, в силу таких свойств, как твердость, способность давать острый режущий край, легкость в обработке. Изменения в технике изготовления орудий из кремня имеют определенную последовательность и сходство на разных территориях, а различия в составе орудий, в сырье, в приемах изготовления позволяют выделять особенные черты в каждом периоде и в определенной местности.

В публикациях поселенческих материалов ПБВ не только бассейна р. Вятки но и Приуралья описанию и характеристике кремневого инвентаря уделено, обычно, не достаточно внимания (А. В. Збруева, 1960, с. 15-16; Л. И. Ашихмина, В. Ф. Генинг, 1977, с. 103; Л. И. Ашихмина, 1978, с. 40, 45-46; А. Х. Халиков, 1969, с. 264-265, 277; В. П. Денисов, 1957, с. 111-119; М. Ф. Обыденнов, А. Ф. Шорин, 1995, с. 82; М. Ф. Обыденнов, 1997, с. 107; С. М. Коренюк, А. Ф. Мельничук, 1992, с. 67), несмотря на то, что кремень как исторический источник имеет большое значение, особенно при реконструкции хозяйственной деятельности древних обществ. Более подробно и систематизировано дана общая характеристика кремневого инвентаря поселений эпохи бронзы в Казанском Поволжье (Л. Я. Крижевская, А. Х. Халиков, 1959, с. 121-140), поселений Буй I (раскопки М. И. Трефц, 1985, с. 140-141), Акшубень II (Н. П. Карпова, 1987, с. 66), Лобань III (Л. А. Сенникова, 1995, с. 81-83), частично опубликованы материалы Малмыжской стоянки (В. П. Денисов, 1958, с. 118). Но для бассейна р. Вятки и Приуралья общей систематизации каменной индустрии эпохи поздней бронзы не сделано.

В главе описана кремневая индустрия эпохи поздней бронзы в бассейне р. Вятки и приведены статистические характеристики кремневого инвентаря. Подобная работа для эпохи поздней бронзы Приуралья выполнена впервые.

Для характеристики кремневой индустрии использованы комплексы преимущественно с однослойных поселений Акшубень I (Л. А. Сенникова, 1983; Н. П. Девятова (Карпова), 1984), Акшубень II (Н. П. Девятова (Карпова), 1987), Старо-Бурецкого (Л. А. Сенникова, 1987-89), Изранскогого (Е.М.Черных, Л. А. Сеннкова, 1984), Лобань III, Этанцы III (Л. А. Сенникова, 1979, 1982), Ново-Бурецкого (В. Е. Стоянов, 1959), Малмыжской стоянки (В. П. Денисов, 1955), поселений Проходная Лоза (И. В. Соловей, 1987), Покста II (Л. Д. Макаров, 1987-88).

Для статистических подсчетов использовано немногим более 5 тысяч единиц кремня с 11 раскопанных поселений. Орудия, включая и отщепы с ретушью, насчитывают 715 единиц. Наиболее представительные коллекции кремневого инвентаря происходят с Худяковского поселения (более 1,5 тысяч единиц кремня), поселения Акшубень II (около 1 тысячи единиц кремня). Коллекция Изранского поселения насчитывает около 700 единиц, Старо-Бурецкого – 600 единиц. На остальных памятниках выборка составляет немногим более 100 единиц кремня, кроме Ново-Бурецкого поселения, кремневая коллекция которого настывает 27 экземпляров, и здесь отсутствуют чешуйки и мелкие отщепы (табл. 62).

4.1. Каменное сырье

Для изготовления орудий употреблялся кремень, галька, доломит, в небольших количествах – кварцит, песчаник, сланец. По цветности выделено 10 разновидностей кремневого сырья: кремень серый с оттенками (светло-серый, темно-серый (черный), голубовато-серый); серый пятнистый; красновато-коричневый; светлый (белый); полупрозрачный, яшмовидный, голубовато-розоватый; кремень плиточный (светло-коричневый и серый). Применялась местная галька красноватых и светло-коричневых оттенков, и однородная серовато-зеленоватая. Кварцит, песчаник, сланец встречаются не часто и в статистических таблицах эти материалы объединены в графу «прочие». Таким

образом, для поселений поздней бронзы бассейна р. Вятки всего выделено 16 групп разновидностей сырья (табл. 63)

Группы сырья распределены по поселениям не равномерно. На каждом поселении есть серый пятнистый, голубовато-серый кремень, галька и отдельные разновидности каменного сырья. Черный кремень использовался только на поселениях Акшубень I и П, серый плиточник выявлен на этих же поселениях и на поселении Буй I. На других памятниках этих видов сырья нет. Все выделенные разновидности сырья присутствуют только на поселение Буй I. На поселении Лобань III применялось 7 видов сырья. Светло-серого кремня нет только на Ново-Бурецком поселении; доломита – на Малмыжской стоянке и поселении Лобань III, красновато-коричневого пятнистого кремня – на поселениях Этанцы III и Худяковском. (табл.63).

Основная разновидность кремневого сырья – серый пятнистый кремень, который составляет 39,6% от общего количества кремня, а на каждом памятнике количество этого материала колеблется от 22,4% - 36,4% до 42,6% - 62,5%. Меньше всего серого пятнистого кременя на Старо-Бурецком поселении – 22,4%. Максимальное количество этого материала выявлено на поселении Этанцы Ш – 62,5% (табл. 63).

Вторую по значимости группу сырья составляет галька различных цветов –17,3%, что является определенной особенностью кремневой индустрии ПБВ бассейна р. Вятки. На поселениях это сырье составляет от 6,5% до 20,3%. На Старо-Бурецком поселении доля галечника максимальная – 37,7%, в то же время, на Малмыжской стоянке и Ново-Бурецком поселении этот вид сырья представлен единичными экземплярами (табл. 63).

Светло-серый, темно-серый и голубовато-серый кремень применялся примерно в равных соотношениях (8,4% - 7,3% - 5,6%). На большинстве памятников светло-серый кремнь составляет от 5,9% до 8,3%, на Малмыжской стоянке и на поселении Проходная Лоза – 17,5% и 18,5% (21 и 20 единиц). В количественном выражении максимальное число светло-серого кремня выявлено на Худяковском поселении – 151 единиц (9,5%).

Голубовато-серый кремень – 5,6% от всего количества сырья. По отношению к другим группам сырья больше всего голубовато-серого кремня выявлено на поселениях Лобань III (13,6%) и Акшубень II (12,6%). На поселениях Изранском и Акшубень I доля этого сырья составляет 1,2-1,4% (8 и 6 единиц), а на Малмыжской стоянке и Ново-Бурецком поселении он представлен единичными экземплярами. На Средней Вятке голубовато-серый галечниковый кремень применялся в большем количестве (5% против 1,1%) и был лучшего качества, чем на нижневятских поселениях.

Красно-коричневый с оттенками кремень – 1,9% от всего количества сырья. На поселениях его не много, от 7 до 23 единиц, что в процентном отношении это составляет от 0,9% до 19,2% (табл. 63). Минимальный процент красно-коричневого кремня выявлен на поселении Акшубень II – 0,9% (11 единиц), минимальное количество) – на поселении Лобань III (2 экземпляра, что составляет 1,9%). На поселении Этанцы II такой кремень отсутствует. Максимальное количество красновато-коричневого кремня (23 ед.) и максимальный процент (19,2%) этого сырья по отношению к другим разновидностям материала обнаружено на Малмыжской стоянке. Здесь также найдено два нуклевидных обломка красновато-коричневого кремня.

Светлый кремень в общей массе сырья составляет 1,6%. На отдельных памятниках его не более 3,5%. Этого сырья не много и в количественном отношении: от 2 - 9 единиц до 14 - 21 экземпляров. Яшмовидный кремень – 3,7%, на поселениях также не много, от 1,5% - 1,7% до 5,9% - 12,1%. Максимальный процент яшмовидного кремня по отношению к другим разновидностям сырья – 12,1% (13 единиц) выявлен на поселении Проходная Лоза. Такого кремня нет на поселении Этанцы III. На поселениях Ново-Бурецком и Лобань III отсутствует яшмовидный и светлый кремень (табл. 63).

Голубовато-розоватый и полупрозрачный кремень найден в небольших количествах – 07% - 0,6%. Обе группы этого сырья есть на поселениях Изранском, Худяковском, Буй I и Старо-Бурецком, на других памятниках присутствует только одна какая-либо разновидность такого кремня. На

поселении Акшубень II собрано больше половины от общего количества голубовато-розоватого кремня (25 единиц, 2,3%), здесь этот кремень имеется не только в отщепах, но и в орудиях. На других памятниках эта группа сырья представлена 1-2 отщепами, что составляет менее 1% сырья. Полупрозрачный кремень насчитывает всего 30 единиц. В количественном выражении полупрозрачного кремня больше всего собрано на поселениях Худяковском (11 единиц, 0,7%) и Изранском (9 единиц, 1,3%). Самый высокий процент этой разновидности кремня выделен на поселении Этанцы III – 1,6%, но в количественном выражении это составляет 3 единицы кремня. На поселениях Акшубень I и II полупрозрачный кремень отсутствует (табл. 63).

Темно-серый кремень (7,3%) применялся в основном на средневятских памятниках. На поселениях Лобань III и Буй I этот кремень составляет 24,3% и 22,7% от всего количества сырья, на большинстве других памятниках – 3,3% - 5,2%. Больше половины этого сырья найдено на Худяковском поселении – 204 единицы, что составляет 13,1% от всего каменного сырья этого поселения. На Изранском поселении темно-серый кремень представлен только в чешуйках и мелких отщепах. На Малмыжской стоянке, Старо- и Ново-Бурецком поселениях темно-серого кремня не выявлено (табл. 63).

Плитчатый кремень применялся двух видов: желтовато-коричневый (2,1%), как на неолитических памятниках, и серый, но его не много (0,9%). Обе разновидности плитчатого кремня в единичных экземплярах обнаружены на поселении Буй I. На поселениях Акшубень I и II использовался только серый плиточник. Высокий процент этого сырья отмечен на Старо-Бурецком поселении (9,1%), минимальный - на Изранском поселении – 0,4% (3 единицы). На других памятниках на долю плитчатого кремня приходится от 1,8% - 3,7% - 5,8% (табл. 63).

Доломит составляет 2,8% от всего количества каменного сырья, не найден на поселении Лобань III и на Малмыжской стоянке. Самый высокий процент отщепов и орудий из доломита по отношению к другим группам сырья (7,8%, 47 единиц) выделен на Старо-Бурецком поселении. На других

памятниках доломитовое сырье выявлено единично - от 2 до 9 экз., в процентном выражении это составляет 0,1% - 1,6% и 2,4% - 7,4% (табл. 63). На нижневятских памятниках желтовато-коричневый плиточник и доломит использовались несколько больше, чем на Средней Вятке.

Песчаниковые, кварцитовые и прочие виды каменного сырья составляют 5,3% и присутствуют на каждом памятнике (табл. 63). Больше всего такая разновидность сырья использовалась на поселении Акшубень II – 15,7% (171 единица), минимальное его применение (0,4%; 6 единиц) выявлено на Худяковском поселении. На других памятниках прочие виды каменного сырья представлены в диапазоне от 3-9 единиц до 12-14 экземпляров (1,3% - 11,1%).

Раскалывание кремня и изготовление орудий производилось, по всей видимости, на самих поселениях. Об этом свидетельствуют многочисленные отходы производства – крупные первичные куски со следами скалывания и остатками желвачной корки (вероятно от оформления желваков), отщепы и чешуйки различной конфигурации с тонкими краями, осколки кремня из того же материала, что и нуклеусы. Технику расщепления кремневого и каменного сырья характеризуют нуклеусы и полученные с них продольные и поперечные сколы, отходы производства, а также орудия, связанные с процессом раскалывания - отбойники и ретушёры.

4.2. Нуклевидная группа

Нуклевидная группа насчитывает 95 экз., и составляет 1,8% от всего количества кремневого инвентаря (табл. 62, 64). В эту категорию включены нуклеусы и их обломки (рис. 25-*1,5,10,14*), нуклевидные куски (рис. 25-*2,4,6,7*) сколы с нуклеусов краевые и продольные (рис. 25-*3,9*), площадки "подживления". Нуклевидные остатки на памятниках представлены неравномерно - от 1 до 43 экз. (табл. 62, 64). На поселениях нуклевидная группа составляет 0,6%-1,5%-3,3% от количества кремневого инвентаря. Исключением является поселение Лобань III, где на долю этой группы из 8 единиц

приходится 7,8%. На Худяковском поселении нуклевидная группа насчитывает 43 единиц, 2,8% кремневого инвентаря поселения. На поселении Ново-Бурецком выявлен один нуклевидный кусок, на поселении Проходная Лоза – один нуклевидный скол.

В нуклевидной группе представлены все основные разновидности кремня, которые выявлены на памятниках, кроме плиточника и черного кремня, а также галька и доломит, но в очень разных соотношениях (табл. 64). Половина нуклевидных остатков (49 ед., 51,6%) получена из серого пятнистого кремня. Нуклеусов и нуклевидных остатков из этого материала нет на поселениях Ново-Бурецком и Проходная Лоза. Следующую количественную группу образует голубовато-серый кремень – 12 единиц (12,6%) из которых 6 экз. – это нуклевидные куски. На поселении Лобань III нуклевидные куски имеются из всех разновидностей кремневого сырья, которое здесь использовалось, за исключением красно-коричневого кремня. Единичные нуклевидные куски, обломки нуклеусов и сколы есть из такого редко используемого сырья, как голубовато-розовый кремень (поселение Акшубень I), полупрозрачный (Старо-Бурецкое поселение), светлый (Малмыжская стоянка), два нуклевидных обломка из доломита (поселения Изранское и Худяковское). Обломки нуклеусов, нуклевидные куски и сколы есть из гальки: 4 экз. происходят с Худяковского поселения, один – с поселения Этанцы III.

Нуклевидные куски, нуклеусы и их обломки в нуклевидной группе составляют 65,3%, остальное – это сколы с нуклеусов (табл. 64). Из 25 нуклеусов собранных на всех поселениях 10 найдено на Худяковском поселении; из 33 сколов с нуклеусов 21 экз. происходит с этого же поселения. Несмотря на то, что, на поселении Лобань III нуклеусы и их обломки составляют самый большой процент по отношению к другим группам инвентаря (7,8%), здесь нет нуклевидных сколов. Нуклеусы использовались до полной утилизации, поэтому исходная форма ядрищ неизвестна. Сохранившиеся экземпляры имеют небольшие размеры (до 5 см), аморфную форму. Преобладают нуклеусы с 2-3 рабочими площадками, но есть и

одноплощадочные. Скалывание производилось круговое, фронтальное или торцевое. Негативы скалывания в основном от отщепов (рис. 25-*1,5,10,14*). Нуклеус с негативами скалывания пластин выделен только на Старо-Бурецком поселении. Пластины с этого нуклеуса не сохранились, после полной сработанности он был использован как заготовка для скребла. Нуклевидные обломки и сработанные нуклеусы, которые после утилизации подправлялись ретушью и употреблялись в качестве орудий, встречаются и на других памятниках: топорик со стоянки Буй I (рис. 26-*1*); скребок с Малмыжской стоянки.

4.3. Отбойники. Ретушеры

Для изготовления орудий труда на поселениях применялись отбойники. Всего учтено 22 экз., из них 14 целых и 8 обломков (табл. 62, 65; рис. 26-*2-4,6*; 27). Отбойники не выявлены на поселениях Акшубень I, Худяковском и на Малмыжской стоянки (табл. 62, 65). По отношению к общему количеству инвентаря на памятниках отбойники составляют 0,1% - 1,9% (табл. 62). Самое большое количество этих орудий выделено в инвентаре поселений Старо-Бурецкого – 6 экз. (рис.26-*4,6*; 27-*2,3*) и Изранского – 5 экз. (рис. 26-*2*; 27-*1,6,7*). На Ново-Бурецком поселении найдено 3 отбойника (рис. 26-*3,5*), а вся кремневая коллекция насчитывает 27 единиц. На других памятниках отбойники представлены единичными экземплярами (табл. 62, 65).

В качестве отбойников использовались обычно галечниковые конкреции, как правило, без дополнительной подработки (рис. 26-*2,4,6*). Форма определена у 19 орудий. 14 отбойников имеют овально-вытянутую конфигурацию (рис. 26-*2-4*; 27-*1,2,4,5*), 3 изделия – подпрямоугольную (рис. 27-*7*), два – округлую (рис. 26-*6*; 27-*3*), у трех обломков форма не определяется (табл. 65). В сечение отбойники обычно овальные (рис. 26-*2-4,6*; 27-*1,4,6*) или треугольные (рис. 27-*2*), реже прямоугольные (рис. 27-*7*) и трапециевидные (1 орудие; табл. 65.). Следы забитости наблюдаются на торце или смежных боковых гранях. Кроме

целых отбойников почти на всех памятниках присутствуют и их обломки (табл. 65). Три отбойника расколоты по продольной оси, остальные 5 сломаны в поперечнике.

По размерам отбойники из гальки распадаются на три группы. *1 группа* – мелкие орудия – 4 экз. (табл. 65; рис. 27-*1,2*). Орудия на небольших гальках длиной 4,8 - 5,5 см и шириной 1,4 - 3,7 см. Три изделия имеют овально-вытянутую конфигурацию, одно – овальную. Мелкие отбойники есть на поселениях Старо-Бурецком и Изранском и единственный экземпляр на поселении Этанцы III. *2 группа* –- 4 экз. (табл. 65; рис. 26-*4*; 27-*6*). Это орудия на средних гальках длиной 5,7 - 6,5 см и шириной 2,5 - 3,2 см. Обнаружены на поселениях Старо-Бурецком, Изранском, Акшубень II, Буй I. *3 группа* (стандартная) – 12 экз., (табл. 65) это основная группа отбойников (рис. 26-*2*; 27-*4,5*). Использовались гальки овально-вытянутой формы длиной 7,0 - 7,7 см и шириной, как правило, 3,1 - 4,3 см. Довольно массивный отбойник округлой формы имеет размеры 7,9 х 7,2 см. *4 группа* – крупные изделия (табл. 65). Группа представлена одним орудием из песчаника размером 10,2 х 4,9 см, которое найдено на Ново-Бурецком поселении (рис. 26-*3*). Можно констатировать, что для отбойников подбирались стандартные гальки длиной 6 - 6,5см или 7 - 8 см и шириной 3 - 4 см.

Ретушеры – 4 экз., 0,5% от общего количества орудий. Эти инструменты для изготовления орудий труда выделены в инвентаре Изранского, Худяковского и Старо-Бурецкого поселений (табл. 62). Для ретушеров использовались средние и крупные (Худяковское поселение) отщепы. На Изранском поселении найдено два ретушера. Один из них с негативами грубой двусторонней оббивки, сохранился в обломке. На торце участок со смятым рабочим краем. Ретушер со Старо-Бурецкого поселения имеет два рабочих участка.

Абразивные плитки. Среди инвентаря выявлено 2 целых камня и 2 обломка прямоугольной формы со следами пришлифовки на поверхности,

которые происходят с поселений Акшубень I, Старо- и Ново-Бурецкого (табл. 62). Вероятно, они использовались в качестве абразивных плиток (рис. 27-*5*).

4.4. Отщепы и пластины

Основную категорию инвентаря во всех кремневых коллекциях составляют отщепы (табл. 62, 66 - 68), как с дополнительной вторичной обработкой – отщепы с ретушью (рис. 45), так и без нее – отходы производства - отщепы без ретуши. Кроме того, отщепы являлись основными заготовками для изготовления орудий (табл. 62). По размерам отщепы поделены на 4 группы – чешуйки (размером менее 1 см), мелкие (1,0 - 1,4 см) средние (1,6 - 2,7 см) и крупные (более 3,0 см).

Чешуйки составляют 15,6% от всего количества отщепов. Самый высокий процент чешуек выявлен на поселениях Изранском (27,5% от числа всех чешуек) и Худяковском (24,5%; табл. 66). На Малмыжской стоянке выделено 2 чешуйки, что составляет 0,3%. Больше всего чешуек из серого пятнистого кремня (38,1%) и гальки (20,1%). Чешуйки светло-серого, голубовато-серого и темно-серого кремня составляют 7,7 – 8,9% (табл. 67). По количеству чешуек памятники можно поделить на 2 группы: поселения, где чешуек не много – от 5,8% до 14,3% от всего количества чешуек (Буй I, Старо-Бурецкое, Этанцы III, Акшубень I) и памятники, где чешуек больше приблизительно в два раза – 24,5% - 27,5% (поселения Изранское, Худяковское). Особняком стоят три поселения Проходная Лоза, Малмыжская, Лобань III, где чешуйки составляют 0,3% - 1,1% Возможно, такие различия связаны с процессом изготовления орудий. На памятниках с небольшим количеством чешуек орудия в массе своей изготовляли на специальных площадках за пределами поселения. На памятниках второй группы доработка орудий проводилась прямо на поселении.

Отщепы мелкие – 29,4% от всего количества отщепов. На поселениях представлены достаточно равномерно, от 19,2% до 32,3% от общего количества отщепов (табл. 66). Как и в ситуации с чешуйками, мелкие отщепы составляют

либо 27,5% - 30,4% от всего количества мелких отщепов (поселения Худяковское, Акшубень II), либо несколько меньше – 8,8,2% - 13,9%, (поселение Старо-Бурецкое, Малмыжская).

Отщепы средние. Это основная группа отщепов – 39,3% (табл. 66). Меньше всего средних отщепов, и по сравнению с другими памятниками, выявлено на Изранском поселении – 2,1%, что также может свидетельствовать о доработке и подправке орудий на поселении. Заготовки для орудий могли приносить со специальных площадок.

Отщепы крупные – 15,7% от всего количества отщепов. Крупных отщепов на поселениях обычно меньше - от 10,8% до 32,2% (табл. 66, 67). На поселениях Худяковском, Изранском, Старо-Бурецком и Акшубень II крупные отщепы составляют 11,7% - 23,8% от всего количества крупных отщепов.

Отщепы без ретуши образуют самую многочисленную группу на всех памятниках. Здесь по всем параметрам наблюдается такое же соотношение, как и в общей группе отщепов (табл. 67).

Отщепы - заготовки для изготовления орудий. Для изготовления орудий использовались главным образом отщепы средних размеров – 57,6% от всего количества орудий на отщепах (табл. 68). На поселениях Этанцы III и Ново-Бурецком на средних отщепах выполнено 0,3% - 0,5% орудий. На поселениях Худяковское, Старо-Бурецкое, Акшубень II на средних отщепах выполнено 12,5% - 27,2% орудий. Отщепы размером от 1,5 до 3,0 см являлись наиболее удобными заготовками для изготовления орудий труда.

На мелких отщепах выполнено 18,1% орудий (от всего количества орудий на отщепах). Больше всего изделий на мелких отщепах найдено на поселении Акшубень II – 48,8% (табл. 68). На поселении Акшубень I и на Малмыжской стоянке на мелких отщепах выполнено по два орудия – 1,6%. На крупных заготовках выполнено 24,3 % орудий (табл. 68). На поселении Акшубень II на крупных отщепах изготовлено 30,1% орудий, на Худяковском – 16,2%, на Старо-Бурецком – 17,4%. Меньше всего крупные отщепы применялись на поселениях Этанцы II и Проходная Лоза – 1,2%. Самый распространенный

материал на поселениях – серый пятнистый кремень, соответственно и большая часть орудий на отщепах (33,9%) выполнена из этой разновидности кремня (табл. 68). Из голубовато-серого кремня изготовлено 11,9% орудий, из светло-серого кремня – 9,3% орудий, из темно-серого – 8,2%. 13,5% орудий на отщепах выполнено из гальки. Применение других разновидностей кремневого сырья не превышает 3,5%. На поселении Акшубень II больше, чем на других памятниках, для изготовления орудий использовались мелкие отщепы голубовато-серого кремня.

Пластины. На однослойных поселениях выделено 89 пластин и сечений, что составляет 1,6% всего кремневого инвентаря (табл. 69, 70) В коллекциях поселений пластинчатый комплекс составляет от 0,5% до 1,8% (табл. 62). Пластины в основном неправильного огранения (рис. 28 – *1,4-7,11,13,14*). 84,3% пластин и сечений не имеет ретуши. Ретушированных пластин и сечений на поселениях обычно 1-2 экземпляра (табл. 69; рис. 28 – *2,3,8-10,12*). Ширина пластин варьирует от 0,6 до 2,3 см (табл. 70). Большая часть изделий пластинчатого комплекса имеет ширину 0,9 -1,0 см – 28,1%; пластины шириной 1,1 - 1,2 см составляют 18,2%; шириной 1,3 - 1,4 см – 17,1%. По одной пластине шириной более 2 см выявлено на поселениях Худяковском и Ново-Бурецком (табл. 69, 70).

На поселении Акшубень I пластины (14 ед.) составляют 3,2% от общего количества инвентаря памятника. На поселении Акшубень II все пластины и сечения (5 ед.) отретушированы. На Худяковском поселении выявлено самое большое количество пластин – 38 ед., все они не имеют ретуши. На Старо-Бурецком поселении присутствуют пластины с ровными параллельными гранями и два скребка на пластинах (табл. 62, 69).

Для пластинчатого комплекса поселений эпохи поздней бронзы бассейна р. Вятке не удается выявить каких-либо закономерностей или особенностей, так как пластинчатая индустрия имела здесь второстепенное значение. В эпоху поздней бронзы происходит угасание пластинчатой техники, которая более

характерна для каменного века, что может свидетельствовать об изменении традиций в изготовлении кремневых орудий.

4.5. Классификация орудий труда

При изготовлении орудий в качестве вторичной обработки применялись такие технические приемы как ретушь краевая односторонняя и двусторонняя, ретушь сплошная двусторонняя, оббивка, подтеска, шлифовка. Двусторонней сплошной ретушью оформлялись наконечники стрел и дротиков. Односторонняя ретушь обычно наносилась со спинки, реже - с брюшка. В процессе вторичной обработки больше всего использовалась затупливающая ретушь и в меньшей степени заостряющая и комбинированная. Для оформления лезвий некоторых изделий или для уменьшения массивности заготовок применялась подтеска. Техника пришлифовки употреблялась при изготовлении рубящих инструментов. Шлифовке подвергалась как вся поверхность орудия, так и только часть лезвия, свободного от ретуши.

Классификация орудий проведена по функционально-типологическому принципу (Н. Н. Гурина, 1978, с. 57-70; З. А. Абрамова, 1979, с. 106; Н. П. Девятова) и представляет собой такую схему: классы – категории – типы – варианты. Классы орудий выделены о функциональному признаку: скребущие, режущие, колющие, рубящие, специализированные орудия охоты, специализированные орудия для изготовления других орудий внутри класса определены категории. Класс скребущих орудий составляют категории: скребки и скобели. Класс режущих орудий состоит только из одной категории – ножи. Класс колющих орудий включает категории: проколки и сверла. В классе специализированных орудий для изготовления других орудий выделены категории: отбойники, ретушеры, шлифовальные плиты. Класс рубящих орудий объединяет категории: топоры, тесла, долота и долотовидные орудия. Типы внутри категорий выделены по характеру и особенностям рабочего лезвия: местоположение на заготовке (скребущие орудия), способы выделения

рабочего края (прокалывающие орудия), количество лезвий (ножи). Варианты внутри типов определялись по форме заготовки.

Класс: скребущие орудия, категория – скребки. Скребки – основная категория орудий, как среди материалов поселений, так и в общей коллекции кремневых орудий. На поселениях эти орудия составляют от 4,5 до 10,1% кремневого инвентаря, а среди орудий – 25% - 50% (табл. 62). Всего учтено 296 скребков. 6 орудий изготовлены на пластинах (поселения Старо-Бурецкое, Худяковское, табл. 62). В данной классификации они рассматриваются вместе со всеми орудиями и не выделены в отдельную группу. В этой же категории учтены три комбинированных (двойных) орудия (орудия с двумя рабочими краями, которые выполняют разные функции): 2 скребка-скобеля (поселение Лобань III и Старо-Бурецкое) и скребок-нож (Проходная Лоза). Подавляющая часть скребков выполнена на средних и крупных отщепах и, как исключение, на мелких. В классификации скребков типообразующий критерий – расположение рабочего лезвия на заготовке. Получена следующая классификация скребков (табл. 71, 72)

Тип I – концевые скребки. Рабочий край концевых скребков обычно расположен на дистальном конце отщепа (противоположном ударной площадке). Лезвие может быть прямым, овальным или скошенным. Иногда дополнительно подретуширована спинка, или подтёсано брюшко.

Тип II – скребки с рабочим лезвием по всему периметру заготовки. Ретушью обработана или вся спинка, или только край изделия.

Тип Ш – скребки с рабочим краем по 3/4 периметра заготовки, с хорошо выделенными 3 лезвиями. Ретушь охватывает конец и боковые стороны отщепа и отсутствует обычно в районе отбивной площадки.

Тип IV – рабочее лезвие занимает 1\2 периметра заготовки.

Тип V – угловые скребки. Орудия, у которых два лезвия оформлены на прилежащих гранях и сходятся под углом, образуя выступ. Среди них есть скребки с выделенным "носиком", на пластинах, с дополнительной подтёской.

Тип V1 – боковые скребки. Лезвие расположено не на дистальном конце, а на прилежащем боковом крае, на боку заготовки, которая обычно имеет продолговатую форму.

Тип VII – двойные скребки. Орудия имеют два рабочих края, которые между собой не соприкасаются. Лезвия могут быть: противолежаще-прилегающими, противоположными, противоположно- противолежащими.

Тип VIII – атипичные скребки.

По форме заготовки выделены варианты, которые являются сквозными для всех типов. Вариант а – подпрямоугольная форма заготовки; вариант б – форма подтреугольная; вариант в – овальная; вариант г – трапециевидная.

Большая часть скребков изготовлена на отщепах подпрямоугольной формы (вариант а), они составляют 34,9% от всего количества скребков (табл. 71). На овальных отщепах (вариант в; 21,6%) как правило, выполнены скребки, с лезвием по всему периметру, по ½ и по ¾ периметра (типы II, III, IV). Меньше всего использовались трапециевидные отщепы-заготовки (вариант г) – 2,9% (3 орудия). У 25,7% скребков форма заготовки не определена (табл. 71).

Скребки всех типов выявлены на поселении Лобань III, но каждый тип здесь представлен 1-2 экз.; ведущий тип для этого поселения не определяется (табл. 71, 72). На остальных поселениях преобладают концевые скребки (I тип), достаточно внушительна и группа атипичных скребков (тип VIII). Другие типы обычно представлены единичными экземплярами, только на поселении Акшубень II скребки с рабочим лезвием по ½ периметра заготовки насчитывают 19 экз. (табл. 71). На Изранском поселении нет двойных скребков (тип VII), на поселении Буй I не выделены атипичные скребки (тип VIII), на поселении Акшубень II – угловые (тип V). На поселении Этанцы II выявлено всего 2 скребка, на Ново-Бурецком поселении – 3; и все они относятся к типу I концевых (табл. 71). На рабочем лезвии некоторых скребков ретушью выделен "носик", что является архаичной чертой, свойственной еще эпохе энеолита бассейна р. Вятки (табл. 71; рис. 32-*18*).

Тип I – 109 экз. (рис. 29; 30; 31-*1-11*; 32-*1-7;* табл. 72). Концевые скребки составляют 36,8% от всего количества скребков. Этот тип является самыми распространенными на поселениях. Концевые скребки есть в инвентаре всех поселений. Обычно этот тип является доминирующим и составляет от 32,3% до 42,8% от числа всех скребков. Только на поселение Лобань Ш на долю концевых скребков приходится 9,1% (табл. 72). В группе концевых скребков преобладают заготовки подпрямоугольной формы (вариант а) – 25,1% (рис. 29; 30-*1-10*). Следующую количественную группу заготовок составляют отщепы подтреугольной формы (вариант б) – 7,1% (рис. 31-*2-11*). Концевые скребки на подпрямоугольных отщепах можно считать типичными и характерными для поселений ПБВ бассейна р. Вятки.

Тип II – 10 экз., скребки с лезвием по всему периметру – 3,4% (табл. 71, 72; рис. 31-*12-18*). Этот тип выявлен на 6 поселениях: Акшубень II (рис. 31-*16,17*) Лобань Ш (рис. 31-*14*), Старо-Бурецком (рис. 31-*18*), Изранском (рис. 31-*12,13*), Буй I, Проходная Лоза (табл. 72). На поселении Акшубень II обнаружено 4 скребка с круговым лезвием, на остальных памятниках этот тип представлен единичными экземплярами. Скребки с круговым лезвием по всему периметру изготовлялись на овальных отщепах (вариант в), только для одного орудия использована заготовка подтреугольной формы (вариант б; табл. 71). В целом этот тип не характерен для поселений эпохи поздней бронзы бассейна р. Вятки.

Тип III – 20 экз., скребки с рабочим краем по ¾ периметра составляют 6,7% (табл. 71, 72; рис. 33). Этот тип не выявлен на поселениях Худяковском, Ново-Бурецком и Этанцы III. В материалах поселений скребки с рабочим краем по ¾ периметра насчитывают от 1 до 3 экз. (табл. 71). Как и среди скребков с лезвием по всему периметру, здесь преобладают овальные заготовки – вариант в (рис. 33-*1,2*), два орудия выполнены на отщепах трапециевидной формы – вариант г (рис. 33-*17*).

Тип IV – 42 экз. Скребки с рабочим краем по ½ периметра составляют 14,2% в группе скребков, они выявлены на всех памятниках (табл. 71, 72; рис. 34-*1-15*). На поселениях Акшубень II и Худяковском таких скребков найдено 19

и 10 экз., тогда как на большинстве поселений варьирует от 1 до 3 единиц (8,3% - 23,1%). Для изготовления скребков этого типа использовались все варианты заготовок, но преобладают здесь, как и в типах II и III, заготовки овальной формы – вариант в (табл. 71; рис. 34-*6,11,13,14*).

Тип V – угловые скребки, 21 экз. На долю угловых скребков приходится 7,1% (табл. 71 ,72; рис. 32-*8-19*). Этот тип скребков есть на поселениях Лобань III, Старо-Бурецком, Изранском, Буй I, Худяковском, Проходная Лоза, на Малмыжской стоянке (табл. 71, 72). Больше всего угловых скребков в коллекции Худяковского поселения – 8 экз. Для изготовления скребков этого типа применялись все варианты заготовок, но большая часть (15 орудий) выполнена на отщепах подпрямоугольной формы – вариант а (рис. 32-*9,12-19*), остальные варианты представлены единичными экземплярами.

Тип VI – боковые скребки, 30 экз., (рис. 35). Этот тип присутствует на всех поселениях, их доля в группе скребков составляет 10,1% (табл. 71, 72). На Малмыжской стоянке (рис. 35-*12,17-19*) и на поселении Акшубень I (рис. 35-*13-15*) боковые скребки в процентном выражении занимают вторую позицию после концевых скребков (табл. 72). Форма заготовки у боковых скребков не определялась. К типу боковых относятся все комбинированные скребки (скребки-скобели и скребок-нож).

Тип VII – двойные скребки, 14 экз., (рис. 35 – *16-19*). Процент двойных скребков невелик и составляет 4,7% (табл. 71, 72). Этот тип редко встречается на нижневятских памятниках (табл. 72). Двойные скребки выявлены почти на всех поселениях со Средней Вятки и на одном нижневятском (Старо-Бурецкое поселение – 1 орудие; рис. 34-*19*).

Тип VIII – атипичные скребки на бесформенных отщепах, 50 экз. (рис. 36). Составляют 16,9% среди всех скребков и по численности занимают вторую позицию после концевых скребков (табл. 72). Больше всего атипичных скребков отмечено в коллекциях поселений Акшубень I и Изранском (табл. 72). Этот тип не выявлен на поселениях Буй I, Проходная Лоза, Ново-Бурецком и Этанцы III. Варианты заготовок в этом типе не определялись (табл. 71).

При изготовлении скребков на поселениях эпохи поздней бронзы в бассейне р. Вятки иногда проявлялись такие архаичные элементы, как выделенный ретушью «носик», расположение лезвия по всему периметру (круговые скребки), использование пластин в качестве заготовок. Но эти элементы встречаются не часто.

Категория – скобели. Скобели обнаружены не во всех коллекциях и преобладают на средневятских поселениях (табл. 62, 73). Этот тип орудий выделен в тех коллекциях, которые собраны в жилых сооружениях. Скобелей не обнаружено на поселениях Акшубень I, Ново-Бурецком, Этанцы III (где вообще орудия единичны) и на Малмыжской стоянке. В статистических подсчетах учтено 22 типологически выраженных скобеля и 5 комбинированных изделий (рис. 37), что составляет 3,6% от всего количества орудий (табл. 62). Встречаются единичные скобели с двумя или тремя смыкающимися выемками (поселения Буй I, Изранское; табл. 73). Типы выделены по расположению лезвия на грани заготовки. По степени углубленности в край заготовки лезвия могут быть пологие, вогнутые и овальные (табл. 73.).

Тип I – рабочее лезвие занимает весь край заготовки (рис. 37-*1,2,4-6,11,13*). К этому типу относится 10 скобелей и 3 двойных орудия – скобель-долото (поселение Лобань III), всего 13 орудий. Скобели с двумя или тремя смыкающимися рабочими краями относятся к этому же типу. Орудий с лезвием по всему краю заготовки нет на поселении Акшубень II (табл. 73).

Тип II – лезвие занимает часть боковой грани (рис. 37-*3,7-10,1214*) – 14 экз. (табл. 73). К этому типу относятся два комбинированных орудия. Скобели с лезвием на части боковой грани выявлены на всех памятниках, где есть скобели.

Обычно рабочее лезвие представляет собой очень пологую или незначительно вогнутую выемку – 18 экз. Более выраженная овальная выемка встречается реже. Следует отметить, что у скобелей I типа чаще встречается овальная и пологая выемка, а вогнутая более характерна для орудий типа II

(табл. 73). Рабочий край изделий оформлен, как правило, мелкой краевой притупляющей ретушью.

Класс прокалывающих орудий. В класс прокалывающих орудий включены проколки, сверла и развертки. Всего на исследуемых памятниках выделено 52 экз. прокалывающих орудий, из них: 36 проколок, среди которых два двойных орудия (проколка-долото и проколка-развертка), 3 развертки (одна скомбинирована с проколкой), 13 сверл (табл. 62, 74). Сверла (от 1 до 4 экз.) выявлены на поселениях Акшубень II, Старо-Бурецком, Лобань III, Изранском и Худяковском. 2 развертки происходят с Худяковского поселения, комбинированная развертка-проколка – с поселения Лобань III (рис. 38-*11*). На поселениях Буй I и Проходная Лоза известны только проколки. Максимальное количество проколок (10 единиц) найдено на поселении Акшубень II; на Старо-Бурецком и Худяковском поселениях – 8 орудий; на остальных от 1 до 3 экз. На поселении Лобань III одна проколка скомбинирована с долотом и одна – с разверткой (табл. 74). По способу выделения и оформления рабочего края прокалывающие орудия разделены на два типа.

Тип I – орудия, у которых жальце специально не выделено (рис. 35-*1-5, 10*). Ретушью подработан выступающий край или угол заготовки. Здесь чаще всего применялась краевая противолежащая и краевая противоположная ретушь. В качестве заготовок в основном использовались отщепы подпрямоугольной формы и аморфные отщепы. К этому типу отнесено 27 орудий

Тип II – орудия со специально выделенным жальцем, иногда с плечиками 25 экз. (рис. 39-*6,9*). Лезвие обработано краевой односторонней, реже – противолежащей ретушью. Для этого типа орудий использовалась также и сплошная двусторонняя ретушь (Старо-Бурецкое поселение, одна проколка и одно сверло; рис. 39-*8*). В качестве заготовок больше применялись округлые и аморфные отщепы

Проколки – 34 экз. и 2 комбинированных орудия – проколка-долото и проколка-развертка (табл. 62, 74; рис. 38). Орудия изготовлены в основном из

мелких осколков, и реже – на отщепах средней величины. Микроострие симметричное или асимметричное. Рабочий край подработан мелкой краевой односторонней, либо двусторонней противоположной или противолежащей ретушью. Проколки с невыделенным жальцем – тип I (рис. 38-*1-7,9,10,16*) и орудия с выделенным острием – тип II (рис. 38-*8,11-15*) представлены практически одинаково – 18 и 17 экз. (табл. 74). При изготовлении орудий II типа больше применяли аморфные отщепы.

Сверла – 13 экз. (рис. 39; табл. 74). В отличие от проколок имеют более массивное жальце и изготовлены, как правило, на средних и крупных подпрямоугольных или аморфных отщепах. Острие в большинстве случаев асимметричное, подправлено краевой двусторонней ретушью. Одно сверло с выделенным жальцем обработано сплошной двусторонней ретушью по всей поверхности заготовки (Старо-Бурецкое поселение; рис. 39-*8*). К I типу орудий с невыделенным жальцем относится 7 экз. (рис. 39-*1-5,10*), к типу II – 6 орудий с выделенным рабочим лезвием (рис. 39 – *6-9*; табл. 74).

Развертки – 3 экз. (табл. 62, 74) От сверл и проколок они отличаются несработанным кончиком жальца. В поперечном сечение жальце имеет треугольную форму. Развертки, как самостоятельный тип орудий выявлены только на Худяковском поселении (2 экз.). На поселении Лобань Ш, как уже отмечалось, развертка (1 экз.) скомбинирована с проколкой (рис. 38-*11*).

Класс – рубящие орудия. К рубящим орудиям отнесены тесла, топоры и долота. Это малочисленная группа, в которой не удалось проследить каких-либо закономерностей (табл. 62). Типологическая характеристика здесь не была проведена. Можно отметить, что инструменты имеют трапециевидную или прямоугольную форму, но эти различия не принципиальные, все зависит от первоначальной заготовки. Типологически выраженные рубящие орудия выделены не на всех памятниках. В коллекциях поселений обычно представлен один вид рубящих орудий: либо тесло, либо топор, либо долото. Только на Старо-Бурецком поселении есть тесло и долото (табл. 62).

Тесла – 6 экз., 0,8% от числа орудий. Орудия выполнены из галек (3 экз.; рис. 40-*1,2,4*), песчаниковых пород (2 экз.; рис. 40-*5,6*) и из кремня (1 экз.; рис. 40-*3*; табл. 62), асимметричные в профиле, со скошенным или овальным рабочим лезвием. Размеры варьируют от 2,8 х 5 см до 3,2 х 6 см. Заготовки из камня подработаны оббивкой, а лезвие – притупляющей ретушью (рис. 40-*1*,*4*), либо поверхность лезвия пришлифоввана (рис. 40-*2,5,6*), либо скалывалось основание (рис. 40-*3*).

Топоры. В коллекции кремневых орудий обнаружен один топор на поселении Буй I (табл. 62; рис. 26-*1*). Орудие выполнено из нуклевидного куска кремня, небольшого размера 4,4 х 4 см, подквадратной формы, имеет два прилегающих овальных рабочих края.

Долотовидные орудия. Долота и долотовидные орудия в сумме насчитывают 10 экз. (табл. 62). Долотовидные орудия (5 экз.) выявлены на поселениях Лобань Ш и Старо-Бурецком (долото - 1 экз.). Долотовидные орудия выполнены на средних отщепах, лезвия оформлены на дистальных концах, широкие, незначительно вогнутые, обработаны мелкими поперечными одно- и двустонними сколами. Из них три орудия скомбинированы со скобелями, одно - с проколкой (табл. 62). Долото изготовлено из конкреции песчаника подпрямоугольной формы. Изделие не имеет видимых следов подработки, назначение орудия определено посредством трассологического анализа. В качестве рабочего края использовался более тонкий торец заготовки. Рабочий край овальной формы симметричный в профиле, на лезвии следы выкрошенности, на поверхности вокруг лезвия – бессистемные царапины и выбоины, следов шлифовки не замечено. К группе долотовидных орудий, вероятно, можно отнести обломки шлифованных орудий из доломита с поселений Старо-Бурецкого и Проходная Лоза (табл. 62). Форму орудий определить не удалось.

Класс – специализированные орудия охоты. Специализированные орудия охоты представлены наконечниками стрел и дротиков из кремня – 59 экз., что составляет 8,3% от всего количества орудий (табл. 62, 75; рис. 41, 42). В эту

группу включены заготовки орудий (поселения Худяковское – 2 экз., Буй I и Акшубень I – по 1 экз.; рис. 42-*10*), и их обломки без определения формы – 15 экз. (табл. 62). Наконечники стрел присутствуют во всех характеризуемых коллекциях (кроме поселения Ново-Бурецкого). Их количество на памятниках варьирует от 1 до 17 единиц. Зависимости между исследованной площадью памятника и количеством наконечников в коллекции на неблюдается. Наибольшее количество (17 экз.) выявлено на Худяковском поселении, 11 экземпляров найдено на поселении Акшубень II. В трех жилищах и культурном слое Изранского поселения найдено только 4 изделия, а на поселении Акшубень I, которое можно, вероятно, рассматривать как сезонную стоянку, выявлено 8 наконечников (табл. 62, 75). Наконечники оформлялись сплошной двусторонней ретушью. На поселении Акшубень II есть наконечники, обработанные краевой двусторонней ретушью (рис. 41-*12*) и сплошной односторонней (рис. 41-*6*).

Типы орудий выделены по форме насада: тип I – бесчерешковые; тип II – с выделенным черешком. По форме пера определены варианты: а) листовидные; б) треугольные; в) иволистные; г) ромбические (табл. 75). Наконечники имеют основания усеченные, прямые, усеченно скошенные или выемку в основании. Преобладают безчерешковые наконечники стрел (38 ед.; рис. 41; 42-*1,3,13*), такая же картина наблюдается и в коллекциях поселений (табл. 75). Самая распространенная форма наконечников – бесчерешковые листовидные (тип I, вариант а - 19 экз.; рис. 41). Следующая количественная группа – бесчерешковые иволистные (тип I, вариант б – 5 ед.; 42-*3*). Наконечники стрел с ромбической и треугольной формой пера представлены единичными экземплярами (рис. 42-*1,13*). Из 6 орудий с выделенным черешком (тип II) три имеют треугольную форму (вариант г; рис. 42-*2,4,9*), и столько же – листовидную (вариант а; рис. 42-*6,7*). Наконечники с выраженным черешком более характерны для средневятских памятников (5 против 1; табл. 75).

Среди наконечников стрел выявлено 15 обломков черешков и верхней части (рис. 42-*8,11,12*). В других категориях орудий такого количества типологически выраженных обломков нет (табл. 62).

*Класс – режущие орудия. Ножи***.** Эти орудия выявлены на поселениях Акшубень II, Изранском, Старо-Бурецком, Буй I, Проходная Лоза и Худяковском (табл. 62, 76; рис. 43; 44). Выделено 36 орудий и одно комбинированное (двойное) – нож-скребок (поселение Проходная Лоза), что составляет 5,3% от всего количества орудий. Наиболее представительная группа ножей собрана на поселении Акшубень II – 17 единиц. В других коллекциях количество ножей варьирует от 3 до 7 экземпляров (табл. 76). При изготовлении этих орудий чаще, чем в других группах, употреблялся плиточник, галечник, доломит, т. е. не кремневый материал. Лезвие в большинстве случаев обработано краевой односторонней плоской заостряющей ретушью, реже - краевой двусторонней. Часто одна сторона орудия обработана сплошной односторонней ретушью, край подправлен двустронней ретушью, а на другой стороне сохранялась желвачная корка**.**

Типы орудий выделены по количеству рабочих лезвий. Тип I – однолезвийные ножи, тип II – ножи двулезвийные. Варианты определены по форме заготовки. Вариант а – ножи на отщепах подпрямоугольной формы; вариант б - орудия подтреугольной формы; вариант в - изделия листовидные; вариант г - сегментовидные ножи (табл. 76).

Тип I – 28 экз., (рис. 43, 44-*5,7,8*), что составляет 75,7% от всего количества ножей. Однолезвийные ножи значительно преобладают. Для этого типа характерны прямоугольные орудия (вариант а – 12 экз.; рис. 43-*1-6,8,9*; табл. 76) и сегментовтдные (вариант г – 8 экз.; рис. 44-5,7,8; табл. 76). Здесь нет ножей листовидной формы (вариант в). 5 орудий сохранились в обломках, что затрудняет определение варианта. Сегменовидные ножи происходят с поселений Акшубень II (рис. 44-*5,8*) и Буй I (рис. 44-*7*; табл. 76).

Тип II – двулезвиные ножи, 9 экз. 24,3% от всего количества ножей (рис. 44-*1-4,6*). Ножи этого типа выявлены на поселениях Акшубень II, Старо- и

Ново-Бурецком (табл. 76). Здесь преобладают орудия прямоугольной формы (вариант а – 4 экз.; рис. 44-*3,4,6*). Другие варианты представлены единичными экземплярами (табл. 76; рис. 44-*1,2*).

Основной тип ножей на поселениях эпохи поздней бронзы бассейна р. Вятки – это однолезвийные ножи на отщепах подпрямоугольной с прямым рабочим лезвием. Сегментовидные ножи имеют одно лезвие, а ножи листовидные обычно двулезвийные.

Комбинированные орудия Количество комбинированных (двойных) орудий невелико -8 экз. (табл. 62) и присутствуют они не во всех коллекциях кремневого инвентаря. Комбинированные орудия использовались на поселениях Старо-Бурецком (скребок-скобель и скребок-проколка), Лобань III (проколка-развертка и долотовидные орудия, совмещенные со скобелями и с проколкой (одно орудие); Проходная Лоза (скребок-нож).

Обломки и заготовки орудий. Выделено 13 обломков и 7 заготовок орудий. В эту группу включены орудия, определить функциональное назначение которых по типологическим признакам затруднительно из-за неопределенности формы. Обломки и заготовки орудий выделенных преимущественно на нижневятских памятниках: на поселениях Старо- и Ново-Бурецком и Изранском (табл. 62).

Отщепы с ретушью. К орудиям следует отнести и отщепы с частичной краевой ретушью (табл. 62; рис. 46), которые являлись либо заготовками, либо обломками инструментов, либо были задействованы в различных трудовых операциях.

Таким образом, для кремневых орудий поселений ПБВ бассейна р. Вятки можно отметить следующие характерные черты: небольшое количество типологически выраженных орудий по сравнению с общим числом кремневого инвентаря поселений; некоторая небрежность в оформлении орудий; появление скребков на боковых гранях вытянутых отщепов, значительный процент атипичных (аморфных) скребков; использование заготовок случайных форм при изготовлении орудий и галечникового сырья.

Но вместе с тем, представленный каменный инвентарь имеет ряд архаичных черт, свойственных эпохе энеолита: это наконечники стрел с выделенным черешком, ножи сегментовидной формы, шлифованные рубящие орудия, скребки с рабочим лезвием по периметру и скребки с выделенным "носиком" на рабочем лезвии (Т. М. Гусенцова, 1980, с.85; С. В. Ошибкина, 1976, с. 187; 1980, с. 59, 64). Архаичные черты в большей степени сохранились в каменной индустрии Средней Вятки, наиболее заметно прослеживаются в инвентаре поселений Акшубень I и Акшубень II.

Рассматривая в целом категории орудий, можно отметить, что на всех поселениях встречаются лишь нуклеусы или нуклевидные обломки, скребки, наконечники стрел, отщепы с ретушью. Прокалывающие инструменты (проколки, сверла, развертки), скобели и ножи присутствуют только в крупных коллекциях, что можно объяснить не только недостаточными раскопками, но и тем, что эти категории уже не имеют четко выраженной типологической формы. Подобное явление вряд ли стоит относить к категории упадка или застоя. Это, скорее всего, характерные особенности эпохи для данной территории. Вероятно, функции этих орудий выполняли отщепы с ретушью, но это предположение может быть проверено только в процессе трассологического анализам, что явится дальнейшим предметом исследований. Основным сырьем для изготовления орудий был местный серый с оттенками кремень. Кремневая индустрия не утратила своего значения на поселениях поздней бронзы в бассейне р. Вятки и кремневые орудия активно использовались в хозяйственной деятельности населения.

4.6. Изделия из металла

Остатки материальной культуры населения Вятского бассейна, связанные с металлургической деятельностью, немногочисленны. Они обнаружены на поселениях Старо-Бурецком, Изранском, Этанцы II. Территориально поселения

позднего бронзового века в бассейне р. Вятки относятся к приказанскому металлургическому очагу.

На Старо-Бурецком поселении на дне жилища выявлена небольшая яма (№ 1) с мелкими остатками бронзовых шлаков (?). Яма размером 0,6 х 0,7 м и глубиной в 10 см, имеет почти подквадратную форму, овальное дно. В заполнении помимо остатков бронзовых шлаков (?) были собраны мелкие обломки зуба лошади, 4 мелких фрагмента керамики и галька.

Из бронзовых орудий труда можно выделить только рыболовный крючок, который был найден на Изранском поселении в жилище 3. Крючок достаточно крупный, его верхняя часть, которая крепилась к леске, загнута крючком. Кроме этого изделия на поселении было найдено два мелких кусочка бронзы. Три другие находки – льячки-тигли - связаны с процессом бронзолитейного производства. На Изранском поселении найдена плоская, чашевидная льячка-тигль. Она изготовлена из глины, но ошлакована, что свидетельствует об использовании ее в производстве. Носик для слива не выделен. Диаметр льячки-тигля 6,5 см, глубина около 1 см, толщина днища 1,5 см.

Льячка-тигль с поселения Этанцы II изготовлена из кремня. Внутри куска кремня, который имеет форму близкую к кубу, просверлен канал для слива металла. Металл попадал в льячку через отверстие в верхней грани и вытекал через отверстие в боковой грани. Льячка-тигль имеет высоту 4,5 см, трапециевидное дно – 2,5 - 4,5 х 4,5 см, верхняя часть – 3,5 - 2,5 х 4,5 см. Отверстие для поступления металла овальное размером 2,5 х 1,5 см, боковое отверстие более округлое диаметром около 1,5 см.

Льячка-тигль с поселения Лобань I имеет форму плоскодонной чашечки с диаметром около 5 см и, скорее всего, относится к позднему бронзовому веку, а не к эпохе раннего металла как полагает исследователь памятника (С. В. Кузьминых, Е. Н. Черных, 1980, с. 53; Т. М. Гусенцова, Л. А. Сенникова, 1980, с.124, рис. 3-13). Капельки меди, сохранившиеся на тигле, по химическому составу можно причислить и к комплексным сурьмяно-мышьяковистым сплавам и к оловянистым бронзам и сопоставить с волго-

камской химико-металлургической группой (ВК). Подобные сплавы появляются и употребляются в приказанском металлургическом очаге в эпоху поздней бронзы.

Приказанский металлургический очаг входил в состав Уральской горнометаллургической области Евразийской металлургической провинции. Он функционировал на сейминском и на предананьиском хронологических горизонтах. На сейминском горизонте очаг занимал территорию Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья, а на следующем этапе он охватывал уже все Волго-Камское междуречье. Расцвет бронзолитейного производства для приказанского очага приходится на предананьинский горизонт. Металл приказанской культуры наиболее близок срубному, а этот, в свою очередь, имеет близкие аналогии с андроновским. В приказанском очаге использовался металл волго-уральской и волго-камской химико-металлургических групп (группы ВК и ВУ), но преобладал металл волго-камской группы. Местные металлургические очаги базировались на Приуральской рудной базе, для которой характерны однообразные, с точки зрения геохимии, но разбросанные месторождения медистых песчаников. Эти месторождения и мелкие рудные проявления тянутся полосой более 200 км вдоль западного уральского склона до р. Урал на юге и до Кировской области на западе, которая входит в западную или Казанско-Вятскую область этих месторождений (Е. М. Черных, 1970, с. 48). Месторождения медных руд в Кировской области расположены в ее юго-западной части неширокой полосой вдоль правого и отчасти левого берега р. Вятки (Вятско-Полянский, Малмыжский, Уржумский, Нолинский районы). Северной границей их распространения можно считать месторождение около с. Сырчаны Нолинского района. Различий в составе медных руд Приуралья, как правило, не отмечается (В. А. Полянин, И. Н. Горизонтова, 1939, с. 7, 10).

Особенностью приказанского металлургического очага является применение различного количества добавок олова для выделки орудий и украшений. При изготовлении орудий мастера-металлурги добавляли в медь

олова в 6 раз больше, чем при изготовлении украшений, так как чем выше добавки олова, тем прочнее бронзовые сплавы.

Как мы видим на территории приказанского металлургического очага наиболее тесные контакты и связи прослеживаются с близкими в этническом отношении срубными племенами или их родственными потомками.

Заключение

Полученные материалы свидетельствуют о плотном освоении бассейна р. Вятки в эпоху поздней бронзы. Все поселения расположены по берегам рек и водоемов. Поселения размещались не только непосредственно по берегам р. Вятки, главной водной артерии края, но и на ее притоках как первого, так и второго порядка, в устьях мелких рек. Кроме того, поселки возводились вблизи затонов, заводей, старичных озер р.Вятки и ее притоков. Но, все-таки, большая часть поселений позднего бронзового века размещалась непосредственно по берегам р.Вятки, при этом в большей степени было освоен ее правый берег. На Средней Вятке больше поселений расположено по притокам; а ниже по течению преимущественно заселялась р. Вятка. Анализ поселенческих комплексов позволяет в определенной мере воссоздать материальную культуру позднего бронзового века на указанной территории.

Человек для поселений выбирал места и ландшафты, оптимальные в природном и хозяйственном отношении. Он не осваивал пространства водоразделов, занятых лесами, что можно объяснить сложностью получения питьевой воды на водоразделах и спецификой распределения животных в лесах. По наблюдениям зоологов, животные тяготеют к окраинным ландшафтно-контактным участкам (опушкам, перелескам, приозерно-речным районам), а не к "глубинам" лесных массивов, что известно, как явление "пограничного эффекта". Определенное значение при выборе места поселения имел хороший обзор местности, наличие водной преграды от хищников, меньшее количество гнуса на открытых пространствах. Если место для поселения было выбрано удачно, то человек жил в этих районах длительное время и покидал наиболее удобные участки только с изменением природной ситуации. Так, значительная часть поселений позднего бронзового века устраивались на тех местах, где существовали стоянки эпохи мезо-энеолита. Климат в позднем бронзовом веке был теплее и более засушливый, чем в современную эпоху. Спад уровня вод в гидрологической сети привел к

пересыханию озер и превращению их в болота. Эти климатические особенности отразились на расположении поселений.

Более удобной для поселений считалась высокая пойма или первая надпойменная терраса. В то же время третья часть памятников расположена на высоком (коренном) берегу. Жилища возводили преимущественно на мысах и мысовидных излучинах террас, которые с одной стороны ограниченны поворотом террасы, либо оврагом, либо небольшими ручьями или протоками. Меньше заселялись мысы, окруженные логами или ручьями с 2-х сторон. Поселки ставили и просто на краю береговой террасы, которая топографически не выделена.

Поселок эпохи поздней бронзы в бассейне р. Вятки был образован двумя-тремя жилищами, рядом с которыми располагались хозяйственные постройки (от одной до трех). Часто вместо хозяйственных построек размещались 2-3 отдельные хозяйственные ямы. Иногда на территории поселка устраивались открытые очаги. Строения располагались близко друг к другу, иногда почти вплотную и всегда линейно, в ряд.

На поселении могло быть возведено двухкамерное жилище и однокамерная изолированная постройка или только изолированные сооружения. На выбранной площадке жилища были поставлены либо длинными сторонами вдоль террасы и параллельно реке, либо поперек террасы перпендикулярно реке. Длинными стенами постройки чаще всего были ориентированы по линии северо-запад - юго-восток. Жилище эпохи поздней бронзы бассейна р. Вятки представляет собой, как правило, прямоугольную постройку каркасно-столбовой конструкции, площадью 60-70 кв. м, углубленную в материк на 25-30 см. Столбы диаметром 20-25 см ставились по периметру жилища через 2-3 м. Конструктивной особенностью жилищ этого периода являются широкие ниши или небольшие выступы, которые выдвигались за пределы стен на длину в 50-60 см. Жилое помещение имело, как правило, один выход, который обычно располагался в углу или в середине короткой стены и был направлен на южную или восточную сторону в сторону

водоема (к реке, ручью, к воде или вдоль террасы. Выход из жилища оформлялся в виде пристроя-тамбура или простого овального выступа.

Внутренняя планировка жилища определялась очагами, хозяйственными ямами и углубленной частью жилой постройки. Центральная часть постройки или половина, ближайшая к выходу обычно была углублена относительно остальной части жилища.

В жилища обычно располагалось 2-3 очага, они могли быть размещены в центре постройки группой или в ближайшей к выходу половине в ряд, могли быть расположены и возле стен, оставляя центр жилища свободным. Рядом с очагами устраивалась небольшая и неглубокая хозяйственная яма. Очаг мог быть отгорожен от остальной части жилого помещения. В некоторых постройках использовались новшества в виде каменного основания очага, дополнительных плиток песчаника возле стен, глинобитного или деревянного пола, но это пока были единичные случаи. Какой-либо взаимосвязи между площадью жилищ, количеством и размерами очагов проследить не удается. Хозяйственные ямы в жилище располагались в середине жилого сооружения или в дальней от входа половине, «пристенные» ямы обычно тяготели к углам, выступам или нишам. Хозяйственная яма имела чаще всего овальную форму или близкие по форме к овалу, средние размеры в пределах 1-1,5 м, глубину не более 20 см .

Материальная культура поселений представлена главным образом фрагментами глиняной посуды, кремневым инвентарем, в меньшей степени остатками металлургического прозводства.

Для изготовления каменных орудий древнее население бассейна р. Вятки использовало осадочные породы группы силицидов, которые по своей минералогической природе относятся к кремням. Материалом для орудий служили довольно однообразные местные кремни - халцедонолиты и в меньшей степени – опалиты серого цвета различными с оттенками, изредка встречаются кварциты и доломиты. Скопления кремневых тел присутствуют по берегам рек в отложениях татарского яруса пермской системы в коренном или перемещенном залегании. В

основном это был серый пятнистый кремень среднего качества. Определенной особенностью кремневой индустрии для бассейна р. Вятки является значительное использование гальки различных цветов, в том числе и серого однородного галечника. На нижневятских поселениях больше, чем на Средней Вятке, употреблялась галька, красно-коричневый кремень, светло-коричневый плиточник и доломит.

Типичными и характерными для поселений эпохи поздней бронзы бассейна р. Вятки можно считать концевые скребки на подпрямоугольных отщепах. При изготовлении скребков в некоторых случаях сохранялись такие архаичные элементы, как выделенный ретушью «носик», расположение лезвия по всему периметру (круговые скребки), пластины в качестве заготовок. Еще одним ведущим типом орудий являются однолезвийные ножи с прямым рабочим лезвием, выполненные на отщепах подпрямоугольной формы. Сегментовидные ножи имеют одно лезвие, а ножи листовидной формы обычно двулезвийные. Самая распространенная форма наконечников – бесчерешковые листовидные.

Обитатели поселков использовали для хозяйственных нужд четыре группы глиняной посуды – горшки, банки, чашки и круглодонные сосуды маклашеевского облика. Горшки и чашки присутствуют в коллекциях всех поселений. Банок нет только на одном поселении, маклашеевские сосуды не выявлены на двух поселениях.

Для изготовления всех категорий глиняной посуды применялись схожие рецепты формовочных масс, одинаковые способы обработки внешней и внутренней поверхности, технические приемы орнаментации, но в разном соотношении. Каждая группа посуды имеет свои технологические особенности, но нет оснований для утверждения, что какая-либо группа керамики по многим признакам отличается от других. Наиболее выраженные отличия есть только в форме сосудов.

Только в маклашеевской группе сосудов наблюдается некоторая унификация в использовании технических приемов орнаментации. Здесь

абсолютно преобладают гребенчатые оттиски и ямочные вдавления и сочетание этих техник. Определить особенности стратиграфического положения маклашеевской керамики относительно других категорий сосудов не представляется возможным. Круглодонные (маклашеевские) сосуды являются одной из разновидностью в составе керамической коллекции на поселениях эпохи поздней бронзы бассейна р. Вятки. Те стоянки, в коллекциях которых присутствует значительный процент маклашеевских сосудов (Моторки II и Малмыжская) по относительной хронологической шкале могут быть более поздними, чем остальные. Хронологические различия между другими поселениями эпохи поздней бронзы пока четко не выявляются.

Некоторые особенности керамического комплекса ПБВ в бассейне р. Вятки можно объяснить влиянием соседей, носителей срубной культуры, особенно на нижневятские поселения. Это проявляется в значительном количестве баночных сосудов, использовании прочерченной техники и гладкого штампа в орнаментации сосудов.

В целом поселения эпохи бронзы бассейна р. Вятки могут быть отнесены к предананьинской культурной общности Приуралья (С. В. Кузьминых, 1996) и образовать единую территориальную группу с аналогичными памятниками Приказанского Поволжья и Нижнего Прикамья типа Балымско-Карташинской, Атабаевской, Луговской. Эти поселения по типологическому составу керамического комплекса и по особенностям домостроительства близки как нижневятским так и средневятским памятникам.

В третьей четверти II тыс. до н. э. на пространствах Восточной Европы сформировались новая Евразийская металлургическая провинция, в том числе и новые культурно-исторические общности и археологические культуры, (Е.М.Черных, 1978, с. 69,71-72). В системе общей периодизации эпохи раннего металла начался поздний бронзовый век. В развитии Уральской горнометаллургической области, как составной части Евразийской провинции, и двух ее центров, одним из которых было Приуралье с приказанским металлургическим очагом, исследователи выделяют два хронологических

горизонта (две фазы): сейминский – XV-XII вв. до н. э. и предананьинский – рубеж XII\XI - IX\VIII вв. до н. э. (Е. Н. Черных, 1970, с. 103,105 (примечание).

Военное и политическое господство пришлого сейминско-турбинского населения, экспансия срубной и андроновской культурно-исторических общностей на север привели к заметным изменениям в составе культур и культурных образований. В беспокойный деструктивный период бесчисленные столкновения вызывают необратимые изменения в структурах и побежденных культур, и культур победителей. Под внешним воздействием местные энеолитические культурные провинции Приуралья (гаринско-борская и волосовская) в результате быстрых скачкообразных изменений трансформировались в смешанные пограничные культуры (поздняковскую, приказанскую, черкаскульскую и иные). в Приуралье переход к позднему бронзовому веку и, вызванные этим переходом изменения произошли скачкообразно, резко, без эволюционного перерастания одних культур в другие.

Хозяйство населения ПБВ, проживающего в бассейне р. Вятки, можно определить как присваивающее с элементами производящей экономики (животноводство). В культурном слое поселений эпохи поздней бронзы помимо костей домашних животных присутствуют и кости диких животных. Причем, на лесных северных поселениях их больше, чем на памятниках лесостепи и тем более степи. Каждый или почти каждый из выделенных типов наконечников стрел был приспособлен для охоты за определенным зверем. Такая специализация существует у многих народностей, которые пользуются луком и стрелами (П. А. Дмитриев, 1934, с. 193). Главными объектами охоты были крупные животные. Так, на приказанских стоянках почти повсеместно обнаружены кости лося, реже – медведя. Кости зайца, северного оленя, кабана, выдры, бобра – единичны (А. Х. Халиков, 1969, с. 365). На поселении Лобань I в слое поздней бронзы собраны кости диких животных – медведя (3 особи – 6,5%), куница (2 особи – 4,4%), заяц (1 особь – 2,1%) (Т. М. Гусенцова, Л. А. Сенникова, 1980, с. 134).

Свидетельства рыболовства – рыболовный крючок из бронзы, найденный на Изранском поселении и гарпун из бронзы с поселения Буй I. Крупные размеры рыболовного крючка позволяют говорить о крупных рыбах, которых вылавливали из р. Вятки. Рыболовные крючки из меди и кости находили и на приказанских стоянках (А. Х. Халиков, 1969, с. 365).

Из домашних животных на поселениях эпохи поздней бронзы известны крупный и мелкий рогатый скот, свиньи, лошади, собаки. Остеологический материал поселений ПБВ представлен, как правило, кухонными остатками. В пищу использовали преимущественно молодых животных, что свидетельствует о мясном направлении животноводства. В эпоху поздней бронзы рост коров составлял в среднем 118 см, рост быков – 126 см. Половой диморфизм у этой группы животных был хорошо выраженный. В популяции крупного рогатого скота ПБВ была широко распространена комолость. Племена поздней бронза имели рабочих или транспортных животных и, следовательно, кастрация, как способ получения последних была им уже известна (В. И. Цалкин, 1972а, с. 47, 49, 52, 60).

Мелкий рогатый скот (овцы и козы). В поселениях приказанской культуры мелкий рогатый скот составлял до 4,5% (на поселениях андроновской культуры и срубной культуры Среднего Поволжья – 25 - 30%). Как и кости крупного рогатого скота кости коз и овец представлены главным образом кухонными остатками. Овец и коз использовали в пищу в очень молодом возрасте. Самки у овец, разводимых в позднем бронзовом веке, были комолыми. На общем фоне известных к настоящему времени древних овец, обычно небольших размеров, овцы позднего бронзового века выделяются своими исключительно крупными размерами. Высота в холке у них была не менее 64 см и могла достигать 78 см, средний рост овец поздней бронзы был около 70 см. Овцы преобладали над козами, которым принадлежало второстепенное место в животноводстве племен позднего бронзового века. В поселениях приказанской культуры свинья достигает максимальной численности, установленной в настоящее время для культур позднего

бронзового века. В других культурах ПБВ – андроновской, срубной Приуралья свинья занимала среди сельскохозяйственных животных последнее место. В своем большинстве кости свиней принадлежат молодым животным. Кости домашних свиней позднего бронзового века довольно крупные, в наиболее крупных экземплярах достигают размеров, характерных для диких особей. Свиньи лесостепи несколько крупнее, чем степные (В. И. Цалкин, 1972б, с. 42, 44, 47, 49).

Лошадь. На долю зубов лошади в приказанских памятниках приходится до 75% костных остатков. Значительная часть костей принадлежит особям, не достигшим 3 - 4 лет. Лошади эпохи поздней бронзы в пределах обширной области распространения довольно однородные по пропорциям. Основное поголовье лошадей составляли полутонгоногие, в меньшей степени – средненогие и тонконогие особи. Наиболее многочисленную группу образовывали средние по росту лошади высотой в холке 136 - 144 см, на их долю приходилось более 50% поголовья. Малорослые и рослые лошади образовывали группы примерно одинаковой численности. (В. И. Цалкин, 1972в, с. 61-62, 70).

Кости собак немногочисленны в культурном слое памятников позднего бронзового века. Сохранность костей собак лучше, чем у рассмотренных видов сельскохозяйственных животных. В пищу собаки, по-видимому, не употреблялись. (В. И. Цалкин, 1972в, с. 71).

Племена приказанской культуры по степени развития животноводства отличаются от соседних культур позднего бронзового века: срубной в Среднем Поволжье, срубной и абашевской Приуралья, андроновской. Приказанская культура – единственная известная на сегодняшний день восточноевропейская культура позднего бронзового века с весьма развитым свиноводством. В памятниках приказанской культуры свинья по численности составляет 43-48% особей. Разведение мелкого рогатого скота играло ограниченную роль - 11-14% особей. Лошадь (21-23% особей) по количеству особей не уступала крупному рогатому скоту. Многочисленность свиней и лошадей, сочетающихся с

малочисленностью мелкого рогатого скота более характерно для населения лесной полосы (В. И. Цалкин, 1972г, с. 68,71). Домашние животные эпохи поздней бронзы гораздо крупнее, чем в раннем железном веке. (В. И. Цалкин, 1972в, с. 66).

Скотоводство у приказанских племен развивалось под общим воздействием и влиянием срубного населения. Содержание скота – стойловое. Косвенное подтверждение этому – остатки больших помещений без обычных для жилых домов очагов (А. Х. Халиков, 1969, с. 352).

Появление сельскохозяйственных животных в изучаемом регионе следует увязывать с приходом срубного населения, у которых местное население переняло опыт и знания по содержанию и разведению домашних животных. Лошади, крупный рогатый скот и свиньи являлись основным источником мясных продуктов. Мелкий рогатый скот был наиболее малочислен. В районах Верхнего Прикамья было велико значение лошадей. И в то же время население северных лесных районов Прикамья отдавало предпочтение охотничьим промыслам (Е. Г. Андреева, А.Г.Петренко, 1976, с. 182).

В условиях присваивающего хозяйства существуют и производящие формы труда по созданию орудий, строительству жилищ, изготовлению одежды, домашней утвари из глины, дерева, кости (В. Д. Викторова, 1989, с. 16). Как особую форму материального производства можно рассматривать гончарство (Ю. Б. Цетлин, 2000, с. 246 - 247). Обязательными составными частями любого реального гончарного производства являются: 1) исходное сырье, которые используются гончарами для изготовления посуды; 2) технология конструирования посуды, то есть весь процесс превращения исходного сырья в готовые изделия; 3) различные технические средства и приспособления (формы-модели, инструменты, устройства для обжига; 4) готовые изделия, имеющие определенные очертания и внешний облик. Бытовое гончарство включает в себя производство, распределение и использование глиняной посуды. Глиняная посуда изготовлялась техникой ленточного налепа. Мелкие чашки формовали из целого куска глины.

Технологии домостроительства включали самые различные элементы и трудовые операции: выбор места и замысел, подборку, подготовку и обработку материалов, как-то крупные длинные жерди массивные столбы и стропила, кора для покрытий, разметку и рытье или углубление котлована, установку крепительных столбов и стропил, усиление фундамента, изготовление каркаса и его обрешетку, оформление кровли, выхода и внутреннего интерьера, установление отопительных и осветительных очагов, сооружение хозяйственных ям и очагов ля приготовления пищи. Технология становится многосторонней, многоактной, дифференцированной и специализированной (С. А. Семенов, Г. Ф. Коробкова, 1983, с. 80).

Техника изготовления кремневых орудий сохранилась на высоком уровне, имеет свои особенности. Серьем служил не только кремень, но и галька. Хозяйственные орудия производили в основном из отщепов размером от 1,5 до 3,0 см. Использование отщепов размером более 3,0 см не характерно для мастеров бассейна р. Вятки, изготовлявших кремневые орудия. Но в заготовках крупных размеров больше применялся темно-серый кремень невысокого качества. В эпоху поздней бронзы произошло заметное угасание пластинчатой техники, по сравнению с предыдущими хронологическими периодами она имела здесь второстепенное значение. Это, в некоторой степени, может свидетельствовать об изменении традиций в изготовлении кремневых орудий.

Относительно производственных площадок для изготовления орудий можно допустить, что на отдельных поселениях орудия дорабатывали непосредственно в жилищах или на площади поселения, а заготовки для орудий приносили со специальных площадок. На таких памятниках чешуйки составляют 22% - 33% от общего количества кремневого инвентаря. На других поселениях (Буй I, Старо-Бурецкое, Лобань III, Акшубень II) орудия в массе своей, скорее всего, изготовляли за пределами поселка, на специальных площадках, так как чешуйки здесь составляют от 8% до 15%.

Для разных хозяйственных нужд на поселениях бассейна р. Вятки в эпоху поздней бронзы использовалось 12 типологически выделенных видов орудий: скребки, скобели, проколки, развертки, сверла, ножи, наконечники стрел, долота, шлифованные орудия, тесла, топоры, отщепы с ретушью. Кроме того, применялись комбинированные (двойные) орудия скребки-скобели и скребки-ножи, долота-скобели и долота-проколки, проколки-развертки. Наиболее представительные группы составляют скребки, отщепы с ретушью, наконечники стрел и их обломки. Орудия, используемые для обработки дерева, как-то: тесла, топоры, долота, представлены единичными экземплярами.

При изготовлении орудий применялись такие технические приемы как ретушь краевая односторонняя и двусторонняя, ретушь сплошная двусторонняя (для наконечников стрел и дротиков), оббивка, подтеска, шлифовка. Односторонняя ретушь обычно наносилась со спинки, реже – с брюшка. Чаще использовалась затупливающая ретушь и в меньшей степени заостряющая и комбинированная. Подтеска применялась главным образом для уменьшения массивности заготовок, иногда – для оформления лезвий некоторых изделий. Техника пришлифовки употреблялась при изготовлении рубящих инструментов. Шлифовалась как вся поверхность орудия, так и только часть лезвия, свободного от ретуши. При изготовлении ножей чаще, чем в других категориях орудий, употреблялся не кремневый материал - плиточник, галечник, доломит. Лезвия ножей в большинстве случаев подправлены краевой односторонней плоской заостряющей ретушью, реже - краевой двусторонней. Часто одна сторона орудия обработана сплошной односторонней ретушью, край подправлен двустронней ретушью, а на другой стороне сохранялась желвачная корка.

Основная категория орудий на поселениях – типологически выделенные скребки на средних и крупных подпрямоугольных отщепах, которые по расположению лезвия разделяются на 9 типов. Разнообразие видов и типов скребков определяется их различным применением при обработке шкур. Для разных операций использовались скребки с разным характером лезвия.

Продуктивность скребка связана с формой и длиной лезвия. Так, при пушении бахтармы (один из заключительных этапов обработки шкуры, когда изделию придается особая мягкость) заняты скребковые инструменты, имеющие в отличие от орудий для снятия мездры, высокое округлое или овальное лезвие. Аналогичные орудия, но с более тупым углом заострения, необходимы для сгонки волос. Боковыми скребками выделывали шкуры на колоде или камне. Введение в обработку боковых скребков способствовало дальнейшему ускорению процесса обработки и улучшению качества выделки шкур. Скребками с «носиком» обрабатывали шкуру в неровных участках, в складках, осуществляли окончательную подчистку всей поверхности, хотя в целом они малопродуктивны. Для этих же операций использовались микроскребки. При обработке тонкокожих, легко ранимых шкур, требующих осторожного применения орудий также использовались микроскребки и, возможно, скребки с носиком. Производительность скребков напрямую связана с протяженностью рабочего края: чем длиннее лезвие, выше силовая нагрузка, тем выше производительность. Развитие класса скребков завершается специализацией и узкой дифференциацией орудий. Массивные шкуры с плотным мездряным слоем (медведь, лось) требуют больше времени на их обработку. Чем больше лежит шкура, тем медленнее процесс ее выделки, тем больше требуется орудий, тем быстрее стачиваются лезвия. На тонкую свежую шкуру затрачивается меньше времени (С. А. Семенов, Г. Ф. Коробкова, 1983, с. 181 - 190).

Поселения позднего бронзового века бассейна р. Вятки территориально относятся к приказанскому металлургическому очагу. Остатки материальной культуры населения вятского бассейна, связанные с металлургической деятельностью, немногочисленны. Они обнаружены на поселениях Старо-Бурецком, Изранском, Этанцы П.

Таким образом, в последней четверти II тыс. до н. э. в ПБВ бассейн р. Вятки и особенно ее правобережье был освоен достаточно плотно. На сегодняшний день известно 60 поселений. При заселении территории более предпочтительной была высокая пойма или первая надпойменная терраса, так

как климат был более сухой и теплый по сравнению с современным. Жилые и хозяйственные постройки возводили в ряд на мысу или на краю террасы. Жилища прямоугольные каркасно-столбовой конструкции с углубленным полом, несколькими очагами и хозяйственными ямами, которые не имели унифицированного внутреннего расположжения. В стенках жилищ сооружались ниши-выступы. Глиняная посуда представлена четырьмя группами. При изготовлении посуды использовали сложные рецепты формовочных масс. Все это свидетельствует о смешанном населении позднего бронзового века, населявшем бассейн р. Вятки. В кремневой индустрии при развитой технике изготовления орудий велика доля использования галечника, наблюдается узкая специализация орудий и в тоже время мало орудий, связанных с деревообработкой. Возможно, в бассейне р. Вятки уже были широко распространены бронзовые топоры. Хозяйство комплексное с животноводством мясного направления и высокой значимостью охоты. Наиболее заметно в эту эпоху влияние южных соседей - срубного населения (сосуществование горшков и банок, бронзолитейное производство и домашнее животноводство). Поздний бронзовый век - это предананньинский хронологический горизонт – спокойный стабильный этап перед следующей деструктивной стадией.

Архивные материалы

Ванчиков В. В. 1989 А. Отчет об археологической разведке в Уржумском районе Кировской области, проведенной летом 1989 г. /Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 285.

Ванчиков В. В. 1990 А. Отчет об археологических раскопках Грехневского поселения и разведках в Нагорском и Лебяжском районах Кировской области летом 1990 г. /Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 301

Васильев А. В. 1982 А. Отчет о разведочных работах в Лебяжском районе Кировской области, проведенных летом 1982 г. /Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 159

Генинг В. Ф. 1955 А. Исследования Удмуртской археологической экспедиции в среднем течении р. Вятки в 1955 г. //Отчет об археологических исследованиях в среднем течении р. Вятки /Фонды КОКМ. Рукопись С. 1-10.

Генинг В. Ф. 1959 А. Итоги работы археологической экспедиции Кировского областного музея в 1959 г. /Фонды КОКМ. Рукопись.

Голдина Р. Д. 1973 А. Отчет об исследованиях Камско-Вятской археологической экспедиции летом 1973 г. /Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 18

Голдина Р. Д. 1979 А. Отчет о раскопках Тарасовского могильника в Сарапульском районе УАССР, Верх-Саинского городища в Березовском районе Пермской области, а также Худяковского могильника в Тужинском районе Кировской области /Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 116

Гусенцова Т. М. 1979 А. Отчет об археологических исследованиях памятников эпохи камня и бронзы, проведенных летом 1979 г. в Кильмезском, Тужинском и Богородском районах Кировской области и в Вавожском районе УАССР /Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 102

Девятова (Карпова) Н. П. 1989 А. Отчет об исследованиях в Малмыжском районе Кировской области, проведенных в 1989 г. /Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 272

Еговкина Л. М. 1957 А Отчет об археологических разведках на Средней Вятке в 1957г. /Фонды КОКМ. Д. 5

Карпова (Девятова) Н. П. 1986 А. Отчет об исследованиях в Кильмезском районе Кировской области, проведенных летом 1986 г. /Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 252

Карпова (Девятова) Н. П. Отчет об исследованиях в Арбажском и Куменском районах, а также о разведочных работах в Арбажском, Лебяжском и Тужинском районах Кировской области. /Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 259

Лекомцев В .А. Отчет об археологических исследованиях в 1980 г. /Архив ЛАИ УдГУ.

Леконцева (Шутова) Н. И. 1976 А. Отчет об археологических исследованиях, проведенных летом 1976 г. в Советском и Пижанском районах Кировской области. /Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 43

Лещинская (Ярославцева) Н. А. 1984 А. Отчет о стационарных раскопках могильника Кордон в Вятско-Полянском районе Кировской области, проведенных летом 1984 г. /Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 210

Лещинская (Ярославцева) Н. А. 1985 А. Отчет об исследованиях Еманаевского городища и могильника в Тужинском районе и разведочных работах в Вятско-Полянском, Малмыжском, Уржумском районах Кировской области проведенных в 1985 году /Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 216

Макаров Л. Д. 1976 А. Отчет об исследованиях в Тужинском и Яранском районах Кировской обл., проведенных летом 1976 г. /Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 39

Макаров Л. Д. 1978 А. Отчет об исследованиях в Подосиновском и Тужинском районах Кировской области, проведенных летом 1978 г. /Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 84

Макаров Л. Д. 1979 А. Отчет об исследованиях на Средней Вятке в пределах Слободского, Котельнического, Халтуринского, Юрьянского районов Кировской обл., проведенных летом 1979 г. /Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 103.

Макаров Л. Д. 1983 А. Отчет об исследованиях поселения Искра в Котельническом районе Кировской области, проведенных летом 1983 г. /Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 178.

Макаров Л. Д. 1986 А. Отчет об исследованиях в Слободском районе Кировской области в 1986 г. /Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 228.

Макаров Л. Д. 1988 А. Отчет о работах 1988 г. в Слободском и Тужинском районах Кировской области. /Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 269.

Наговицын Л. А. 1974 А. Отчет об археологических исследованиях, проведенных летом 1974 г. /Архив ИА РАН. Р-1. № 5293.

Наговицын Л. А. 1975 А. Отчет об археологических исследованиях в Вятско-Полянском районе Кировской области, проведенных летом 1975 г. /Архив ИА РАН. Р-1. № 5860.

Ошибкина С. В. 1974 А. Отчет о работе Вятской экспедиции в 1974 г. /Фонды КОМК. № 5184 КОМК н.в.

Ошибкина С. В. 1975 А. Отчет о работе Северной и Вятской экспедиций в 1975 г. /Архив ИА РАН. Р-1. № 6010.

Отчет КВАЭ. 1977 А. Отчет по научно-исследовательской работе «Археологические исследования Ботылинских III и IV поселений на участке Мало-Ботылинского болота колхоза «Ленинский путь»; Кырчанских I, II, III местонахождений кремня участка Кырчаны колхоза «Ленинец» Нолинского района; Архангельского V местонахождения кремня на участке Архангельское ДКП колхоза «Природа» Немского района Кировской области» /Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 38.

Отчет КВАЭ. 1978 А. Отчет по научно-исследовательской работе в зонах мелиоративного строительства Тужинского, Нолинского, Афанасьевского, Халтуринского районов Кировской области /Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 72.

Отчет КВАЭ. 1981 А. Отчет по научно-исследовательской работе в зонах мелиоративного строительства в Даровском, Кикнурском, Свечинском районах Кировской области /Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 129.

Отчет КВАЭ. 1984 А. Отчет по научно-исследовательской работе в зонах мелиоративного строительства в Котельническом, Тужинском и Вятско-Полянском р-х Кировской обл. /Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 202.

Отчет КВАЭ. 1985 А. Отчет по научно-исследовательской работе в зонах мелиоративного строительства в Кильмезском и Нолинском районах Кировской области /Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 171.

Отчет Марийской археологической экспедиции за 1978 г. /Архив ИА РАН. Р-1. Д. 7245.

Савина Л. И. 1979 А. Отчет о разведках в Тужинском, Яранском, Пижанском районах Кировской области, проведенных летом 1979 г. /Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 92.

Сенникова Л. А. 1979 А. Отчет о работе археологической экспедиции Кировского областного музея краеведения, проведенной летом 1979 г. в Халтуринском, Тужинском, Богородском, Нолинском, Немском и Сунском районах Кировской области /Фонды КОКМ

Сенникова Л.А. 1980 А. Отчет об археологических исследованиях, проведенных летом 1980 г. на поселении Этанцы II в Кировской области /Фонды КОКМ

Сенникова Л.А. 1982 А. Отчет об археологических исследованиях, проведенных летом 1982 г. на Худяковском поселении и поселениях Этанцы II и III в Тужинском районе Кировской области /Фонды КОКМ

Сенникова Л. А. 1983 А. Отчет об археологических раскопках, проведенных летом 1983 г. на Худяковском поселении и поселении Акшубень I в Тужинском районе Кировской области /Фонды КОКМ

Сенникова Л. А. 1987 А. Отчет о рекогносцировочных исследованиях, проведенных на Старо-Бурецком поселении Малмыжского района Кировской области в 1987 г. /Фонды КОКМ

Сенникова Л.А. 1989 А. Отчет об археологических исследованиях, проведенных на Ново-Тушкинских возвышениях и Старо-Бурецком поселении в Малмыжском районе Кировской области в 1989 г. /Фонды КОКМ

Стефанова И. И. 1961 А. Отчет об археологической разведке 1961 г. /Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 2259

Стефанова И. И. 1969 А. Отчет об археологических раскопках 1969 г. /Архив ИА РАН. Р-1. № 4227

Стоянов В. Е. 1959 А. Отчет о раскопках Старо-Бурецкой стоянки в 1959 г. /Фонды КОКМ. Рукопись.

Стоянов В. Е. 1959а А. Отчет о раскопках Ново-Бурецкой стоянки в 1959 г. /Фонды КОКМ

Черных Е. М. 1988 А. Отчет об исследованиях Аргыжского городища и разведках в Малмыжском районе Кировской области в 1988 г. /Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 282

Шутова Н. В. 1977 А. Отчет о разведочных работах, проведенных летом 1977г. в Малмыжском и Вятско-Полянском районах Кировской области /Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 59

Шутова Н. И. 1986 А. Отчет об исследованиях четвертого отряда Удмуртской археологической экспедиции в 1986 г. (часть I) /Архив ИА РАН. Р-1. № 11305, 11305а.

Ярославцева (Лещинская) Н. А. 1977 А. Отчет о разведке на территории Кировского горсовета и в Слободском районе Кировской области, проведенной летом 1977 г. /Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 19

Ярославцева (Лещинская) Н. А. 1980 А. Отчет о разведочных работах в Слободском, Нагорском районах Кировской области, проведенных летом 1980 г. отрядом Каско-Вяткой экспедиции /Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 108

Список литературы

Абрамова З. А. 1979. Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Новосибирск.

Алабин П. В. 1859. Ананьинский могильник //ВГВ. №№ 17-30.

Алабин П. В. 1860. Ананьинский могильник //В(И)РГО. Ч. 29. Разд. 2. № 6. С. 87-120.

Андреева Е. Г., Петренко А.Г. 1976. Древние млекопитающие по археологическим материалам Среднего Поволжья и Верхнего Прикамья //Из Археологии Волго-Камья. Казань. С. 137-189.

Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР. 1962.

Архипов Г. А. 1962. Ананьинские городища на р. Вятке //Железный век Марийского края /Тр МАЭ. Т. П. Йошкар-Ола.

Архипов Г. А., Халиков А. Х. 1960. Материалы к археологической карте Марийской АССР. Вып. 1. Йошкар-Ола.

Аспелин И. Р. 1884. О потребности изучения форм предметов и постепенном развитии их форм в доисторические времена //Труды 1У АС в Казани. Т.1. Отделение 1. Первобытные древности. Казань. С. 6-18.

Ашихмина Л. И. 1993. Сейминский и предананьинский горизонты в Уральском регионе //Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург. С. 3-4.

Ашихмина Л. И. 1978. Поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа на Средней Каме //Археологические памятники эпохи палеометалла в Северном Приуралье /МАЕСВ. Вып. 7. Сыктывкар. С. 38-70

Ашихмина Л. И. 1985. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье /Серия: Научные доклады. Препринт. Сыктывкар.

Ашихмина Л. И. 1989. Основные этапы заселения бассейна средней Вятки //Вятская земля в прошлом и настоящем (к 500-летию вхождения в состав Российского государства). Киров. С. 13-15.

Ашихмина Л. И. 1994. Взаимодействие индоевропейцев и финно-угров во П тыс. до н. э. //История и культура Волго-Вятского края. Киров. С. 45-48.

Ашихмина Л. И., Генинг В. Ф. 1977. Стоянки эпохи поздней бронзы в Удмуртском Прикамье //Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск. С. 93-138.

Бадер О. Н. 1950. Археологические памятники Прикамья. Молотов.

Богословский Е. С. 1968. Материалы к изучению научной деятельности А. В. Шмидта в Пермском университете //УЗ ПГУ. № 191. Пермь. С. 147-156.

Прокошев Н. А. 1935. Работы на строительстве Пермской гидроэлектростанции. Район р. Чусовой //Археологические работы академии на новостройках в 1932-33 гг. Т. 1 /ИГАИМК. Вып. 109. М.-Л. С. 176-187.

Бадер О. Н. 1951. Древнее Поветлужье в связи с вопросами этногенеза мари и ранней истории Поволжья //СЭ. № 2. С. 15-41.

Бадер О. Н. 1953. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции //УЗ ПГУ. Т. IX. Вып. 3. Харьков. С. 3-18.

Бадер О. Н. 1960. Поселения у Бойцова и вопросы периодизации среднекамской бронзы //ОК(В)АЭ. Вып. 2. М. С. 110-271.

Бадер О. Н. 1964. Древнейшие металлурги Приуралья. М.

Бадер О. Н. 1968. Основные итоги работ Камской археологической экспедиции в 1947-1960 гг. //УЗ ПГУ. № 191 /Труды КАЭ. Вып. 1У. Пермь. С. 3-6.

Бадер О. Н., Воеводский М. В. 1940. Краткий очерк археологических исследований Института, кафедры и Музея антропологии Московского университета //УЗ МГУ. Юбилейная серия. Вып. LIV. М. С. 243-247.

Бадер О. Н., Соколова З. П. 1953. Новые стоянки Чусовского Прикамья //УЗ ПГУ. Т. IX. Вып. 3. Харьков. С. 121-129.

Бобринский А. А. 1978. Гончарство Восточной Европы. М.

Борисковский П. И. 1980. Первые 30 лет Института археологии АН СССР //Институту археологии 60 лет /КСИА. Вып. 163. М. С. 7-10.

Буров Г. М. 1967. Археологические памятники Вычегодской долины. Сыктывкар.

Бутаков Г. П. 1980. Геоморфологическое строение долины Средней и Нижней Вятки эпохи энеолита и бронзы и расположение древних поселений //Памятники эпохи энеолита в бассейне р. Вятки. Ижевск. С. 19-28.

Васильев И. Б. 1995. К проблеме взаимодействия индоевропейских и финно-угорских культур //Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара. С. 205-217.

Викторова В. Д. 1989. Теоретические основания экологического подхода к изучению древней истории //Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. С. 5-20.

Волкова Е. В. 1996. Гончарство фатьяновских племен. М.

Ворсо И. И. 1861. Северные древности королевского музея в Копенгагене. СПб.

Высоцкий Н. 1923. Село Карташиха в археологическом отношении //Казанский музей за 25 лет. Казань. С. 32-37.

Генинг В. В., Стоянов В. Е. 1961. Итоги археологического изучения Удмуртии //Второе Уральское археологическое совещание /ВАУ. Вып. 1. Свердловск. 1961. С. 76-90.

Генинг В. Ф. 1961. Итоги изучения памятников эпохи поздней бронзы в Прикамье //Второе Уральское археологическое совещание /ВАУ. Вып. 1. Свердловск. С. 66-75.

Генинг В. Ф. 1982. Очерки истории советской археологии. (У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е - первая половина 30-х гг.). Киев.

Генинг В. Ф. 1988. Проблемные ситуации и научные революции в археологии //Проблемная ситуация в современной археологии. Киев. С. 26-79.

Генинг В. Ф., Левченко В. Н. 1992. Археология древностей - период зарождения науки (конец XVIII - 70-е гг. Х1Х в.). Киев.

Генинг В. Ф., Совцова Н. И. 1967. О западносибирском компоненте в сложении ананьинской этнической общности //УЗ ПГУ. № 148. Пермь. С. 51-71.

Генинг В. Ф., Стоянов В. Е. 1961. Итоги археологического изучения Удмуртии (Камско-Вятское междуречье) //Второе Уральское археологическое совещание /ВАУ. Вып. 1. Свердловск. С. 76-90.

Голдина Р. Д. 1977. Основные итоги работ Камско-Вятской археологической экспедиции за 1973-1975 гг. //Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск. С. 10-44.

Голдина Р. Д. 1987. Погребальный обряд Худяковского могильника //Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья. Йошкар-Ола. С.41-63.

Голдина Р. Д. 1999. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск.

Голдина Р. Д., Гусенцова Т. М. 1979. Поселение Моторки II в нижнем течении р. Валы //Материалы археологических памятников Камско-Вятского междуречья. Ижевск. С. 33-102.

Голдина Р.Д., Черных Е.М. 1985. Итоги работ Камско-Вятской археологической экспедиции в 1976-1980 гг. //Новые источники по древней истории Приуралья. Устинов. С. 54-110.

Голдина Р.Д., Черных Е.М. 1987. Итоги работ Камско-Вятской археологической экспедиции в 1981-1985 гг. //Новые археологические исследования на территории Урала. Ижевск. С. 5-55.

Горюнова О. И., Савельева Н. А. 1981. Опыт разработки понятий для описания форм сосудов неолитической и раннебронзовой керамики Восточной Сибири //Описание и анализ археологических источников. Иркутск. С. 115-125.

Гурина Н. Н. 1978. Опыт первичной классификации кремневых наконечников стрел //Орудия каменного века. Киев. С. 57-70.

Гусенцова Т. М. 1980. Поселение Кочуровское IV в бассейне р. Кильмезь //Памятники эпохи энеолита и бронзы бассейна р. Вятки. Ижевск. С. 70-95.

Гусенцова Т. М. 1993. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья.

Гусенцова Т. М., Сенникова Л. А., 1980. Многослойное поселение Лобань I //Памятники эпохи энеолита и бронзы бассейна р. Вятки. Ижевск. С. 118-134.

Денисов В. П. 1958. Новые археологические памятники на р. Вятке //СА. № 3. С. 111-119.

Денисов В. П. 1960. К истории населения Среднего Прикамья в эпоху поздней бронзы. //Из истории Урала. Свердловск. С. 28-37.

Денисов В. П. 1961. Итоги изучения памятников эпохи поздней бронзы //Второе Уральское археологическое совещание /ВАУ. Вып.1. Свердловск. С. 66-75.

Денисов В. П. 1967. Культуры эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры //УЗ ПГУ. №148. Пермь. С. 29-50.

Дмитриев П. А. 1934. Охота и рыболовство в восточно-уральском родовом обществе //Из истории родового общества на территории СССР /ИГАИМК. Вып. 106. М.-Л. С. 181-205.

Долуханов П. М. 1979. География каменного века. М.

Збруева А. В. 1936. К вопросу о происхождении ананьинской культуры //Антропологический журнал. № 4. С. 414-427.

Збруева А. В. 1937. Ананьинский могильник. //СА. № 2. М.-Л. С. 95-111.

Збруева А. В. 1948. Памятники эпохи бронзы в Западном Приуралье и ананьинская культура //Первое Уральское археологическое совещание /Доклады научных конференций Молотовского государственного университета. Вып. 1-4. Молотов. С. 27-31.

Збруева А. В. 1949. Камская экспедиция //КС ИИМК. Вып. ХХУ1. М.-Л. С.40-44

Збруева А. В. 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху /МИА. № 30. М.

Збруева А. В. 1957. Культуры поздней бронзы в Прикамье в связи с вопросом о сложении ананьинской культуры //СА. № 2. С. 26-46.

Збруева А.В. 1960. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье //Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. Ш /МИА. № 80. С.

Зубарева Л. А. 1997. Растительный покров //Природа. Энциклопедия земли Вятской. Т. УП. Киров. С. 343-362.

Иванов И. В. 1996. Особенности взаимодействия природы и общества на границе Европы и Азии //Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии. Самара. С. 4-6.

Иессен А. А. 1948. Уральский очаг древней металлургии //Первое Уральское археологическое совещание /Доклады научных конференций Молотовского государственного университета. Вып. 1-4. Молотов. С. 59-64.

Институт истории материальной культуры им. Н.Я. Марра в дни Великой Отечественной войны (1943 г.). 1946. //КСИИМК. Вып. ХП. М.-Л. С. 153-161.

Платонова Н. И. 1991. Институт истории материальной культуры в годы Великой Отечественной войны //Материалы конференции «Археология и социальный прогресс». Вып. 1. М. С. 45-78.

Казаков Е. П. 1996. Некоторые проблемы изучения древностей эпохи бронзы в нижнем Прикамье //Эпоха бронзы нижнего Прикамья. Тезисы научной конференции. Казань. С. 3-5.

Калинин Н. Ф. 1948. Казанская стоянка //Историко-археологический сборник. М. С. 179-186.

Калинин Н. Ф. 1948а. Древнейшее население на территории Татарии //Материалы по истории Татарии. Т. 1. Казань. С. 23-96.

Калинин Н. Ф., Халиков А. Х. 1954. Поселения поздней бронзы в Приказанском Поволжье (по раскопкам 1951-1952 гг.) //Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 1 /МИА. № 42. М. С. 157-246.

Калинина И. В. 2000. Веревочный орнамент в неолите (о соотношении понятий археологическая культура и технологическая традиция) //Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. 1 Тверь. С. 263-267.

Карпова Н. П. 1987. Поселение Акшубень II – памятник эпохи поздней бронзы в бассейне р. Вятки //Новые археологические исследования на территории Урала. Ижевск. С. 56-68.

Катанов Н. 1920. Несколько слов о Казанских коллекционерах //Казанский музейный вестник. № 7-8. Казань. С. 39-41.

Кашина Л. Н., Кликашева А. Н., Русских А. В. 1996. Воды //Природа, хозяйство, экология Кировской области. Киров. С. 136-164.

Каштанов С. Г. 1938. Гидрогеологический очерк долины р. Вятки от г. Кирова до устья //УЗ КГУ. Т. 98. Кн. 5-6. Геология. Вып. 11-12. Казань. С. 3-82.

Клейн Л. С. 1991. Археологическая типология. Л.

Колев Ю. И. 1991. Новый тип памятников конца эпохи бронзы в лесостепном Поволжье //Древности восточно-европейской лесостепи. Самара. С. 162-206.

Колев Ю. И. 1993. К вопросу о культурно-хронологическом соотношении комплексов позднего бронзового века Волго-Камья //Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург. С. 91-92.

Коренюк С. М., Мельничук А. Ф. 1992. Заосиновское УI поселение в урочище «Красава» //Материалы по археологии Южного Урала. Уфа. С. 57-72.

Косинская Л. Л. Неолит //Археология республики Коми. Ч. Ш. Каменный век. М. С. 146-187.

Крижевская Л. Я., Халиков А. Х. 1959. Кремневый инвентарь поселений эпохи бронзы в казанском Поволжье //Тр КФАН. Серия гуманитарных наук. Вып. 2. Казань. С. 117-140.

Кузьмина Е. Е. 1994. Откуда пришли индоарии? М.

Кузьминых С. В. 1982. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железного века в Волго-Камье в 1968-1981 гг. //Новое в археологии и этнографии Татарии. Казань. С. 13-23.

Кузьминых С. В. 2004. Отто Николаевич Бадер и отечественная археология эпохи раннего металла //РА. № 4. С. 142-150.

Кузьминых С. В., Черных Е. Н. 1976. Анализы меди и бронз с поселений Нижнего Прикамья эпохи раннего металла //Из археологии Волго-Камья. Казань. С. 47-54.

Кун Т. 1975. Структура научных революций. М.

Лебедев Г. С. 1992. История отечественной археологии. СПб.

Лещинская Н. А. 1987. Новый раннесредневековый могильник в бассейне р. Вятки //Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья. Йошкар-Ола. С. 64-75.

Лихачев А. Ф. 1891. Следы бронзового века в Казанской губернии //Труды УП АС в г. Ярославле 1887 г. Т. II. М. С. 124-168.

Макаров Л. Д. 1991. Позднебронзовый комплекс поселения Искра //Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях. Уфа. С. 36-38.

Макаров Л. Д. 1994. Древнерусские памятники среднего течения р. Пижмы //Проблемы средневековой археологии волжских финнов /АЭМК. Вып. 23. Йошкар-Ола. С. 155-184.

Макаров Л. Д. 1984. Поселение Искра – новый памятник в бассейне Средней Вятки //Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск. С. 94-119.

Мартынов А. И. 1995. Об особенностях советской археологии //Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. Томск. С. 117-118.

Матющенко В. И. 1992. История археологических исследований в Сибири. Омск.

Мельникова О. М. 2002. Научная школа археологов в Удмуртском государственном университете //Исследовательские традиции в археологии Прикамья /МИ КВАЭ. Т. 4. Ижевск. С. 65-84.

Мельникова О. М. 2003. Пермская научная археологическая школа О. Н. Бадера (1946-1955) /МИ КВАЭ. Т.7. Ижевск.

Мельникова О. М. 2003а. Свердловская научная археологическая школа В. Ф. Генинга (1960-1974) /МИ КВАЭ. Т. 9. Ижевск.

Мерперт Н. Я. 1957. Некоторые проблемы изучения эпохи бронзы в Поволжье. Казань.

Монгайт А. Л. 1963. Возникновение и первые шаги советской археологии //История СССР. № 4. С. 75-94.

Морозов Ю. В. 1989. О культурно-типологическом соотношении срубных и межовских керамических комплексов на Казангуловском поселении //Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Уфа. С. 41-54.

Наговицын Л. А. 1978. Новые памятники эпохи камня и бронзы в бассейне р. Вятки //Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск. С. 124-139.

Невоструев К. И. 1871. Ананьинский могильник Вятской губернии близь г. Елабуги. М. С. 75-112.

Нейштадт И. М. 1957. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М.

Немкова В. К. 1978.Стратиграфия поздне- и послеледниковых отложений Предуралья //К истории позднего плейстоцена и голоцена Южного Урала и Предуралья. Уфа. С. 4-45.

Немкова В. К. 1985. Природные условия южного Предуралья в эпоху бронзы //Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа. С. 111-115.

Нефедов Ф. Д. 1899. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1893 и 1894 гг. //МАВГР. Т. Ш. М. С. 42-74.

Никитин В. В., Соловьев Б. С. 1990. Атлас археологических памятников Марийской ССР. Йошкар-Ола.

Оборин В. А. 1968. Краткий очерк работ Камской археологической экспедиции ПГУ в 1961-1966 гг. //УЗ ПГУ. № 191. Пермь. С. 7-27.

Обыденнов М. Ф. 1986. Поздний бронзовый век Южного Урала. Уфа.

Обыденнов М. Ф. 1997. У истоков уральских народов: экономика, культура, искусство, этногенез. Уфа.

Обыденнов М. Ф. 1998. Археологические культуры конца бронзового века Прикамья. Уфа.

Обыденнов М. Ф., Шорин А. Ф. 1995. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). Екатеринбург.

Обыденов М. Ф. 1990. История археологического изучения бронзового века Урала. Уфа.

Оконникова Т. И. 1999. Формирование научно-исследовательских традиций в археологии Прикамья (60-е гг. Х1Х в. – конец 40-х гг. ХХ в.). Автореф. дисс. …канд. ист. наук. Ижевск.

Оконникова Т. И. 2002. Формирование научных традиций в археологии Прикамья (60-е гг. Х1Х в. – конец 40-х гг. ХХ в.) /МИ КВАЭ. Т. 5. Ижевск.

Ошибкина С. В. 1976. Поселение Юртик на Средней Вятке //Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М. С. 176-192.

Ошибкина С. В. 1980. Поселение Юртик //Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск. С. 29-69.

Ошибкина С. В. 1984. Мезолит бассейна р. Вятки //Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск. С. 3-21.

Поздеева Л. 1922. Предметы бронзового века в Казанском Центральном музее //Казанский музейный вестник. № 2. Казань. С. 120-130.

Полянин В. А., Горизонтова И. Н. 1939. Медные руды Кировской области. Труды Кировского областного научно-исследовательского института краеведения. Вып. 12. Киров.

Пономарев П. А. 1892. Материалы для характеристики бронзовой эпохи Волжско-камского края. Ананьинский могильник. Казань.

Прокашев А. М., Жуйкова И. А., Пахомов М. М. 2003. История почвенно-растительного покрова Вятско-Камского края в послеледниковье. Киров.

Прокошев Н. А. 1936. Камская экспедиция 1935 г. //СА. Т. 1. М.-Л. С. 255-269.

Прокошев Н. А. 1940. К вопросу о неолитических памятниках Камского Приуралья //Археологические памятники Урала и Прикамья /МИА. № 1. М.-Л. С. 11-40.

Прокошев Н. А. 1940а. Некоторые итоги изучения поздненеолитических стоянок района устья р. Чусовой //Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. № 6-7. С. 80-81.

Прокошев Н. А. 1949. Памятники эпохи бронзы в устье Камы //КС ИИМК. Вып. XXУ. М.-Л. С. 59-66.

Пряхин А. Д. 1986. История советской археологии (1917-середина 1930-х гг.). Воронеж.

Реймерс Н. Ф. 1990. Природопользование. Словарь-справочник. М.

Савельева Э. А. 1984. Археология Коми АССР (учебное пособие). Сыктывкар.

Сальников К. В. 1954. К вопросу о происхождении ананьинской культуры //СЭ. № 4. С. 19-20.

Сальников К. В. 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М.

Семенов В. А. 1978. К истории археологических исследований в Удмуртии //Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск. С. 3-48.

Семенов С. А., Коробкова Г. Ф. 1983. Технология древнейших производств. Л.

Сенникова Л. А. 1980. Поселение Этанцы II на Средней Вятке //Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск. С. 135-146.

Сенникова Л. А. 1994. Поселения эпохи поздней бронзы бассейна р. Вятки //Европейский север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Сыктывкар. С. 85-87.

Сенникова Л. А. 1995. Поселения и жилища эпохи поздней бронзы бассейна р. Вятки //Узловые проблемы современного финно-угроведения. Йошкар-Ола. С.77-80.

Сенникова Л. А. 1995а. Поселение Лобань III – памятник эпохи бронзы на Средней Вятке //Европейский север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Сыктывкар. С. 81-83.

Сенникова Л. А. 1996. Климат в эпоху поздней бронзы и топография поселений //Кирово-Чепецкий район в прошлом и настоящем. Кирово-Чепецк. С. 5-8.

Серкин С. Баллада о Чуршинском городище. *Макаров Л.* Окрестности Первомайского в древности. 1995. Слободской. С. 28-68.

Смирнов А. П., Мерперт Н. Я. 1954. Введение //Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I /МИА. № 42. М. С. 5-20.

Смирнов А. П. 1949. Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья. Козмодемьянск.

Смирнов А. П. 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья /МИА. № 28. М.

Смирнов А. П. 1960. Введение //Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. III /МИА. № 80. М. С.3-19.

Спицын А. А. 1889. Вещественные памятники древнейших обитателей Вятского края. Вятка.

Спицын А. А. 1893. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии /МАВГР. Вып. 1. М.

Спицын А. А. 1902. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых /МАР. № 26. СПб.

Телегин Д. Я. К методике составления типологическо-статистической таблицы кремневых изделий мезо-неолитической эпохи //Орудия каменного века. Киев. С. 35-57.

Теплоухов Ф. А. 1892. Вещественные памятники каменного и бронзового веков в западной части Пермской губернии //Труды ПУАК. Вып. 1. Пермь. С. 27-63.

Толмачев Н. А. 1884. Об остатках древности в пределах Казанской губернии //Труды 1У АС в Казани. Т. 1. Отделение 1. Первобытные древности. Казань. С. 61-109.

Трефц М. И. 1985. Поселение эпохи бронзы Буй I на Вятке //СА. № 4. С. 124-143.

Формозов А. А. 1994. О периодизации отечественной археологии //РА. № 4. С. 219-225.

Халиков А. Х. 1953. Поселения эпохи бронзы в Среднем Поволжье //КС ИИМК. Вып. L. М. С. 31-42.

Халиков А. Х. 1960. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы /Тр. МАЭ. Т. I. Йошкар-Ола.

Халиков А. Х. 1964. Некоторые проблемы мезолита, неолита и бронзы в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье //АЭБ. Т. П. Уфа. 1964. С. 43-54.

Халиков А. Х. 1967. Приказанская культура и ее роль в формировании ананьинской культуры //УЗ ПГУ. № 148. Пермь. С. 7-29.

Халиков А. Х. 1969. Древняя история Среднего Поволжья. М.

Халиков А. Х. 1980. Приказанская культура. САИ. Вып. В1-24. М.

Халиков А. Х. 1987. Приказанская культура //Эпоха бронзы лесной полосы /Археология СССР в 20-ти томах. М. С. 139-146.

Харлампович К. 1922. Профессор Н. Ф. Высоцкий (некролог) //Казанский музейный вестник. № 2. Казань. С. 297-299.

Хотинский Н. А. 1977. Голоцен Северной Евразии. М.

Хотинский Н. А., Немкова В. К., Сурова Т. Г. 1982. Главные этапы развития растительности и климата Урала в голоцене //Археологически исследования севера Евразии /ВАУ. Вып. 16. Свердловск. С. 145-153.

Худяков М. Г. 1917. Древности Малмыжского уезда. Вятка.

Худяков М. 1922. А. Ф. Лихачев как археолог //Казанский музейный вестник. №2. Казань. С. 3-34.

Худяков М. Г. 1923. Ананьинская культура //Казанский музей за 25 лет. Казань. С. 72-126.

Худяков М. Г. 1933. Археология в приволжских автономных областях и республиках за 15 лет //ПИМК. № 1-2. С. 15-22.

Худяков М. Г. 1935. Очерки истории первобытного общества на территории Марийской области /ИГАИМК. Вып. 141. М.-Л.

Худяков М. Г. 1935а. Вклад А.В. Шмидта в археологию Прикамья и Приуралья. //ПИДО. № 9-10; С. 129-143.

Цалкин В. И. 1972а. Домашние животные Восточной Европы в эпоху поздней бронзы. Сообщение 1 //Бюл. МОИП Новая серия. Отдел биологический. Т. LXXVII. Вып. 1. С. 46-65.

Цалкин В. И. 1972б. Домашние животные Восточной Европы в эпоху поздней бронзы. Сообщение 2 //Бюл. МОИП Новая серия. Отдел биологический. Т. LXXVII. Вып. 2. С. 42-50.

Цалкин В. И. 1972в. Домашние животные Восточной Европы в эпоху поздней бронзы. Сообщение 3. //Бюл. МОИП Новая серия. Отдел биологический. Т. LXXVII. Вып. 3. С. 61-72.

Цетлин Ю. Б. 1991. Основные направления и подходы к изучению технологии древней керамики за рубежом //Керамика как исторический источник (подходы и методы изучения). Куйбышев. С. 13-17.

Цетлин Ю. Б. 2000. Гончарство как система //Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. 1. Тверь. С. 245-250.

Черных Е. М., 1988. Жилища Изранского поселения эпохи поздней бронзы //Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. Ижевск. С.4-18.

Черных Е. Н. 1970. Древнейшая история металлургии Урала и Поволжья. М.

Черных Е. Н. 1978. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР //СА. № 4. С. 53-82.

Черных Е.Н. 1984. Чередой бесчисленных культур //Знание – сила. № 3. С. 31

Черных Е. Н., Кузьминых С. В. 1989. Древняя металлургия Северной Евразии. М.

Членова Н. Л. 1981. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале раннего железного века //Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск. С. 4-42.

Шаландина Т. В. 1972. Основные черты истории лесов Татарии в голоцене //Научные доклады высшей школы. Биологические науки. № 8. С. 76-80.

Шаландина Т. В. 1990. Антропогенные изменения растительного покрова севера Среднего Поволжья в позднем голоцене //Древности Поветлужья /АЭМК Вып. 17. Йошкар-Ола. С. 134-139.

Хотинский Н. А., Немкова В. К., Иванова Н. Г. 1967. Геологический возраст высокой поймы р. Вятки по данным споро-пыльцевого анализа //Доклады Академии наук. Т. 172. № 2. С. 425-428.

Шилов В. П. 1961. К вопросу о происхождении ананьинской культуры //Исследования по археологии СССР. Л. С. 120-126.

Шмидт А. В. 1928. Археологическое изучение древностей севера СССР //Финноугорский сборник /Труды комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Вып. 15. Л. С. 135-242.

Шмидт А. В. 1928а. Отчет о командировке в Уральскую область //Сборник МАЭ Т. VII. Л. С. 283-298.

Шмидт А. В. 1933. О хронологии доклассового общества //ПИМК. № 1-2. С. 7-15.

Шмидт А. В. 1933а. Работы по истории материальной культуры Урала за 15 лет //ПИМК № 9-10. С. 20-30.

Шмидт А. В. 1934. Очерки по истории Северо-востока Европы в эпоху родового общества //Из истории родового общества на территории СССР /ИГАИМК Вып. 106. М.-Л. С. 13-96.

Штукенберг А. А. 1901. Материалы для изучения медного (бронзового) века восточной полосы Европейской России //ИОАИЭ. Т. ХУП. Вып. 4. Казань. С. 165-213.

Штукенберг А. А., Высоцкий Н. Ф. 1885. Материалы для изучения каменного века в Казанской губернии //Труды ОЕКУ. Т. Х1У. Вып. 5. С. 3-38.

Энеева Н. 1990. Музей в эпоху прогресса //Архитектура и строительство Москвы. № 12. С. 10-11.

Список сокращений

АС – Археологический съезд

АЭБ – Археология и этнография Башкирии

АЭКОМК – Археологическая экспедиция Кировского областного краеведческого музея

АЭМК – Археология и этнография Марийского края

В(И)РГО – Вестник (императорского) Русского географического общества

ВГВ – Вятские губернские ведомости

ВГСК – Вятский государственный статистический комитет

ВГСК – Вятский губернский статистический комитет

ВятГГУ – Вятский государственный гуманитарный университет

ВятГГУ – Вятский государственный гуманитарный университет

ИГАИМК – Известия государственной академии материальной культуры

ИОАИЭ – Известия общества археологии и этнографии при Казанском университете

КВАЭ – Камско-Вятская археологическая экспедиция

КГПИ – Кировский государственный педагогический институт

КС ИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры

МАВГР – Материалы по археологии Восточных губерний России

МАЕСВ – Материалы по археологии Европейского северо-востока

МАР – Материалы по археологии России

МАЭ – Марийская археологическая экспедиция

МИ КВАЭ – Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

НМ РТ – Национальный музей республики Татарстан

ОАИЭ – Общество археологии и этнографии при Казанском университете

ОК(В)АЭ – Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции

ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ

ПИМК – Проблемы истории материальной культуры

ПОКМ – Пермский областной краеведческий музей

ПУАК – Пермская ученая архивная комиссия

СЭ – Советская этнография

Тр КФАН – Труды Казанского филиала Академии наук

Тр МАЭ – Труды Марийской археологической экспедиции

УАЭ – Удмуртская археологическая экспедиция

УдГУ – Удмуртский госуниверситет (г.Ижевск)

УдНИИ УрО РАН – Удмуртский научно-исследовательский институт языка, истории и культуры Уральского отделения Российской академии наук

УЗ КГУ – Ученые записки Казанского государственного университета

УЗ ПГУ – Ученые записка Пермского государственного университета

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Каталог памятников эпохи поздней бронзы в бассейне р. Вятки.

1. Великорецкая стоянка

Поздняя бронза.

Левый берег р. Великой, правого притока р. Вятки (с. Великорецкое Юрьянского района Кировской обл.). Стоянка расположена на излучине двухметровой надпойменной террасы. Культурный слой мощностью 7-18 см выявлен в шурфах. В шурфах и с поверхности площадью 800 кв. м собраны 2 кремневых скребка, 2 обломка наконечников стрел, 2 галечных и 32 кремневых отщепа, 3 фрагмента лепной керамики. Памятник открыт в 1979 г. разведотрядом КВАЭ под руководством Л. Д. Макарова.

(Л. Д. Макаров, 1979 А).

2. Никульчинское II поселение

Поздняя бронза, средневековье, древнерусское поселение, позднее средневековье

Правый берег р. Вятки (с. Никульчино Слободского р-на Кировской обл.). Поселение расположено на высоком (до 30 м) коренном берегу. Площадь распространения находок около 5000 кв.м. Культурный слой эпохи поздней бронзы не сохранился, собран только материал этого времени: 3 фрагмента лепной керамики с примесью раковины, песка и растительных остатков; 2 скребка, 3 скобеля, сечения пластин, 20 отщепов. Кремень в основном серого и темно-серого цвета. Памятник открыт разведотрядом КВАЭ под руководством Н. А. Ярославцевой (Лещинской) в 1980 г., обследован Л. Д. Макаровым в 1986 г., вскрыто 42 кв. м культурного слоя.

(Н. А. Ярославцева (Лещинская), 1980 А; Л. Д. Макаров, 1986 А).

3. Студенцы III стоянка

Мезолит, поздняя бронза

Правый берег р. Быстрицы, левого притока р. Вятки (дер. Студенцы Кирово-Чепецкого р-на Кировской обл.). Расположена на небольшом дюнообразном возвышении коренного берега высотой 8 - 9 м. Культурный слой эпохи бронзы имеет мощность 10 - 15 см. Найдены фрагменты керамики. Памятник открыт С. В. Ошибкиной в 1972 г., обследован в 1974 - 75 гг., вскрыто 12 кв.м.

(С. В. Ошибкина, 1984, с. 3-21; 1974 А; 1975 А).

4. Бобровы, местонахождение керамики

Мезолит, поздняя бронза, позднее средневековье

Левый берег р. Чепцы, левого притока р. Вятки (дер. Бобровы (бывш.) Кирово-Чепецкого р-на Кировской обл.). Памятник расположен в нескольких метрах к Ю от старичного озера, в 3 км к С от р. Чепцы, на 4-х метровом дюнообразном возвышении коренного берега. К эпохе поздней бронзы относятся два мелких фрагмента пористой лепной керамики без орнамента. Памятник был открыт и исследован археологической экспедицией КГПИ (сейчас – ВятГГУ) под руководством И. И. Стефановой в 1961 г.

(И. И. Стефанова, 1961 А).

5. Юбилейное II поселение

Поздняя бронза, позднее средневековье

Левый берег р. Ночная Черняница, правого притока р. Моломы, правого притока р. Вятки (пос. Юбилейный Котельнического р-на Кировской обл.). Поселение располагается на узком выступе надпойменной террасы высотой 2 м. Мощность культурного слоя – 15 - 25 см. Материал представлен галечным отщепом коричневого цвета, размером 2,4 х 1,4 см, с остатками желвачной корки и одним фрагментом лепной керамики. Памятник открыт Л. Д. Макароввым в 1981 г., обследован в 1983 г., вскрыто 117 кв.м.

(Л. Д. Макаров, 1983 А).

6. Ковровское городище

Мезолит, поздняя бронза, раннее и позднее средневековье

Правый берег р. Моломы, правого притока р. Вятки, (дер. Ковровы Котельнического р-на Кировской обл.). Поселение расположено в 400 м от места впадения р. Моломы в р. Вятку, занимает подтреугольный мыс высотой 7-11 м, образованный ручьем и склоном коренной террасы рр. Вятки и Моломы. Культурный слой эпохи поздней бронзы имеет мощность до 30 см. Зафиксирована одна хозяйственная яма, столбовые ямки и, возможно, остатки одного разрушенного жилища. Найдено 3 фрагмента шеек и 50 фрагментов стенок сосудов, кремневые отщепы и сколы из сырья низкого качества. Глиняная посуда изготовлена с примесью песка, шамота и раковины. Выделено две категории сосудов: одна банка прямостенная без орнамента с уплощенным венчиком, скошенным внутрь и два горшка с воротничком. У одного горшка венчик плоский, у другого – округлый, горшки орнаментированы оттисками гребенчатого штампа и ямками. Памятник описан А. А. Спицыным в 1881 г., в 1887 г. он провел здесь небольшие раскопки. Л. М. Еговкина повторно исследовала памятник в 1957 г., И.С. Вайнер – в 1959 г. Л. Д. Макаров в 1979 г. раскопал 70 кв. м площади памятника.

(А. А. Спицын, 1893, с. 166; Л. М. Еговкина, 1957 А; И. С. Вайнер, 1959 А; Л. Д. Макаров, 1979 А).

7. Поселение Искра

Поздняя бронза, средневековье, древнерусское поселение, позднее средневековье

Правый берег р. Вятки (пос. Ленинская Искра Котельнического р-на Кировской обл.). Поселение занимает обрывистый надпойменный выступ коренной террасы высотой 2-3 м от уровня воды. Культурный слой ПБВ имеет мощность до 10 см. К этому времени относится одно жилище, столбовые ямки, хозяйственная яма, два углистых пятна. Столбовые конструкции располагались по внутреннему периметру постройки. Использовались небольшие столбы

диаметром 6 - 10 см и крепления более крупного диаметра – 15 - 25 см. За пределами жилища на расстоянии немногим более одного метра от него сооружена овальная яма размером 2,6 х 2,0 м с плоским дном и углистым слоем на дне. Глубина ямы 21 см, мощность углистой прослойки 6 см. Находок в яме не обнаружено. На противоположной стороне жилища, так же за его пределами, на расстоянии в 2,5 м от края ниши, расположено два небольших углистых пятна размером 25 х 35 см и 18 х 26 см и мощностью в 1 см. В пределах сооружения найдено 80 мелких фрагментов керамики и 2 кремневых скола (мелкий и средний) из кремня низкого качества. Сосуды представлены горшками в трех вариантах: горшки с плавно-изогнутой шейкой (2 экз.), горшки с воротничком (3 экз.), горшок с короткой шейкой (1 экз.). К глиняному тесту добавлена примесь шамота и раковины. Орнамент выполнен насечками. Поселение открыто и обследовано Л. Д. Макаровым в 1982 - 83 гг., вскрыто 221 кв. м культурного слоя.

(Л. Д. Макаров, 1991, с. 36 - 38; 1983 А).

8. Стоянка Усть-Шижма II

Поздняя бронза

Левый берег р. Шижмы, правого притока р. Вятки (дер. Зашижемье Советского р-на Кировской обл.). Памятник занимает излучину первой надпойменной террасы высотой 2 - 3 м. Мощностью культурного слоя – 17 - 25 см, Найдено 10 мелких фрагментов керамики, 30 единиц кремня, кости животных или птиц. Памятник выявил Л. А. Наговицын в 1975 г.

(Л. А. Наговицын, 1975 А).

9. Конец I (Кузнецовское) местонахождение

Мезолит, поздняя бронза

Правый берег р. Вятки (дер. Кузнецы Слободского р-на, Кировской обл.). Поселение занимает склон мыса первой надпойменной террасы высотой 9 м. Мыс ограничен логом, до р. Вятки около 600 м. Материал собран с

поверхности, культурный слой разрушен. Найдено 9 небольших фрагментов стенок и фрагмент плоского дна. На одном фрагменте стенки сохранились остатки орнамента. К глиняному тесту добавлена примесь раковины, шамота и растительных (органических?) остатков. Поверхность стенок выравнивалась заглаженной гребенкой. Памятник обнаружен в 1971 г. И .И. Стефановой (археологическая экспедиция ВятГГУ).
(И. И.Стефанова, 1971 А).

10. Поселение Мари-Кугалки II
Поздний мезолит, поздняя бронза, средневековье
Правый берег р. Пижмы, правого притока р. Вятки (дер. Мари-Кугалки Тужинского р-на Кировской обл.). Поселение находится на первой надпойменной террасе высотой 2-5 м и расположено в 150 м от места соединения заводи с р. Пижмой. Находки ПБВ собраны в основном в верхнем пахотном слое; найдено 3 фрагмента керамики и 4 обломка наконечников стрел из серого кремня. Посуда изготовлена с примесью песка и растительных остатков, орнамент выполнен резной техникой и оттисками шнура. Один сосуд относится к категории горшков и к варианту горшков с воротничком. Памятник выявлен Л. Д. Макаровым в 1976 г.; в 1979 исследован Т. М. Гусенцовой, вскрыто 634 кв. м площади памятника.
(Т. М. Гусенцова, 1993, с.28; 1979 А).

11. Поселение Акшубень I
Поздняя бронза
Левый берег р. Тужинки, правого притока р. Пижмы, правого притока р. Вятки (пос. Тужа Тужинского р-на Кировской обл.). Памятник расположен в 140 м от устья р. Тужинки, в 1,5 км от озера Акшубень. Поселение занимает дюну вытянутой овальной формы высотой 4 м, расположенную на высокой пойме. Мощность культурного слоя – 15-20 см. Центральную часть дюнного возвышения занимает группа из 4 ям. Две ямы сохранили вытянутую

неправильно-овальную форму и размеры в пределах 3,0 х 0,7 м. На дне одной ямы, возле стенки, расположены в ряд 4 столбовые ямки. Возможно, это остатки какого-либо ветрового заслона. Самая крупная яма имеет подпрямоугольную форму, размеры 3,0 х 2,2 м, глубину 35 см. В длинной стенке этой ямы отмечен небольшой овальный выступ-выход, на дне которого фиксируется яма. Возможно, здесь мы имеем остатки сезонной охотничьей стоянки. Кроме того, на дне постройки выявлены остатки кострища, размером 20 х 40 см. Найдено 126 фрагментов керамики и 84 единицы кремня. Глиняная посуда изготовлялась с использованием рецептов «глина+шамот+песок» или «глина + шамота + раковина». Керамика в значительной степени фрагментирована. Выделены следующие категории сосудов: банка с прикрытым устьем и плоским венчиком с карнизиком наружу (1 экз.); горшки (4 экз.), варианты: горшки с плавно-изогнутой шейкой, венчики заостренные с бортиком (3 экз.); горшок с воротничком с округлым венчиком (1 экз.). Орнамент выполнен резной и прочерченной техниками, насечками, гладким штампом, ямочными вдавлениями. Памятник обнаружен Л. И. Савиной в 1979 г. Исследован Л. А. Сенниковой в 1983 г., Н. П. Карповой (Девятовой) в 1984 г.

(Л. И. Савина, 1979 А; Л. А. Сенникова, 1983 А; Отчет КВАЭ, 1984 г.).

12. Поселение Акшубень II

Поздняя бронза

Правый берег р. Тужинки, правого притока р. Пижмы, правого притока р. Вятки (пос. Тужа Тужинского р-на Кировской обл.). Поселение занимает всхолмление подчетырехугольного мыса надпойменной террасы высотой 5 м. С трех сторон мыс ограничен речными протоками: с С и З – р. Тужинкой и ее протокой, а с Ю – небольшим ручьем, впадающим в р. Тужинку. Мощность культурного слоя – 18-50 см; в жилищах –- до 65 см. Исследовано два жилища, собрано около 600 фрагментов керамики, 3 развала сосудов. Кремневый

комплекс поселения насчитывает 1108 единиц. Памятник обнаружен Л. А. Сенниковой в 1983 г., исследован Н. П. Карповой (Девятовой) в 1984 г. (Н. П. Карпова (Девятова), 1987, с. 56-68).

13. Поселение Покста II

Поздняя бронза, средневековье, позднее средневековье

Правый берег р. Пижмы, правого притока р. Вятки (с. Покста Тужинского р-на Кировской обл.). Поселение расположено на мысу, образованном изгибом надпойменной 4-метровой террасы. Мощность культурного слоя – 5-25 см. Зафиксированы 2 ямы. Кремневый инвентарь насчитывает 119 единиц и включает один аморфный нуклеус, 26 скребков, 2 скобеля, проколку, наконечник стрелы, 9 пластин, вкладыш, 4 пластины, 4 отщепа с ретушью и 70 отщепов без ретуши. Керамика поселения представлена 8 фрагментами венчиков и 3 фрагментами орнаментированных стенок. В глиняном тесте в качестве примесей использовался мелкий шамот, органика и раковина. Основную часть коллекции составляют горшки с прямой шейкой (4 экз.) и горшки с плавно-изогнутой шейкой (2 экз.), есть одна банка прямостенная, орнаментированная только рядом ямок и одна чашка без орнамента. Горшки орнаментированы оттисками гребенчатого штампа, шнура, насечками, ямками, иногда с жемчужинами изнутри, резной техникой. Композиции состояли из коротких вертикальных линий гребенки, горизонтальной елочки. Под шейкой располагался ряд ямок, иногда сдвоенных или строенных. Памятник открыт М. В. Талицким в 1929 г.; исследован Л. И. Савиной в 1979 г., Н. А. Лещинской – в 1985 г., Л. Д. Макаровым – в 1987-88 гг., вскрыто 175 кв. м.

(Л. И. Савина, 1979 А; Н. А. Лещинская, 1985 А; Л. Д.Макаров, 1988 А).

14. Поселение Покста III

Поздняя бронза, средневековье

Правый берег р. Пижмы, правого притока р. Вятки (с. Покста Тужинского р-на Кировской обл.). Памятник расположен на мысу надпойменной террасы высотой 3 м. Культурный слой эпохи поздней бронзы мощностью 8-17 см зафиксирован в шурфах. Найдена лепная керамика с примесью шамота и органики в глиняном тесте, один фрагмент плоского днища и скребок на отщепе светло-серого кремня средних размеров. Памятник обнаружен и исследован Л. Д. Макаровым в 1987-88 гг.

(Л. Д. Макаров, 1994, с. 160).

15. Худяковское поселение

Мезолит, поздняя бронза, раннее средневековье

Правый берег р. Пижмы, правого притока р. Вятки (дер. Худяки Тужинского района Кировской обл.). Поселение занимает 4-х метровую надпойменную террасу. Мощностью культурного слоя эпохи поздней бронзы достигает 60 см. Исследовано четыре жилых сооружения, собран выразительный кремневый и керамический материал. Памятник найден Г. Н. Клюевой (Журавлевой) в 1975 г., в 1976, 1978-80 гг. исследован КВАЭ.

(Р. Д. Голдина, 1987, с. 41; 1980 А; Л. Д. Макаров, 1978 А).

16. Больше-Яснурская стоянка

Поздняя бронза

Правый берег р. Иж, правого притока р. Пижмы, правого притока р. Вятки (дер. Бол. Яснур Пижанского р-на Кировской обл.). Стоянка занимает край мыса коренного берега высотой 16 м. Культурный слой мощностью 17-27 см выявлен в шурфах. Собрано 7 кремневых отщепов и 5 сколов голубовато-серого и серого пятнистого кремня, 2 скобеля; один фрагмент керамики. Стоянка исследована Н. И. Леконцевой (Шутовой) в 1976 г.

(Н. И. Леконцева (Шутова), 1976 А).

17. Малиновское I поселение

Поздняя бронза, позднее средневековье

Правый берег р. Вятки (дер. Малиновка Лебяжского р-на Кировской обл.). Памятник расположен на пологой террасе высотой 4 м. Культурный слой позднего бронзового века имеет мощностью 7-22 см. Частично выявлены остатки жилого сооружения, углубленного в материк на 20-35 см, длина одной стенки в пределах раскопа 6,5 м. В слое найдено 16 кремневых отщепов, одна пластина, 36 фрагментов керамики, среди которых 10 венчиков (2 орнаментированы). Керамика плохой сохранности. Внутренняя и внешняя поверхность сосудов заглажена мягким предметом. В качестве примесей к глиняному тесту применялись органика и шамот. Посуда представлена горшками с прямой шейкой (2 экз.), орнаментированными вдавлениями гребенчатого штампа в виде тройного зигзага, ямками. К категории чашек относится один миниатюрный сосуд высотой 5 см и диаметром 6,5 см. К группе круглодонных маклашеевских сосудов также относится один фрагмент сосуда, орнаментированный гребенчатым штампом. Памятник открыт А.В.Васильевым в 1982 г., исследован Н. П. Карповой (Девятовой) в 1987 г., вскрыто 8 кв. м.

(А. В. Васильев, 1982 А; Н. П. Карпова (Девятова), 1987 А).

18. Поселение Мысы IV

Мезолит, поздняя бронза, ананьино, средневековье (древнерусское время), позднее средневековье

Правый берег р. Вятки (дер. Мысы Лебяжского р-на Кировской обл.). Памятник занимает подпрямоугольный мыс коренного берега в 200 м от р. Байсы, в 700 м от р. Вятки. Культурный слой эпохи поздней бронзы имеет мощность 12-14 см. С поверхности и в шурфах собрана керамика с примесью шамота и песка. Один фрагмент стенки орнаментирован насечками. Памятник обнаружен В. В. Ванчиковым в 1990 г.

(В. В. Ванчиков, 1990 А).

19. Поселение Мысы VI

Поздняя бронза, позднее средневековье

Правый берег р. Вятки (дер. Мысы Лебяжского р-на Кировской обл.). Поселение находится на коренном берегу высотой 10-11 м, вблизи устья лога. Мощность культурного слоя 10-20 см. Найдена лепная керамика с примесью шамота, два отщепа светло-серого и серого кремня с желвачной коркой, пластина темно-серого кремня. Поселение открыто В. В. Ванчиковым в 1990 г. (В. В. Ванчиков, 1990 А).

20. Ботыли IV поселение

Неолит, энеолит, поздняя бронза, раннее и позднее средневековье

Правый берег р. Вои, левого притока р. Вятки (дер. Ботыли Нолинского р-на Кировской обл.). Поселение занимает мыс первой надпойменной террасы высотой 5-6 м. В 100 м от поселения расположена старица р. Вои. Культурный слой эпохи поздней бронзы имеет мощность от 5 до 45 см, к этому времени относятся две небольшие ямы (раскопаны не полностью) и около 300 фрагментов керамики. В качестве примеси к глиняному тесту использовался шамот, толченая раковина и песок. Категория горшков представлена одним экземпляром с прямой шейкой. Венчик с внутренней стороны орнаментирован косыми насечками. Численно преобладают круглодонные сосуды маклашеевской группы. Орнамент наносился оттисками гребенчатого штампа в виде прямых линий или двойного зигзага. Иногда край венчика украшен рядом наклонных оттисков гребенки. Под шейкой, при переходе к тулову, располагался ряд сдвоенных или строенных ямок с жемчужинами изнутри. Памятник исследован Т. М. Гусенцовой в 1977-78 гг.
(Т. М. Гусенцова, 1993, с.104; Отчет КВАЭ, 1977 А; 1978 А).

21. Поселение Буй I

Неолит, энеолит, поздняя бронза, раннее и позднее средневековье

Левый берег р. Вятки (пос. Медведок Нолинского р-на Кировской обл.). Поселение занимает мыс первой надпойменной террасы высотой 4 м, ограниченный с С и З небольшими ложками, с восточной стороны мыса протекает руч. Криуша. Мощность культурного слоя эпохи поздней бронзы составляет 25-30 см. К этому периоду относятся три жилища. Керамический комплекс насчитывает 11 развалов сосудов и 280 фрагментов венчиков. Среди кремневых орудий имеются наконечники стрел и дротика, скребки. Поселение найдено и исследовано В. П. Денисовым в 1955 г., в 1981-82 гг. М. И. Трефц раскопала около 300 кв. м площади памятника.

(В. П. Денисов, 1958, с. 113-118; М. И. Трефц, 1985, с. 124-143).

22. Стоянка Медведок

Поздняя бронза

Левый берег р. Вятки (пос. Медведок Нолинского р-на Кировской обл.). Стоянка находится на краю первой надпойменной террасы. Культурный слой мощностью 25-30 см выявлен при зачистке обнажения. Подъемный материал состоит из обломка кремневого дротика, 2 отщепов и 9 фрагментов керамики. Стоянка обнаружена В. П. Денисовым в 1955 г., в 1956 г. осмотрена вторично.

(В. П. Денисов, 1958, с.113).

23. Поселение Лобань I

Энеолит, поздняя бронза, позднее средневековье

Левый берег р. Лобань, правого притока р. Кильмезь, левого притока р. Вятки (с. Лобань Богородского р-на Кировской обл.). Поселение расположено на склоне коренного берега высотой 10 м. Культурный слой эпохи поздней бронзы имеет мощность 40-90 см. К этому периоду относится жилище и столбовые ямки возле него, три кострища. Керамический комплекс представлен выразительными фрагментами сосудов и 5 развалами сосоудов. Из кремневого

инвентаря имеются скребки, пластины, отщепы с ретушью. Памятник исследован Т. М. Гусенцовой в 1973 г., вскрыто 244 кв. м культурного слоя.
(Т. М. Гусенцова, Л. А. Сенникова, 1980, с. 118-134)

24. Поселение Лобань III

Энеолит, поздняя бронза

Левый берег р. Лобань, правого притока р. Кильмезь, левого притока р. Вятки (с. Лобань Богородского р-на, Кировской обл.). Поселение расположено на склоне надпойменной террасы высотой 5 м. Зафиксировано одно жилище эпохи поздней бронзы и собран выразительный керамический и кремневый материал. Поселение найдено Т. М. Гусенцовой в 1975 г., исследовано Л. А. Сенниковой в 1979 г.
(Л. А. Сенникова, 1994, с. 85-87).

25. Ройское городище

Поздняя бронза, ананьино

Правый берег р. Вятки (дер. Бол. Шишкино Уржумского р-на Кировской обл.). Памятник расположен на вытянутом мысу коренного берега, высотой 20 м. Городище впервые описано в Отчете ВГСК за 1873 г., раскапывалось в 1881 г. членами ОАИЭ С. К. Кузнецовым, В. М. Малаховым, П. А. Пономаревым. Обследовано А. А. Спицыным в 1887 г. Раскопано Г. А. Архиповым в 1956 г.
(Отчет ВГСК, 1873, с. 5; Г. А. Архипов, 1962, с. 201-203).

26. Тюм-Тюмское III поселение

Поздняя бронза, ранний железный век.

Левый берег р. Тюм-Тюмки, правого притока р. Вятки (дер. Тюм-Тюм Уржумского р-на Кировской обл.). Памятник занимает мыс коренного берега, высотой 11 м, с двух сторон ограничен логами. Мощность культурного слоя -– 14-17 см. Найдено 13 фрагментов керамики, один отщеп средних размеров, один скребок на отщепе из светлого кремня подпрямоугольной формы с

рабочим краем по ¾ периметра, расколотая галька. Памятник обнаружен В. В. Ванчиковым в 1989 г.

(В. В. Ванчиков, 1989 А).

27. Тюм-Тюмская I стоянка

Поздняя бронза

Правый берег р. Вятки (дер. Тюм-Тюм Уржумского р-на Кировской обл.). Памятник расположен на краю берега. Мощностью культурного слоя 20-30 см. Найдена лепная плоскодонная керамика с резным орнаментом, скребки, отщепы и сколы. Стоянка обнаружена отрядом МАЭ в 1956 г.

(А. Х. Халиков, 1960, с. 149; Г. А. Архипов, А. Х.Халиков, 1960, с. 117, № 346).

28. Тюм-Тюмская II стоянка

Поздняя бронза

Правый берег р. Вятки (дер. Тюм-Тюм Уржумского р-на Кировской обл.). Памятник занимает край надпойменной террасы. Мощность культурного слоя 20 см. Найдены лепная керамика и кремневые отщепы. Памятник исследован отрядом МАЭ в 1956 г.

(А. Х. Халиков, 1960, с. 149; Г. А. Архипов, А. Х.Халиков, 1960, с. 117, № 347).

29. Хлюпинская стоянка

Поздняя бронза

Правый берег р. Вятки (бывш. дер. Хлюпино Малмыжского р-на Кировской обл.). Памятник расположен на мысу коренного берега реки. Мощность культурного слоя 10-15 см. С площадки памятника были собраны фрагменты керамики с резным орнаментом, кремневые сколы и наконечник стрелы листовидной формы. В настоящее время поверхность памятника разрушена земляными работами. Стоянка обнаружена в 1956 г. отрядом МАЭ.

(А. Х. Халиков, 1960, с. 149; Г. А. Архипов, А. Х. Халиков, 1960, с. 121, № 365).

30. Сунцевская стоянка

Поздняя бронза

Правый берег р. Вятки (дер. Сунцево Малмыжского р-на Кировской обл.). Памятник занимает мыс коренного берега. Мощностью культурного слоя 10-15 см. Найдены лепная керамика с орнаментом, выполненным резной техникой и ямками, и кремневые отщепы. Стоянка обнаружена М. Г. Худяковым в 1914 г., в 1956 г. исследована отрядом МАЭ.

(А. Х. Халиков, 1960, с. 149; Г. А. Архипов, А. Х. Халиков, 1960, с. 122, № 368).

31. Дмитровское поселение

Поздняя бронза

Правый берег р. Порек, левого притока р. Вятки (дер. Дмитриевка Малмыжского р-на Кировской обл.). Памятник занимает мыс надпойменной террасы высотой 2 м, у подножья террасы располагается старичное озеро. На поверхности памятника размещаются три слабоуглубленные овальные впадины, размером 10 х 7м, 14 х 5 м, 19 х 7 м и глубиной 20-30 см. Мощность культурного слоя 12-20 см. В коллекции керамики имеются фрагменты от 6 сосудов и 2 орнаментированные стенки, в тесте присутствует примесь мелкотолченной раковины. Внутренняя и внешняя поверхность обработана гребенчатым штампом, иногда с последующим заглаживанием. Большинство сосудов относятся к категории круглодонных (маклашеевских) горшков. Диаметр по шейке – 20-23, 32 см. Узоры нанесены мелким гребенчатым штампом, овальными вдавлениями и ямками. У двух сосудов внутренняя сторона горловины орнаментирована наклонными оттисками гребенки, у одного сосуда орнаментирован срез венчика. К категории горшков относится один сосуд, от которого сохранилась орнаментированная стенка (вариант не определяется). Поселение исследовано Н. П. Девятовой в 1989 г.

(Н. П. Девятова, 1989 А).

32. Мелетское II поселение

Поздняя бронза, раннее средневековье

Правый берег р. Анжинерки, левого притока р. Вятки (с. Мелеть Малмыжского р-на Кировской обл.). Поселение расположено, на пологом мысовидном выступе первой надпойменной террасы. Найдено 3 небольших фрагмента керамики с примесью шамота и органики. Памятник обнаружен Е. М. Черных в 1988 г.

(Е. М. Черных, 1988 А).

33. Тархан IV поселение

Мезолит, поздняя бронза

Южный берег озера Черного, левый берег р. Валы, левого притока р. Кильмезь, левого притока р. Вятки (дер. Тархан Кильмезского р-на Кировской обл.). Поселение занимает склон надпойменной террасы высотой 3 м в 40 м от озера Черного. К эпохе поздней бронзы относятся остатки одного жилого сооружения, столбовые ямки, 2 хозяйственные ямы за пределами жилища. Одна яма округлой формы, диаметром 0,6 м и глубиной 23 см, сооружена возле короткой стенки жилища, в углу, образованном стенкой и нишей-выступом. Другая яма овальной формы, размером 2,2 х 1,3 м, глубиной 60 см с уплощенным дном располагалась в 8 м к С от жилища. В заполнении этой ямы найдены фрагменты керамики. Максимальная мощность культурного слоя эпохи поздней бронзы 55 см. Из жилища происходят 70 небольших фрагментов керамики (стенки сосудов) и 89 единиц кремня. Форма сосудов не определяется, один фрагмент орнаментирован гребенчатым штампом. Поселение найдено Л. Д. Макаровым в 1975 г., исследовано Н. П. Карповой (Девятовой) в 1986 г., вскрыто 320 кв. м.

(Н. П. Карпова (Девятова), 1986 А).

34. Поселение Моторки II

Неолит, поздняя бронза, ранний железный век, средневековье

Левый берег р. Идык, левого притока р. Валы, левого притока р. Кильмезь, левого притока р. Вятки (дер. Моторки Кильмезского р-на Кировской обл.). Поселение расположено на песчаной гряде первой надпойменной террасы высотой 2 м, в 300 м от места впадения р. Идык в р. Валу. К эпохе поздней бронзы относится 4 ямы, в которых собрана лепная керамика и кремневый инвентарь. Три ямы расположены компактной группой в ряд. Форма ям прямоугольная, размеры – от 1,5 х 2,7 м до 3,0 х 3,4 м, глубина 16-20, 60 см. Одна яма имеет в длинной стене небольшой овальный выступ размером 0,45 х 0,5 м (выход?). В самой большой яме (размером 3,0 х 3,4 м) фиксируется углубленная часть потреугольной формы, размером 1,8 х 2,0 м. Четвертая яма отстоит от группы ям на расстояние 14-15 м, имеет округлую форму, диаметр 1,25 м. Поселение найдено Т. М. Гусенцовой в 1974 г., исследовано Р. Д. Голдиной в 1975 г., Н. П. Карповой (Девятовой) и Е.М.Черных в 1985 г. Всего вскрыто 856 кв.м.

(Р. Д. Голдина, Т. М. Гусенцова, 1979, с. 33-102; Отчет КВАЭ, 1985 А).

35. Наживинская (Никольская) стоянка

Поздняя бронза

Левый берег р. Вятки (пос. Никольский Малмыжского р-на Кировской обл.). Поселение расположено на краю надпойменной террасы высотой 3-5 м. Мощность культурного слоя 15-30 см. Собрана лепная керамика с примесью песка и шамота и орнаментированная гребенчатым штампом, 2 обломка кремневых орудий, изготовленных из светло-серого кремня, отщепы. Памятник обнаружен В. П. Денисовым в 1955 г.

(В. П. Денисов, 1958, с.111-112).

36. Малмыжская стоянка

Поздняя бронза

Правый берег р. Шошмы, правого притока р. Вятки (г. Малмыж Малмыжского р-на, Кировской обл.). Стоянка занимает пологий склон невысокого всхолмления. Мощность культурного слоя 25-50 см, зафиксирована одна яма. На площади памятника собран кремневый инвентарь и фрагменты керамики. Памятник обнаружен. М. Г. Худяковым в 1923 г., тогда же был найден нож карасукского типа, который А. Х. Халиков датировал VII в. до н.э. В 1955 г памятник исследовал В. П. Денисов, был заложен раскоп площадью 82 кв.м. В 1956 г. стоянка осмотрена отрядом МАЭ. В настоящее время памятник полностью разрушен.

(В. П. Денисов, 1958, с. 118; А. Х. Халиков, 1960, с .149-150; Г. А. Архипов, А.Х.Халиков, 1960, с. 123-124, № 374).

37. Малмыжское местонахождение керамики

Поздняя бронза

Правый берег р. Шошмы, правого притока р. Вятки (г. Малмыж Малмыжского р-на Кировской обл.). На надпойменной террасе высотой 7 м найдено 2 небольших фрагмента керамики, орнаментированных насечками. Культурный слой разрушен. Памятник обнаружен В. П. Денисовым в 1955 г.

(В. П. Денисов, 1958, с. 111; Г. А. Архипов, А. Х. Халиков, 1960, с. 123, № 372).

38. Старо-Бурецкое поселение

Поздняя бронза

Правый берег р. Вятки (с. Старый Бурец Малмыжского р-на Кировской обл.). Памятник расположен на краю высокой поймы. Мощность культурного слоя 25-50 см, зафиксировано одно жилище, хозяйственный ямы, выявлены две хозяйственные постройки. Остатки материальной культуры представлены выразительным керамическим комплексом, кремневым инвентарем. Найдены мелкие капельки бронзы, небольшое количество костей животных. Из

единичных находок имеется пряслице из стенки сосуда и пест-терочник. Памятник обнаружен отрядом МАЭ в 1956 г., исследован В. Е. Стояновым в 1959 г., Л. А. Сенниковой в 1987 г., 1989 г.

(А. Х. Халиков, 1960, с. 151; В. Е. Стоянов, 1959 А; Л. А. Сенникова, 1987 А; 1989 А).

39. Ново-Бурецкая стоянка

Поздняя бронза

Устье р. Бурец, правого притока р. Вятки (дер. Новый Бурец Вятско-Полянского р-на Кировской обл.). Памятник расположен на краю высокой поймы. Мощность культурного слоя достигает 30 см. Собран выразительный керамический комплекс и кремневый инвентарь. Памятник обнаружен отрядом МАЭ в 1956 г., исследован В. Е. Стояновым в 1959 г.

(А. Х. Халиков, 1960, с. 151-152; В. Е. Стоянов, 1959 А).

40. Поселение Кордон

Мезолит, поздняя бронза, раннее средневековье

Правый берег р. Казанки, левого притока р. Вятки (дер. Кордон Вятско-Полянского р-на Кировской обл.). Памятник расположен на мысу надпойменной террасы высотой 5 м. Мощность культурного слоя достигает 35 см, к эпохе поздней бронзы относится одна яма. Найдено несколько фрагментов керамики, развал сосуда, 2 скребка, нож с двусторонней краевой ретушью и отщепы из кремня. Сосуд относится к категории горшков и варианту – горшки с воротничком, изготовлен с примесью песка, шамота и раковины к глиняному тесту, Венчик плоский, скошен внутрь, диаметр по венчику 40 см. Горшок орнаментирован несколькими техническими приемами одновременно: насечками, резной техникой, шнуром, ямками. Поселение найдено разведотрядом КВАЭ под руководством И. Г. Кабировой в 1975 г., исследовано Е. М. Черных и Н. А. Лещинской в 1983-84 гг., раскопано 234 кв.м.

(Н. А. Лещинская, 1987, с. 65; 1984 А).

41. Слудка, местонахождение кремня и керамики

Поздняя бронза

Правый берег р. Вятки (дер. Слудка Вятско-Полянского р-на Кировской обл.). Памятник занимает надпойменную террасу, высотой 9 м. На мысу, ограниченном устьем ручья и логом найдено 3 кремневых скола и фрагмент керамики. Местонахождение открыто разведочным отрядом КВАЭ под руководством Н. В. Шутовой в 1977 г.

(Н. В. Шутова, 1977 А).

42. Изранское поселение

Поздняя бронза

Правый берег р. Вятки (дер. Луговой Изран Вятско-Полянского р-на Кировской обл.). Поселение расположено на невысокой дюне в пойме реки. Мощность культурного слоя 25-30 см, в сооружениях – до 80 см. Зафиксировано 3 жилища, от которых на поверхности сохранились неглубокие впадины, собран керамический и кремневый инвентарь. Поселение исследовано Е. М. Черных в 1983-84 гг. и Л. А. Сенниковой в 1984 г.

(Е. М. Черных, 1988, с. 4-18).

43. Поселение «Журавлиный мыс»

Поздняя бронза

Левый берег р. Вятки (дер. Каракульская Пристань Вятско-Полянского р-на Кировской обл.). Памятник занимает мыс высокой поймы (4 м), образованный поворотом реки. Мощность культурного слоя в шурфах 10-20 см. Найдено 40 фрагментов керамики с примесью песка и органики, два фрагмента плоских днищ. Один фрагмент шейки орнаментирован неглубокими прочерченными линиями. Кремневый инвентарь представлен двумя обломками пластин и тремя отщепами. Памятник исследован Л. А. Наговицыным в 1974 г.

(Л. А. Наговицын, 1978, с. 139; 1974 А).

44. Поселение «Лесная сторожка»

Поздняя бронза

Левый берег р. Вятки (дер. Каракульская Пристань Вятско-Полянского р-на Кировской обл.). Поселение занимает край четырехметровой высокой поймы. Три округлые жилищные впадины расположены в ряд вдоль края террасы. Диаметр впадин – 6-11м, глубина – 0,4-0,6м. Мощность культурного слоя в шурфах 12-16 см. Найдено 20 фрагментов керамики с примесью растительных остатков и небольшого количества песка. Два фрагмента орнаментированы прочерченной техникой. Поселение открыто Л. А. Наговицыным в 1974 г.
(Л. А. Наговицын, 1978, с.138-139).

45. Кулигинская стоянка

Поздняя бронза

Правый берег р. Вятки (с. Кулигино Вятско-Полянского р-на Кировской обл.). Памятник расположен на краю высокой поймы. Мощность культурного слоя достигает 25 см. Фрагменты керамики принадлежат сосудам с небольшим бортиком по венчику, орнаментированным резной техникой и ямками. Стоянка исследована в 1956-58 гг. отрядом МАЭ.
(А. Х. Халиков, 1960, с. 152, табл. LXVI - 8-9; Г. А. Архипов, А. Х. Халиков, 1960, с.126, № 388).

46. Нижне-Шуньская (Шуньская) стоянка

Поздняя бронза

Правый берег р. Вятки (дер. Нижние Шуни Вятско-Полянского р-на Кировской обл.). Памятник расположен в устье р. Шунки, на коренном берегу высотой 15 м, на выступе террасы. Мощность культурного слоя 15-20 см. Фрагменты керамики принадлежат сосудам гошковидной формы с бортиком по краю венчика, орнаментированы однорядными ямочными вдавлениями. Кремневый инвентарь – 8 экз. (2 пластины, 4 отщепа, 2 скола). Впервые стоянка была исследована отрядом МАЭ, в 1956 г. В 1977 г. на памятнике проведены

рекогносцировочные исследования разведотрядом КВАЭ под руководством Н. В. Шутовой.

(А. Х. Халиков, 1960, с. 152; Г. А. Архипов, А. Х. Халиков, 1960, с.127, № 390; Н. В. Шутова, 1977 А).

47. Пайбулатовское поселение

Поздняя бронза, азелино, позднее средневековье

Правый берег р. Бол. Кокшага, левого притока р. Волги (дер. Пайбулатово Кикнурского р-на Кировской обл.). Поселение расположено в пойме на берегу старицы Бол. Кокшаги на дюне высотой 2-2,5 м, в 500 м от реки. Комплекс эпохи поздней бронзы представлен двумя фрагментами сосудов и кремневым инвентарем. Сосуды изготовлены из глиняного теста с примесями песка и органических (растительных?) остатков, наружная и внутренняя поверхность стенок гладкая. Один сосуд относится к категории горшков и варианту горшков с воротничком. Венчик округлый, диаметр по венчику – 32 см. Орнаментирован ямочными вдавлениями и шнуровыми оттисками. Другой сосуд принадлежит к категории банок. Венчик округлый. Орнамент выполнен ямочными вдавлениями и насечками. Коллекция кремневого инвентаря насчитывает 47 единиц. Кремень серый пятнистый, светло-серый, доломит. Преобладают отщепы средних размеров (1,5-2,9 см – 27 экз.), мелкие отщепы насчитывают 7 экз., чешуйки – 3 экз., крупные – 6 единиц. Пластины (3 экз.) невыразительные, шириной 1,0-1,9 см, обработаны мелкой краевой частичной ретушью. Скребок изготовлен на отщепе средних размеров подтреугольной формы. Орудие имеет два рабочих края, оформленных противолежащей ретушью. Памятник исследован в 1981 г. Н. П. Карповой (Девятовой) и И. Г. Шапран, вскрыто 512 кв.м.

(Отчет КВАЭ, 1981 А).

48. Кубашевское поселение

Энеолит, поздняя бронза, средневековье

Правый берег р. Мамокши, левого притока р. Бол. Кокшага, левого притока р. Волги (дер. Русское Кубашево Санчурского р-на Кировской обл.). Поселение расположено на площадке Кубашевского городища, на мысу коренного берега высотой 20-25 м. Культурный слой имеет мощность 25-30 см. Зафиксированы остатки жилых сооружений, ямы. Собрана лепная керамика, орудия и отщепы из кремня. Памятник был обнаружен и описан как городище А. А. Спицыным в 1887 г. Поселенческие материалы выявлены А. Х. Халиковым и А. Г. Архиповым в 1957-58 гг. в процессераскопок городища.

(А. А. Спицын, 1893, с 151-153; А. Х. Халиков, 1960, с. 92-106).

49. Ошманурская II стоянка

Поздняя бронза

Левый берег р. Бол. Кокшага, левого притока р. Волги (дер. Ошманур Санчурского р-на Кировской обл.). Стоянка расположена на краю высокой поймы высотой 4 м. На площадке заметны 3 впадины, расположенные в линию вдоль края террасы. Мощность культурного слоя 20-35 см. Найдены фрагменты керамики. Стоянка открыта в 1978 г. отрядом МАЭ.

(Отчет МАЭ, 1978 А)

50. Ошманурское местонахождение керамики

Поздняя бронза

Левый берег р. Бол. Кокшага, левого притока р. Волги (дер. Ошманур Санчурского р-на Кировской обл.). На невысокой пологой террасе, в 350 м от реки, найдено 2 фрагмента керамики. Культурный слой разрушен пахотой. Местонахождение обнаружено в 1978 г. отрядом МАЭ.

(Отчет МАЭ, 1978 А).

51. Шабалинки, стоянка

Поздняя бронза

Левый берег р. Бол. Кокшага, левого притока р. Волги (дер. Шабалинки Санчурского р-на Кировской обл.). Поселение расположено на коренном берегу высотой 8 м. Мощность культурного слоя 5 см. Найдены кремневые сколы, скребки, фрагменты керамики. Стоянка открыта отрядом МАЭ в 1978г.
(Отчет МАЭ, 1978 А).

52. Этанцы II поселение

Мезолит, энеолит, поздняя бронза

Правый берег р. Ошмы, правого притока р. Пижмы, правого притока р. Вятки (дер. Ятанцы Тужинского р-на Кировской обл.). Памятник расположен на краю первой надпойменной террасы, высотой 4 м. Мощность культурного слоя 20-30 см. К эпохе поздней бронзы относится одно жилище, хозяйственные ямы и хозяйственные постройки с ямами. Комплекс керамики представлен развалами сосудов, фрагментами стенок и шеек. Коллекция кремневого инвентаря насчитывает около 800 предметов, но смешанность культурного слоя не позволяет весь кремневый инвентарь разделить на хронологические комплексы. Памятник открыт Л. Д. Макаровым в 1976 г., исследован Л. А. Сенниковой в 1977, 1979-82 гг., вскрыто 570 кв. м.
(Л. А. Сенникова, 1980, с. 135-146; 1979 А; 1980 А; 1982 А).

53. Этанцы III поселение

Энеолит, поздняя бронза

Правый берег р. Ошмы, правого притока р. Пижмы, правого притока р. Вятки (дер. Ятанцы Тужинского р-на Кировской обл.). Поселение распложено на краю первой надпойменной террасы высотой 3 м, в 60 м от устья небольшого родника. Мощность культурного слоя 10-30 см. Собрано около 90 фрагментов керамики и более 200 единиц кремня. Керамика на поселении окатана, сильно фрагментирована. Основу коллекции составляют неорнаментированные стенки,

имеются две шейки от двух сосудов – банки прямостенной и чашки. К глиняному тесту добавлена примесь раковины, песка и шамота. Памятник обнаружен Л. Д. Макаровым в 1976 г., исследован Л. А. Сенниковой в 1982 г.
(Л. Д. Макаров, 1976 А; Л. А. Сенникова, 1982 А)

54. Проходная Лоза поселение
Неолит, поздняя бронза
Левый берег затона Курья, левого притока р. Вятки (бывш. дер. Проходная Лоза Малмыжского р-на Кировской обл.). Поселение занимает подпрямоугольный мыс первой надпойменной террасы высотой 5-6 м, ограниченный с двух сторон логами. Культурный слой эпохи поздней бронзы имеет мощностью 20-40 см. Собраны фрагменты лепной керамики и кремень. Памятник обнаружен разведотрядом КВАЭ под руководством В. А. Лекомцева в 1980 г.
(В. А. Лекомцев, 1980 А)

55. Проходная Лоза II, местонахождение кремня и керамики
Мезолит, поздняя бронза
Левый берег затона Курья, левого притока р. Вятки (бывш. дер. Проходная Лоза Малмыжского р-на Кировской обл.). Памятник занимает подтреугольный мыс надпойменной террасы высотой 5-6 м, ограниченный с двух сторон логами. Мощность культурного слоя эпохи бронзы в шурфе 20-30 см. На поверхности собраны фрагменты керамики и кремень. Памятник найден В. А. Лекомцевым в 1980 г.
(В. А. Лекомцев, 1980 А).

56. Никулицкое 1 поселение

Поздняя бронза, средневековье.

Правый берег р. Вятки (с. Никульчино Слободского района Кировской обл.). Памятник расположен на мысу коренного берега р. Вятки высотой 16 м, ограниченном небольшим логом. Культурный слой мощностью 30 см выявлен в обнажениях. Найдены фрагменты керамики. Один фрагмент орнаментирован гребенчатым штампом. Поселение обнаружено Н. А. Ярославцевой (Лещинской) в 1977 г. Памятник осмотрен Л. Д. Макаровым в 1988 г.

(Р. Д. Голдина, Е.М.Черных, 1985, с.90; Н.А. Ярославцева (Лещинская), 1977 А)

57. Чирки II стоянка

Мезолит, поздняя бронза

Правый берег р. Вятки (дер. Чирки Слободского района Кировской обл.). Памятник расположен на склоне второй надпойменной террасы высотой 18 м, до р. Вятки 150-200 м. К эпохе поздней бронзы относятся три небольших фрагмента керамики с примесью шамота и раковины и нуклеус. Нуклеус с двумя прилегающими площадками, негативы сколов от пластин и отщепов, сколы некачественные с заломами. Площадки подправлены сколами. Кремень местный серый пятнистый. Памятник обнаружен И. И. Стефановой (археологическая экспедиция ВятГГУ) в 1967 г., в 1969 г. раскопано 24 кв. м. В 1974 г памятник осмотрен членами краеведческого кружка Первомайской школы г. Слободского под руководством Г. И. Смолиной

(С. В. Ошибкина, 1984, с. 4; И. И. Стефанова, 1969 А; Слободской краеведческий музей, коллекция СМК О.Ф. 8932).

58. Первомайское поселение

Мезолит, энеолит, поздняя бронза, ананьино, позднее средневековье

Правый берег р. Вятки (пос. Первомайский г. Слободского Кировской обл.). Памятник расположен на прямоугольном мысу первой надпойменной террасы р. Вятки высотой в 7 м. С двух сторон береговая терраса прорезана руслами

небольших ручьев, впадающий в Вятку. На площади памятника найден фрагмент прямостенной банки с валиком и 4 изделия из кремня. Скребок концевой на среднем аморфном отщепе темно-серого кремня с прямым рабочим краем. Скобель на среднем удлиненном отщепе серого кремня. Рабочие лезвия прилегающие – на торце и на боковой грани, значительно сработаны, ретушь утилизации со спинки. Нуклеус серого пятнистого кремня, одноплощадочный, сработан, с остатками желвачной корки на поверхности, основание и площадка подработаны сколами, негативы скалывая от широких пластин. Отщеп с ретушью пятнистого светло-серого кремня средних размеров. Сборы проведены членами краеведческого кружка Первомайской школы под руководством Г. И. Смолиной в 1975 г. Поселение выявлено Л. Д. Макаровым в 1986 г. в ходе раскопок Первомайского могильника.

(Л. Д. Макаров, 1995, с. 33; Слободской краеведческий музей, коллекция СМК о.ф. 8931;)

59. Нкульчинское Ш поселение

Поздняя бронза, позднее средневековье

Правый берег р. Вятки (с. Никульчино Слободского р-на Кировской обл.). Памятник расположен на округлом мысу, образованном высоким (24 м) коренным берегом р. Вятки и глубоким логом, по дну которого течет небольшой ручей. Мощность сохранившихся культурных напластований 5-10 см, значительная часть культурного слоя уничтожена распашкой. На поселении собрано 8 фрагментов лепной керамики с примесью раковины к глиняному тесту и мелкий кремневый отщеп серого цвета. Памятник открыт Н. А. Лещинской (Ярославцевой) в 1980 г., вскрыто 14 кв. м.

(Р.Д.Голдина, Е.М.Черных, 1985, с. 109; Н.А.Ярославцева (Лещинская), 1980А).

60. Буйское городище

Энеолит, балановo, поздняя бронза, ранний желзный век, средневековье

Правый берег р. Вятки (д. Буйский Перевоз Уржумского района Кировской обл.). Памятник расположен на мысу коренного берега р. Вятки высотой 24 м, при впадении в р. Вятку небольшой речки Куженерки. В процессе исследования городища были найдены фрагменты керамики эпохи поздней бронзы. Памятник известен с 1873 г., исследован А. А. Спицыным в 1887 г. В 1929 г обследован отрядом Вятской экспедиции Антропологического института МГУ под руководством М. В. Талицкого. УАЭ под руководством В. Ф. Генинга в 1956 г. на городище проведены раскопки. Затем памятник исследовался в 1976-79 гг. отрядом КВАЭ под руководством Л. И. Ашихминой.

(Л. И. Ашихмина, 1989, с. 13)

61. Мокино III стоянка (Мокинское поселение)

Мезолит, поздняя бронза, русская колонизация, позднее средневековье

Правый берег р. Вятки (пос. Первомайский, г. Слободской Кировской обл.). памятник расположен на мысу второй надпойменной террасы р. Вятки, высотой 16 м. С двух сторон поселение ограничено глубокими оврагами. Мощность культурного слоя – 18-20 см. Собрано 5 фрагментов лепной керамики от трех сосоудов (два фрагмента стенок принадлежат одному сосуду, одна шейка состоит из двух фрагментов). Керамика с примесью шамота, раковина и органических остатков. Фрагменты стенок имеют нагар на внутренней стороне. Шейка прямая, возможно от баночного сосуда. Памятник обнаружен учителем Первомайской школы Г. И. Смолиной в 1977 г. В 1986 г. выявлен Н. И. Шутовой. Исследовано 15 кв.м слоя.

(Н. И. Шутова, 1986 А, Слободской краеведческий музей, коллекция 8930 о.ф., шифр М/77)